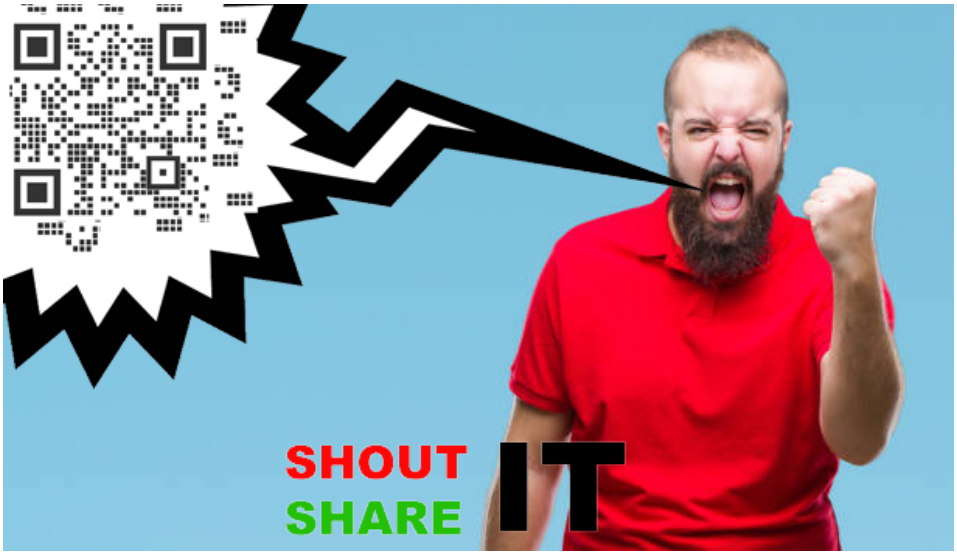
Екатерина Дей

Амир

часть I


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга Екатерины Дей «Амир» – первая часть серии книг в жанре фэнтези. Это второе произведение автора, выдвинутое на суд широкого читателя. Герой этой книги является одним из действующих лиц первой книги «Я однажды приду…».

Спасая свой народ от полного уничтожения, вождь хасов становится Темным. Шесть столетий борьбы превратили его в одного из самых могущественных в таинственном сумрачном мире, где правят сила и жестокость. И однажды появляется Она – его энергетическая половина, спасение от гибели и нежданная любовь.

Захватывающие приключения, неожиданные повороты событий, любовные переживания героев и их окружения будут интересны самому широкому кругу читателей.

- Екатерина Дей
  -
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

Екатерина Дей
Амир

www.napisanoperom.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© Е. Дей, 2015

© ООО «Написано пером», 2015

1

Смотреть в окно было уже не интересно. Пейзаж я выучила наизусть, даже деревья в саду пересчитала и почти определила виды: пять яблонь разных сортов и три хвойных дерева, наверное, какие-то сосны местные. И никаких кустов, даже цветов нет, только яркая зелень травы на красивой лужайке. Комнату тоже… Одни ковры кругом, даже на стенах, только просвет окна свободен, хотя, прозрачного кусочка нет, сплошное цветное стекло, как-то это называется, не помню. Я орнамент ковра уже наизусть знаю, можно перерисовать по памяти, только красок нет, даже карандаша. Ничего нет, только я и постель, покрытая теми же коврами. Да и ванная, между прочим, тоже вся в коврах.

В дверь постучали, опять же непонятно, зачем стучать, если дверь закрыта на замок? Предупреждают, что заходить будут? Смешно. Вошел тот же гигант, обозвали санитаром, а какой он санитар, ему в спецслужбах только служить, ЦРУ каком-нибудь. И на русском говорит очень чисто для турка, хотя, какой он турок, больше на европейца похож, француза например, или итальянца.

– Добрый день, Рина.

– Добрый день, Вито. Чувствую себя нормально, никаких признаков болезни.

Я сразу ответила на его обычные вопросы, как я себя чувствую, есть ли признаки болезни. А сейчас скажет, что надо взять на анализ каплю моей крови.

– Больных увезли, тебе уже не опасно выйти из комнаты. Хочешь посмотреть дворец?

– Дворец?

– Да, больных доставили в ближайшее место, где можно было обеспечить им должный уход.

– Почему я не заразилась?

– Это мы и пытаемся выяснить.

Яркие серые глаза внимательно наблюдали за мной, и на жестком лице никогда не появлялась улыбка. Странный санитар. Кстати, я ни разу не видела его в белом халате – темный костюм и черная рубашка. Мафиози какой-то. И практически не касается меня, ну да, боится заразиться непонятной заразой. Когда берет у меня кровь странным аппаратом, даже пальца не касается, кстати, совсем не больно: никакого укола, кровь как-то сама появляется в пробирке. Я подошла к нему, и он сразу открыл передо мной дверь:

– Можно пройти в столовую – время обеда.

Еду все эти дни он приносил мне в комнату на большом

круглом подносе, как доносил такую тяжесть непонятно, и её было столько, что всех пассажиров автобуса можно было накормить.

– А куда всех увезли? В больницу?

– В специальную клинику.

Вот это да, точно дворец. Потолки терялись где-то на такой высоте, что их практически не было видно, как в соборе, а стены везде покрыты такими же удивительными коврами, как в той комнате, где я переживала свой странный карантин. Высокие узкие окна так же состояли из маленьких цветных витражей, вот и слово вспомнила. И на полу ковры, ковровый дворец какой-то. Восток, что поделаешь, хотя Турция, это что, Восток или еще нет?

Мы проходили по гигантским залам этого странного дворца, и никто не встретился на пути, вообще ни одного человека.

– А здесь больше никого нет?

– Есть, но все заняты, и часть уехала сопровождать заболевших.

Я даже стала выделять отдельные знакомые уже части орнамента на коврах, скоро буду крупным специалистом. Даже скамеечек нет в коридорах и залах, только ковры кругом. А на чем они сидят? В смысле жители этого дворца, хотя я никого так и не увидела, только Вито.

Рассматривая очередной ковровый зал, я вспомнила события того страшного дня. И зачем я на эту экскурсию согласилась, ведь вообще никуда уже ходить не могла, жара совсем меня довела до невменяемого состояния, кто же в Стамбул в такое время ездит, вообще летом. Меня привлекла цена горящей путевки, всегда эти деньги решают, куда и когда ехать отдыхать. Поддавшись на уговоры подруги, я рискнула поехать с ней в Стамбул, как она сказала, когда ты еще так за дешево сможешь посмотреть такой город, тем более, что в отпуске и ничем не занимаешься. А сама как побежала по магазинам, что я уже на третий день отказалась ее сопровождать, меня на такой подвиг и дома было не зазвать, а уж в эту жару совсем невозможно. И я, наверное, совсем расслабилась в прохладном холле гостиницы, это была та граница, которую я не пересекала уже несколько дней, номер, ресторан и бассейн, что поддалась на уговоры турагента посетить какой-то храм. Это он виноват, сказал, только автобус с кондиционером и каменный храм в глубине горы, на улице никаких прогулок. Я и подумала, скоро домой возвращаться, а я так нигде толком и не была, только несколько магазинов да автобусная экскурсия по городу. И цена меня устроила, совсем дешево по сравнению с другими поездками, опять на дешевизну поддалась, вот теперь и сижу в этом ковровом дворце,

насмотрелась до ряби в глазах.

Столовая меня поразила уже тем, что никаких ковров не было, изящные гобелены на стенах и прозрачные окна без витражей, все светло и уютно, даже позолота на отделке диванчиков и высоких стульев смотрелась очень красиво. И совершенно удивительный стол, я даже обошла его несколько раз, такая красивая инкрустация разными породами дерева, и не растительный орнамент, а странные геометрические фигуры, переходящие друг в друга. Я попыталась понять, что же они в общем итоге образуют, что-то очень знакомое, но не успела, молча сопровождающий меня, Вито взял под локоток и усадил за стол.

– Сейчас принесут еду.

Сказал непонятное слово и в зал вошла … как там их в гаремах называли, ведь не вспомню. Она была невероятной красоты, невозможной в природе, эта девушка в одежде жительниц восточного гарема. Конечно, я только по фильмам представляю гарем, но эта девушка… восточная королева, шахиня какая-нибудь. Очень высокая, тоненькая в кости, с такой талией и таким удивительным лицом, что я только вздохнула. Лицо с обложки: яркие рыжие волосы значительно ниже пояса, густые и волнистые, большие зеленые глаза и пухлые алые губы, которым никогда не будет нужна никакая помада. И одета в соответствии с традициями востока, широкий полупрозрачный халат, подпоясанный многослойным поясом, и такие же брюки, или шаровары.

Они входили в столовую, а я уже рот открыла от удивления, конкурсы красоты можно отменять во всех странах. Блондинки, брюнетки, с черными волосами цвета ночи, даже одна явно славянского происхождения, и такая же поразительно красивая. Девушки ставили передо мной различные блюда с едой и так же величаво уходили. Кино, просто кино. Когда девушки ушли, я посмотрела на блюда и опять поразилась, это что, золото? Тарелки и стаканы из золота? На мой изумленный взгляд Вито невозмутимо пояснил:

– Золото тот металл, на котором не остаются никакие вирусы.

Я смогла кивнуть, но взять вилку не осмелилась, еще пропадет, а я потом отвечай. Вито подождал несколько секунд и спросил:

– Рина, ты не хочешь есть?

– Я не умею есть из золотых тарелок.

– Как обычно.

– А хозяин дворца позволил использовать его посуду?

– Позволил.

И вдруг такой странный взгляд, никакой суровости, даже голубизна проявилась на мгновение. Почти сразу последовал вопрос, от которого я чуть не упала со стула:

– Ты хочешь, чтобы он тебе ее подарил? Он может это сделать.

– Подарил? Зачем, не нужно мне его золота, я с простых тарелок могу поесть.

Почему-то мой ответ обрадовал Вито, он непонятно усмехнулся, как-то спрятал глаза и настоял:

– Какое-то время тебе придется принимать пищу из такой посуды, пока мы точно не убедимся, что ты не больна.

– Я могу вас заразить?

– Возможно.

– Тогда ладно, можно и из золота попробовать покушать.

Я вздохнула и решительно взяла вилку: золото так золото. Хотела посмотреть, как живет Восток, вот и ешь из золотой тарелки. Еда ничем не отличалась: благородный металл никак не повлиял на качество еды, все было, как всегда, вкусно и необычно. В нашей гостинице тоже кормили хорошо, но это была обычная европейская кухня, ничего особенного. А в этом моем карантинном состоянии кормили настоящей восточной едой и к моей радости не очень остро и жирно, подавали много овощей и фруктов. Особенно мне нравились соки, явно выжатые только что из созревших под жарким южным солнцем фруктов, не идет ни в какое сравнение с теми, которые я пила дома из пакетов. И сейчас я обрадовалась стакану апельсинового сока, с удовольствием его выпила. Вито сразу подскочил и налил мне еще из высокого золотого кувшина с тонким горлышком.

– Спасибо.

Он сидел напротив и внимательно за мной наблюдал, не опуская глаз. В первый момент меня смущал этот взгляд, но я решила, что он ищет во мне признаки болезни и не стала обращать на него внимания. А может, сработала привычка есть в разных забегаловках, когда кругом народ, и все на тебя время от времени посматривают. Выпив очередной стакан сока, я аккуратно сложила вилку с ножом на блюдо и спросила:

– А мне еще долго на карантине быть? У меня отпуск заканчивается, и с билетом как-то надо разобраться.

Вито опять странно посмотрел быстрым взглядом, помолчал минуту и сказал:

– Пока ты не можешь уехать.

– Пока это сколько? Мне же на работу.

– Можешь не волноваться, мы уже сообщили, что ты задерживаешься на неопределенный период.

– Нео… неопределенный? Меня же уволят.

– Ты не можешь пересечь границу, пока не будет полной уверенности, что ты не больна. О работе не переживай, мы тебе компенсируем финансовые потери.

– Золотыми тарелками?!

Я сама удивилась своему возмущению, на самом деле работа меня не очень волновала: скучно и нудно, только зарабатывание хоть каких-то денег, чтобы прожить. Вито спокойно парировал:

– Деньгами.

– Подожди, а как вы сообщили?

– В посольстве есть о тебе информация. Когда все случилось, мы предупредили родственников и работодателей о развитии ситуации. Все государственные структуры предупреждены, есть такие международные договоренности.

В международных договоренностях я ничего не смыслила, но как-то странно все, совсем непонятно моему женскому уму.

– Так вы всем компенсируете …

– Всем.

– Но у меня обычная туристическая страховка.

– Ты могла заразиться на территории нашего государства, поэтому тебе положена компенсация.

– Но я же не заразилась, почему мне она положена?

– Ты могла заразиться, контактировала с заболевшими. И теперь мы должны выяснить, почему заражения не произошло.

– Я теперь лабораторный кролик? Вы на мне опыты будете проводить?

Вито слишком долго молчал, смотрел на меня своим странным взглядом и ничего не говорил.

– Вито, я на самом деле уже заразилась, да?

– Нет, ты не больна. И опыты на тебе никто производить не будет. Больше я у тебя не буду брать кровь на анализы.

Совсем интересно, а как тогда он узнает, почему я не заразилась? Но спросить Вито я не успела, он неожиданно вскочил и вытянулся как солдат. Я удивленно посмотрела на него и по напряженному взгляду поняла, кто-то вошел в столовую, какой-то его начальник. Обернувшись, я увидела хозяина этого дворца, так стоять и смотреть может только хозяин.

Он был даже выше Вито, крупнее и очень красив той красотой, которая опять же восточная. Черты лица тонкие и правильные, но не мелкие. Достаточно большие яркие голубые глаза, прямой нос, чувственные губы и властный подбородок без ямочки. Возраст определить сложно, но седина на висках ярко белела на фоне черных волос, дорогая стрижка. Строгий взгляд, небось пришел свои тарелки золотые пересчитать, вдруг заразная

больная чего украдет. Ага, такой подарит, Вито зря шутил. Я откровенно рассматривала его, все равно скоро меня куда-нибудь отправят, не будут же держать в чужом дворце, в какую-нибудь клинику с лабораторией. И этот тоже в черном костюме и черной рубашке, точно глава местной мафии, поэтому такой дворец, небось под коврами героин спрятан. Или еще что похуже. Даже ест из золотых тарелок как наши крутые, шальные деньги девать некуда.

– Добрый день.

Неожиданная яркая улыбка и приветствие удивили меня так, что я не сразу смогла ответить. Лишь через несколько секунд пролепетала:

– Добрый день.

Он так быстро оказался рядом со мной, что я вздрогнула и испуганно подняла на него глаза, странный хозяин у этого странного коврового дома. И странный вопрос:

– Ты боишься меня?

Я покачала головой, пытаясь сложить странности, но они не складывались, и мне лишь осталось ответить вопросом на вопрос:

– Мне нужно Вас бояться?

Теперь уже он вздрогнул всем телом, но не отошел, только отвел руки за спину, точно, боится заразиться. А я с перепугу добавила:

– Это Вам надо меня бояться, вдруг заразитесь.

И проявилась еще одна странность, его яркие голубые глаза стали желтеть, голубизна практически исчезла в темной желтизне. Но странности на этом не закончились, пока я изумленно смотрела в меняющиеся глаза хозяина, рядом с ним появился Вито и резко сказал:

– Амир.

И слово странное, похоже на имя, но кто его знает, вдруг просто куда-то позвал. А хозяин вдруг опустил голову и тихо произнес:

– Прости.

Мое изумление совсем напугало хозяина дома, он тяжело вздохнул и практически исчез. Я опять вздрогнула и растерянно посмотрела на мрачного Вито…. И у него тоже глаза пожелтели! Значит, я всех уже успела заразить! От ужаса я смогла только прошептать:

– Вито, я вас заразила, у тебя глаза стали желтые.

Он сразу глаза закрыл и тоже прошептал:

– Прости.

Тут же отвернулся и быстро отошел от стола, а я вскочила и хотела уже бежать куда-нибудь, но сразу остановилась. А куда

бежать? Я и так на карантине. И почему я их должна прощать, если это я их заразила? Странностям этого дня нет конца: вышла из комнаты, и столько навалилось. Может, обратно вернуться и закрыться самой, во избежание… Я хотела уже так и поступить, но вовремя поняла, что сама не найду дорогу в свою палату. Вито обернулся на мое движение, и у него глаза опять стали теми же привычными серыми глазами. Тяжело опустившись на стул, практически упав на него, я спросила:

– Это болезнь так проявляется, глаза меняют цвет?

Вито только непонятно кивнул головой и ничего не сказал, неожиданно подошел очень близко ко мне и одним стремительным движением подхватил на руки:

– Я отнесу тебя в твою комнату.

Вот уж на руках меня давно никто не носил, пожалуй, со дня свадьбы. Да и тогда это была лишь попытка взять на руки и немного подержать – на большее будущий муж был не способен ни физически ни … никак, в общем. Может быть, поэтому я вздрогнула уже который раз за этот день, и спросила:

– Не уронишь?

Видимо, наступило время Вито удивляться, правда, вздрагивать не стал, только усмехнулся:

– Не уроню.

Он шел по залам дворца, и руки ни разу не дрогнули. Казалось, что он совсем не чувствует мой вес, даже к себе не прижимает, несет, как на свадьбе полотенце молодоженам. Что это я свадьбу стала вспоминать, ох, не к добру.

Но Вито принес меня не в мою комнату. Никаких ковров, светлые гобелены по стенам, распахнутое в сад высокое окно, большая постель под пологом, даже на полу красивые пластинки из какого-то светлого дерева. Вито поставил меня на ноги, а сам подошел к высокой двери напротив кровати:

– Ванная. Отдыхай.

Чуть склонил голову и вышел. Я, наверное, полчаса простояла, даже не могла двинуться: так все было красиво, нежно и невероятно. Это комната для принцессы: ни одного кричащего цвета, не было даже красного, лишь едва заметный оттенок розового в рисунке полога. Лихорадочно вздохнув, я немного повернулась и увидела вид из окна, за фруктовыми деревьями виднелись горы, они едва были заметны в мареве, но это были настоящие горы, с настоящими снежными шапками. Мне даже показалось, что они сверкают под лучами солнца. И вдруг я заметила, что между горами и моим окном, где-то вдалеке среди деревьев сверкает голубизна, Река, рядом река.

Стоять у окна оказалось очень удобно: подоконник был

сделан именно на той высоте, которая соответствовала моему росту. Положив на него руки, я долго наблюдала эту невероятную красоту и не сразу поняла, что на улице нет той давящей жары, которая изводила меня в Стамбуле. Стало прохладнее, может, погода изменилась? Хотя тот же гид говорил, что такая температура будет держаться еще несколько недель. Я попыталась вспомнить, были ли горы в Стамбуле. Но поездка по городу запомнилась мне только жарой, шумом и толпой Ну, может, красивыми зданиями. И что, я бы смогла сравнить горы? Странная мысль, а зачем мне сравнивать горы? Лучше посмотрю ванную.

На пороге того, что Вито назвал ванной, я тоже долго стояла в полном ступоре. В моем городе это называлось бы общественным бассейном, судя по территории. Правильное слово, это территория ванной… площади. Я даже обернулась на комнату, конечно, я ведь не все посмотрела, она тоже площадь спальни, зал заседаний с постелью в центре. Так, все частями, раз я уже на пороге, значит, ванная площадь.

Стена, противоположная двери, то есть там, где я стояла на пороге, была прозрачной. Те же горы, надеюсь, что те, тот же сад, и даже вода плещется где-то на уровне нижних веток деревьев. И потолок! Там тоже стекло! Солнце! Вода расцвечивалась разноцветными бликами под лучами солнца, и она двигалась! В бассейне вода как-то сама двигалась! Я даже отступила на несколько шагов внутрь комнаты, так не бывает, в бассейне вода, как это, стоячая, она просто туда налита, залита, она двигаться не может. И опять это слово, только оно может полностью обозначить такую площадь, странная ванная. Немного подумав, я решительно зашла в эту странную ванную. И стены такие интересные, издалека они казались слегка голубоватыми, но подойдя поближе, я вздрогнула, оказалось, что внутри стены за матовым стеклом колышутся водоросли. Бассейн внутри моря? Только рыбок не хватает. Я постояла минуту, но ни одна рыбка так и не появилась, и я пошла дальше.

Наверное, мне нужно вернуться в комнату и … что? Там тоже много удивительного придется рассматривать, поэтому все равно, где сходить с ума. Я двигалась вдоль бассейна и рассматривала стену с водорослями в поисках рыбок, когда заметила большую панель с меня высотой, решила потрогать. Она сразу открылась, и за ней оказалась раздевалка для сборной по плаванию такой страны, как Россия, например. По правой стороне рядами на специальных конструкциях висели купальники разнообразных расцветок и фасонов, по левой – халаты на вешалках, на полочках – белоснежные полотенца. И я поняла: это все для девушек из

гарема! Это их бассейн! Оглянулась в поисках другого входа, но его не было – сплошная стена. Еще постояла, вспомнила какой-то эротический фильм, а что, этот шейх, ну, хозяин дома, возлежит на постели и любуется на резвящихся в бассейне девушек. Или они сначала все вместе резвятся, а он выбирает себе девушек и сразу в постель. Только вопрос, зачем меня Вито сюда принес? Я промурлыкала неожиданную рифму несколько раз в разной тональности и даже пригнулась от возникшего эха. Ответ пришел сразу: Вито ошибся дверью. Услышит мое пение и сразу прибежит извиняться. Он так вскочил в присутствии хозяина дома, что стало понятно: перед таким ошибаться нельзя. Я даже засмеялась, представив лицо этого шейха, когда он меня увидит в бассейне, или еще хуже, в постели.

Но Вито так и не пришел. Я еще немного постояла, потом махнула рукой. Сам виноват, я же не должна знать, что он ошибся. Закрыв глаза, выбрала купальник, быстро переоделась (опять же странно, что подошел размером, как на меня сшит), закинула свою непонятную рубаху, в которой провела последние дни, и белье за панель, повернулась лицом к воде.

Это даже не волна, за бликами солнца на воде я не заметила, что со дна бассейна поднимаются маленькие пузырьки воздуха, на самом деле это была гигантская джакузи. Вернее, джакузи с небольшой волной. Вода на самом деле двигалась вместе с пузырьками и мной. Я несколько раз проплыла на спине в сторону гор, отдавшись волне, постояла в воде, упираясь руками в стекло, и возвращалась наперекор движению воды обратно. Наплававшись, я уже собралась выходить из воды, но волна отталкивала меня от лесенки, и я схватилась за поручень рукой, как выбраться из этого потока? И сразу волна исчезла, вода остановилась в своем движении, обычная вода с пузырьками. Я даже оглянулась вокруг, может быть кто-то зашел и нажал где-то кнопочку, но никого не было. Подержавшись за лесенку, я решила провести эксперимент и отплыла от нее, сразу появилась волна и отнесла меня к горам, все ясно. Как только я взялась за поручень лесенки, волна исчезла.

А куда повесить мокрый купальник? А где моя одежда? Рубахи и белья за панелью не было. Я испуганно обернулась вокруг, может я не заметила, что кто-то входил в бассейн? Могла, конечно, но зачем? Кому нужно было забирать мое белье и странную рубаху, в которую меня облачили в первый день моего карантина. Что делать, придется надеть халат – не в мокром же купальнике оставаться. А его мы повесим на вешалку. Белье забрали – сами и купальник сушите.

Перед кроватью я даже останавливаться не стала, нагло

улеглась прямо в халате и накрылась превосходным покрывалом из непонятной ткани, невесомой, удивительно мягкой и теплой на ощупь. Вот хозяин дома удивится, когда меня на ней обнаружит.

Но хозяин так и не пришел. Я проснулась после неожиданного сна и долго лежала на этой гигантской кровати, все никак не могла понять, что же на самом деле происходит в этом странном доме. И снова мысли вернулись к тому дню, который так все изменил в моей жизни. А что изменил? Заразилась непонятной болезнью в чужой стране. Я всегда боялась именно такого чего-нибудь, непредвиденного и непонятного, поэтому и не могла решиться поехать отдыхать одна. А с мужем никак не получалось. Так, не будем об опостылевшем и грустном. Тем более, что муж уже бывший и уже давно. Хотя развод мы оформили перед моей поездкой, бывшие на самом деле с первого дня семейной жизни.

Итак, что произошло? А произошло то, что я поехала на эту экскурсию. Автобус произвел на меня самое благоприятное впечатление: большой, кресла широкие и удобные, веселый кондиционер гонял прохладный воздух по всему салону, и гид не очень настаивал на внимании к себе. То есть просто сидел рядом с водителем в отдельном кресле и иногда произносил сакраментальную в таких случаях фразу «посмотрите налево, там то и то, посмотрите направо, там это». На пассажиров я особенно не смотрела, толпа мужчин и несколько женщин разного возраста негромко переговаривалась и послушно поворачивала голову в нужном направлении.

А вот храм произвел очень сильное впечатление. Как только я увидела вход в пещеру, то сразу поняла, что храм должен быть именно там, внутри этой пещеры. И оказалась права. Автобус въехал внутрь пещеры и остановился у практически ровной стены. Толпа радостно высыпала из автобуса, и гид так же радостно объявил, что можно самостоятельно осматривать храм, так как потеряться здесь невозможно, а он потом ответит на все вопросы. Я сразу пошла отдельно от толпы, плотно стоявшей рядом с гидом и уже задававшей ему вопросы.

И опять это слово, странный храм. Неповторимый, единственный в своем роде. Такой храм мог построить только народ, который понимал значение жизни в этом мире. Все стены пещеры были покрыты фресками, удивительным образом освещенными даже на потолке. Основа всего мужчина и женщина, всего сущего. И соединяет их энергия, единая энергия, которая все создает. Вот мужчина, не так, мальчик, рядом с которым стоят высокие и сильные мужчины с мечами в руках. Он еще один, но в

его руке маленький голубой шарик, вернее половинка шарика, неполная его часть. Мужчины провожают его к городу, который окружен высокой крепостью, а сами остаются за стенами, в город он входит один. Он идет по городу, уже юноша с этой половинкой, иногда подходит к женщинам, а они лишь пугаются его, убегают. Интересно почему? Красивый юноша.

И приходит в этот город юноша несколько раз, уже мужчина, сильный, красивый, с большим мечом. И в руке у него та же половинка голубого шара. Отдельной фреской показана девушка, сначала девочка, а потом девушка и женщина, у которой в руке такая же половинка голубого шара. Наконец, они встречаются…, и он платит за нее. Покупает? Шарика в его руке нет, он отвел руку за спину, его не видно на изображении. Значит, женщина не видит, не должна видеть, что он ее половина. А почему? Вот они вместе в шатре, кстати, золотом шатре, такое яркое изображение, даже отдельными лучами показано сияние от золота шатра. И только тогда мужчина протягивает руку со своей половиной. На следующей картинке шар уже целый, и он в их руках сверкает невообразимым голубым светом.

Основа всего – энергия этих объединенных половинок, энергии мужчины и женщины. А вот и апофеоз этого объединения: энергия голубого шара окружает жилище мужчины и женщины, в котором живут все: старики, женщины и дети. А мужчины за этим голубым кругом стоят с мечами и охраняют. Кстати, они стали больше, это показано размерами, те, кто за голубым кругом значительно больше тех, кто внутри. Значит, не все получают этот шарик с рождением. Я только сейчас поняла, что внутри круга тоже были мужчины, но меньше тех, кто за кругом голубых шаров. А все женщины уже без шара, они отдали свою половину мужчине, отдали свою силу любви.

И эта любовь создала все: детей, силу, защиту дома. Кстати о детях, ведь действительно есть такие дети, которые уже родились необычными, теперь я понимаю, они родились с половинкой такого шарика энергии, и эта энергия может стать полной. А может и не стать. Ведь только получив энергию, вторую половинку, мужчина становится таким сильным, настоящим мужчиной. Ну да, мое замужество тому подтверждение, некоторым не нужна эта половинка, они о ней даже не догадываются. А может, её у меня и нет, не дали при рождении. Я не хотела думать о грустном, значит, будем вспоминать ужас.

Я ходила по пещере и рассматривала фрески, когда услышала крик, такой громкий женский даже не крик, а визг, эхом пронесшийся по всей пещере. Обернувшись на этот звук, я увидела, что все собрались вокруг чего-то и тоже пошла туда,

посмотреть, что же случилось. Оказалось, что упал один из мужчин, причем упал как-то странно, завернув руки за спину, и весь побелел. Наш гид уже кому-то звонил, весь бледный, и что-то быстро говорил на непонятном языке. Неожиданно странно вскрикнул другой мужчина и тоже упал, и также руки завел за спину в падении. Они стали падать практически друг за другом, мужчины и женщины, и очень скоро мы остались вдвоем, я в шоке и бледный гид. Я только вздрагивала и оборачивалась на звук падающего тела. Когда последняя женщина упала, то разбила себе лоб, и кровь потекла тоненькой струйкой по каменному полу. Эта струйка крови и привела меня в чувство. Я кинулась к ней, доставая дрожащими руками из сумки платок. Я с трудом смогла повернуть ей голову, чтобы утереть кровь, она была настолько напряжена, что казалась статуей, мне пришлось ее поднять за плечи, чтобы приложить платок ко лбу.

Именно в этот момент и появились они. Я была не в том состоянии, чтобы понимать, что они делают. Кто-то мне что-то говорил, а я лишь прижимала кровавый платок к голове женщины и что-то шептала, сама не понимая своих слов. Даже сейчас, вспоминая тот момент, я вся покрылась внутренней изморозью, тело сжалось под теплым покрывалом. Моя память не зафиксировала, кто взял меня на руки, только тепло ладони на своем лбу, и сразу – темнота.

От воспоминаний мне стало плохо, даже голова закружилась, и я откинула покрывало, полежала и встала с кровати. Лишь постояв несколько минут у окна, я привела организм хоть в какое-то состояние относительного спокойствия. Наверное, я просто в тот момент потеряла сознание от ужаса происходящего, до меня, наконец, дошло все, что произошло в пещере. В себя я пришла уже здесь, в этом ковровом дворце. Вернее, в чувство меня привел Вито и сразу все рассказал, о вирусе, которым заразились все туристы в храме и опасности заражения для меня. Откуда появился этот вирус неизвестно, все зараженные изолированы, в том числе и я. Только я вроде не совсем заразилась, есть надежда, что я могла меньше всех получить этого неизвестного вируса, потому что по пещере ходила одна, к толпе не подходила. И только сейчас я удивилась, а откуда Вито это знает? Может, заболевшие рассказали? Хотя откуда они могли это знать? Мы первый раз встретились на этой экскурсии, ни одного хоть мало-мальски знакомого лица. И вообще, нас по разным гостиницам собирали, я помню, порадовалась, что еще раз смогу город посмотреть. И что мне этот вопрос дает? Ответа на него нет, Вито тогда ушел от ответа, уйдет и сейчас. Знакомое слово, которое за сегодняшний день уже стало привычным, «странно», все

«странно».

А это переселение в такую, нет, не комнату, апартаменты. Я после сна догадалась, что Вито не ошибся, такие как он в принципе не могут ошибаться, это на самом деле мои апартаменты. Что-то сегодня решилось, поэтому меня сюда и переселили, и я хоть кого-то, кроме Вито, увидела, получилось, что самого хозяина дворца. И еще одна странность, где это видано, чтобы заразных больных во дворцах селили? Какой может быть уход, если только изоляция коврами.

Я походила по комнате и присела на кровать. Видимо, Вито делал мне какие-то уколы для внутреннего спокойствия, не знаю, как они называются, раньше меня совсем эти странности не волновали, я их не замечала. Заразилась и заразилась, карантин, так карантин. Собственно, даже не думала ни о чем, ела и спала, ну, еще ковры рассматривала. А как искупалась в бассейне, так сразу голова и прояснилась. Ну да, еще хозяина всего этого великолепия увидела и из золотых тарелок поела. Может, они спровоцировали умственную деятельность? Все-таки благородный металл.

И почему эти апартаменты так отличаются от всех остальных помещений? За дверью сплошная ковровая поверхность, даже мебели практически нет. Да еще столовая в стиле, больше похожем на настоящий дворец. Сплошные вопросы и никакой надежды, что когда-нибудь получу на них ответы. Судя по тому, как себя ведет Вито, то есть, практически молча – никакой улыбки, строгие глаза и мрачный вид, – хозяин этого великолепия смотрится почти весело и гостеприимно. Даже за что-то просил прощения. Опять же странный вопрос, не представился, а уже спрашивает, боюсь ли я его? Его что, все боятся, и он только уточняет, сразу ли его боятся, или не совсем сразу, как я? И от удивления просит прощения? Но глаза, опять кино, если бы он сначала был с голубыми глазами, выходил куда-то, а потом появился с желтыми, тогда понятно, успел надеть линзы, этим теперь никого не удивить, но он же смотрел на меня в этот момент! И я сама видела, как они желтеют на глазах! И Вито тоже никуда не выходил, рядом стоял – и сразу желтые и тревожные, понял, что они с хозяином заразились? Тогда зачем меня в эти апартаменты поселять? Завернули бы в простыню и отправили в клинику со всеми заразными.

В дверь пост9учали, я кивнула, поняла, что Вито пришел, но никто не заходил и я удивленно произнесла:

– Входите.

Вошла красивая высокая девушка, еще совсем юная, лет пятнадцать, не больше. Большие голубые глаза, длинные светлые

волосы и мягкая улыбка. Очередная красавица из гарема? Пришла объяснить мне правила жизни в апартаментах хозяина? А это уже анекдот.

2

– Здравствуй, Рина.

– Здравствуйте.

– Меня зовут Мари.

– Рада познакомиться.

Я действительно была рада увидеть женское лицо, хоть кто-то, пусть даже девушка из гарема. Мари говорила с легким акцентом, слова произносила четко, как говорят на иностранном языке, который еще не совсем понятен. Я встала, и она подошла ко мне, неожиданно взяла за руку своими длинными тонкими пальцами. Быстро посмотрев мне в глаза пронзительным взглядом, она тихо засмеялась, но смех был радостный, очень чем-то довольный и я тоже улыбнулась в ответ.

– Ты чувствуешь себя хорошо?

– Да.

– Я предлагаю прогуляться по саду, у нас красивый сад.

– Мне уже можно выходить?

– Можно, тебе все можно. Рина, мы все говорим друг другу ты, обращаемся на ты, так, кажется, говорят?

– Все?

И сразу представила хозяина дома, что к нему тоже все на ты обращаются? Мари, как поняла мой внутренний вопрос, сразу ответила:

– Все.

Я кивнула. Пусть будет так, хотя я больше, конечно, привыкла обращаться к незнакомым иначе, но с другой стороны, чужие здесь все, для меня, по крайней мере. Какая разница, как я к ним буду обращаться. Они хозяева, а я лишь в гостях на время карантина. Однако, я гулять в сад пойду в халате? Но ходила же я в этой рубахе столько дней, правда, она исчезла непонятным образом. Мари опять поняла мой внутренний монолог и подошла к стене, нажала пальчиком, и панель открылась.

– Переодевайся, я подожду тебя за дверью.

Опять мило улыбнулась и вышла. А я встала на пороге, как это в фильмах называется, гардеробной комнаты, и открыла рот от удивления. Платья для получения Оскара. Конечно, я такое когда-то видела в кино, но представить, что сама это могу носить? Робко переступив порог, я коснулась ближайшего произведения: тончайший шелк, непрозрачный и невесомый, весь расшитый маленькими розами по синему полю. Я перебирала платья и поражалась, удивительные цвета и невероятные ткани, фасоны из фильмов о высшем свете. А вот это точно только на

церемонию коронования. Длинное бальное платье с глубоким декольте, сшито из многослойной прозрачной ткани практически алого цвета и украшено по всей поверхности золотыми цветами. Так, пора в сад, надо выбрать что-то скромнее и обувь подобрать.

Обувь я выбирала быстро и просто, взяла первую попавшуюся в руки коробку, замерла на мгновение, закрыла глаза и надела на ноги. Так мягко и нежно, кожа туфель обволокла мои ноги и обещала удобство и уют на прогулке.

Итак, посмотреться что ли в зеркало? Ни за что! Закроем глаза и прошмыгнем мимо. Увидеть себя в прекрасном платье из тончайшего шелка удивительного салатного цвета, с тонким растительным орнаментом по подолу и рукавам, я не могла. Сама знаю, как выгляжу. И опять странность, все подошло, и платье и обувь именно моего размера.

Мари ждала за дверью, с интересом рассматривая рисунок на ковре, который висел между окнами. Она сразу обернулась и протянула руку:

– Пойдем.

Я постояла пару секунд в замешательстве, странная девочка, очень непосредственная, в таком возрасте девушки обычно такими не бывают, но руку подала. Мы как-то сразу вышли в сад, я бы даже не заметила двери, а Мари отвела край ковра и там оказалась красивая резная дверца в ее рост, я подумала, что это тайный ход из дворца. И тут же закрыла глаза: солнце светило яркими лучами прямо в лицо, мне даже пришлось рукой прикрыться. Мари рассмеялась и потянула меня куда-то, оказалось к увитой плющом беседке. Но, несмотря на такое яркое солнце, на улице не было жарко. Так уютно и тепло. Усадив меня на скамеечку, Мари спросила:

– Рина, как тебе понравилось во дворце?

– Я его только сегодня немного рассмотрела.

– Да, ты все время была в комнате, прости, но пока все не проверили, тебе нельзя было выходить. Сейчас уже все ясно, поэтому весь дворец в твоем распоряжении. Если тебе что-то понадобится, только произнеси, тебя услышат.

Я удивленно смотрела на эту странную девушку и никак не могла понять, что же ей от меня нужно. И не только ей.

– Мари, я ничего не понимаю. Что ясно? Что я не заразилась? Но тогда мне можно ехать домой, зачем оставаться в этом месте?

Мари посмотрела на меня удивленным взглядом, даже брови нахмурила, плотно сжала губы. Лишь помолчав несколько секунд, спросила напряженным голосом:

– Так он с тобой не говорил?

– Кто? Я только Вито и видела, да сегодня еще кого-то,

наверное, хозяина этого дворца.

Она кивнула головой, но явно своим мыслям, потом решительно встала:

– Рина, я поговорю и вернусь в сад.

Я не успела ничего ответить, как девушка стремительно убежала, только пяточки в мягких туфлях засверкали. Такие туфли называются балетки, а платье туника. Действительно, Вито что-то мне давал лекарственно-успокоительное. Интересно, с кем поговорит эта Мари из гарема, не с тем ли, который должен был говорить со мной? О чем это таинственный кто-то должен был говорить со мной? И почему Мари так удивилась, что он со мной еще не поговорил? Вопросы возникали и возникали, но ответов не было. Я встала и пошла смотреть сад. Странный день, очень странный. Но хотя бы воспользуюсь отсутствием жары и погуляю по такому прекрасному саду.

Какой запах! Я вдыхала ароматы созревших фруктов, касалась пальцами яблок, персиков, каких-то странных желтеньких непонятностей, ярких красных ягодок, густо усеявших ветки. Очень хотелось сорвать персик, я даже оглянулась вокруг, вдруг кто-то наблюдает за мной, украду фруктину или нет. Вздохнула и решила оставаться приличной гостьей. Удивительно, но казалось, что фрукты никто вообще в этом саду не трогает, никаких следов сбора – все висят на своих ветках, которые уже прогнулись от тяжести урожая. А тогда сок откуда? Из другого сада, наверное, этот только для красоты обозрения из окна. Такой климат, могут себе позволить.

Я гуляла по саду и вспоминала свою жизнь. Появилось странное, опять это слово, ощущение, что она вся в прошлом. Откуда такие мысли, никогда я так раньше не думала, ни одно событие не казалось мне таким решающим, как этот странный день. Апартаменты так подействовали, уверилась, что всегда теперь в таких буду жить? С ума сошла от стамбульской жары. А почему бы и нет, надо признаться хотя бы себе самой, мне здесь нравится. Так нравится, что я боюсь, вот вернется Мари и скажет: «Я обо всем поговорила, тебе пора домой, собирайся». Я присела у яблони, оперлась на ее ствол спиной, практически спряталась за ветками, усеянными крупными плодами, и закрыла глаза. В какой-то книжке по эзотерике я прочитала, что мое дерево – яблоня, и не просто яблоня, а цветущая. Ну да, усмешка была горькой и безнадежной, прошло уже цветение.

Развод я не то чтобы сильно переживала, все было решено давно, понимание и осознание тоже, но сама процедура и окончательный вердикт в паспорте, который я сразу поменяла по возрасту, получив свободным от всяких штампов, поставили

жирный крест на любой надежде. Казалось бы, стала свободной, уже даже официально, можешь делать, что захочешь, но получилось наоборот. Мне стало совсем одиноко и безнадежно, совершенно безнадежно. Я не обвиняла себя в неудаче, хоть это радует, что не сложила на плечи груз вины, слишком хорошо понимала, на самом деле сделала все, чтобы сохранить этот никому не нужный брак. Но безнадежность рухнула на плечи и придавила одиночеством. С бывшим мужем мы не были друзьями никогда, соответственно, расставшись, ими не стали, разбежались физически давно, но развод оформили только тогда, когда он ему понадобился для следующего брака. И оказалось, что штамп о замужестве иллюзорно поддерживал меня в этой жизни. Правильно, я держалась за иллюзию, которую придумала сама.

Сидеть с яблонькой было очень приятно, прямо физическое удовольствие чувствовать неровности коры, которые не причиняли неудобства, а как бы напоминали, я с тобой, я тебя слышу. Ах, яблонька, хоть ты меня понимаешь.

– Рина.

Властный мужской голос заставил меня вздрогнуть и открыть глаза, но я увидела только нижнюю часть мужчины в черном костюме, верхняя терялась среди плодов и листвы, придется вставать. Однако мужчина сам присел рядом со мной на траву. Хозяин дворца, тоже о чем-то хочет со мной поговорить, небось о том, что пора домой собираться. Он по-восточному скрестил ноги и положил на колени свои руки. Какие интересные пальцы, длинные, но не пальцы музыканта, тонкость не та, не хрупкие, в них сила, изящество и невероятная сила. Странно, почему я так подумала, потому что дворец? В другое время я бы решила совсем иначе, именно музыкант, скрипка или виолончель, а сейчас представила в этих руках меч.

Он не мешал мне рассматривать его руки, молчал и смотрел на горы. Я сама решила нарушить тишину и спросила:

– Я все-таки вас заразила?

– Пока нет.

– Пока?

– Рина, я приглашаю тебя погостить в моем доме.

Я посмотрела на него и удивилась яркой голубизне, которой светились его глаза, прозрачной, никакого намека на желтый оттенок. Он вдруг протянул мне раскрытую ладонь, как бы предлагая помочь мне встать, и я неожиданно для себя вложила в нее свою. А он наклонился и поцеловал ее! Мое изумление доставило ему удовольствие, он засмеялся, каким-то непонятным движением тела вскочил, не так, он как-то подхватил меня на руки еще на земле и вскочил, в общем, я уже была на его руках,

когда он встал. Я моргнула несколько раз и прижала руки к груди, а в голове пронеслась мысль, что раз Вито меня не уронил, то этот тоже удержит. Он посмотрел на меня сверху вниз:

– Посидим в беседке?

Я только кивнула, а что я могу еще сделать. Мы сидели друг против друга и смотрели в глаза. Странное ощущение детских гляделок, кто кого пересмотрит. Усмехнувшись, я опустила взгляд, слишком это напомнило поведение моего бывшего мужа, не важно, правильно или нет, главное так, как я хочу.

– У тебя красивые глаза.

Не поднимая своих красивых глаз, я спросила:

– Как тебя зовут?

– Амир.

Значит, Вито тогда произнес его имя. Странная ситуация, весь день такой сегодня, можно вообще ничего не говорить, только одно это слово.

– Ты согласна погостить у меня?

– А карантин?

– Ты не больна.

– Я могу уехать домой?

Опять желтизна в глазах, и видимо Амир понял, что я эту желтизну увидела, сразу опустил взгляд и побледнел. А я вся сжалась, значит, все-таки заразила, но они почему-то мой карантин обозвали гостевым присутствием и в апартаменты поселили. Мой голос подрагивал, когда я задала вопрос:

– Почему ты меня в клинику не отправляешь, как остальных?

– Ты не больна.

– Но я, же, вас заразила… твои глаза…

– Это не от болезни.

И совсем другой голос, жесткий, властный. Передо мной сидел хозяин дома с плотно сжатыми губами и строгим голосом. Я растерянно посмотрела на него, только что руку целовал и радостно смеялся, а сейчас смотрит на меня своими желтыми глазами как прокурор. И совсем неожиданно рядом с ним оказался Вито.

– Амир.

Вот это да, тон Вито ничем не отличался от того, которым говорил Амир, такой же жесткий и властный. Я переводила свой взгляд с одного на другого и поражалась, а кто здесь хозяин, и почему взгляд Вито тоже стал совершенно желтым. Это уже не странность, это уже тайна. И Амир подтвердил мои подозрения, тяжело вздохнул и резко поднялся:

– Рина, я прошу тебя остаться на несколько дней.

Я непроизвольно кивнула, и он стремительно ушел, казалось,

что он себя сдерживает, чтобы не побежать.

– Рина, я отнесу тебя…

– Что с вашими глазами?

Вито опустил голову и глухо проговорил:

– Амир все тебе объяснит.

– Почему Амир?

Вито посмотрел на меня, и в его глазах было столько страдания, что я опустила глаза, ужас какой-то, может больше не плавать в бассейне, за один день столько странностей, что не разобраться. А вдруг я зря согласилась гостевать у Амира? Ладно, хоть на руках носят, когда еще у меня будет такая возможность, даже если и зажуют потом. Я махнула рукой:

– Неси, пусть все хозяин дома объясняет.

Вито улыбнулся, и глаза опять изменили свой цвет, желтизна ушла непонятным природе образом. Он подхватил меня на руки, что-то хотел спросить, но передумал, медленно пошел к дому.

Я постояла перед дверью в ванную, на самом деле очень хотелось еще раз поплавать в гигантском джакузи, но передумала и устроилась у окна, кресла только не хватает. В дверь постучали.

– Входите.

Вито широко распахнул двери и внес большое кресло, обитое светлой тканью, под цвет гобеленов на стене.

– Рина, я подумал, что тебе захочется посидеть у окна.

– Спасибо, действительно в кресле будет удобнее, такой красивый вид из окна. А что там за горы?

Вито улыбнулся и произнес какое-то слово, но оно никак не ассоциировалось с моими географическими познаниями, поэтому я только повела плечом и тоже улыбнулась, мне это слово не повторить, значит, пусть будут такие. Он установил кресло так, что я могла рассматривать виды за окном и предложил:

– Рина, пойдем, я покажу управление бассейном.

– Управление?

– Можно регулировать движение воды и воздуха. Я установил средние значения.

Действительно, средние. Вода могла просто не двигаться, как в обычном бассейне, а могла нестись со скоростью горного потока. Пузыри то исчезали совсем, то превращали воду в бурлящий котлован. А я, пытаясь выбраться из воды, по случайности нажала именно ту кнопку, которая останавливала движение воды, так как все управление было установлено на поручнях лесенки. Если бы я не прыгнула в воду, а спокойно опустилась по лесенке, то всего скорее заметила значки на поручнях, кстати, очень хорошо все показано, даже мне понятно.

– Попробуй сама, ты же будешь плавать?

– Обязательно.

Я настроила такой горный поток, что Вито с сомнением посмотрел на меня, справлюсь ли, но я гордо вскинула голову – и не в таком плавали. Он собрался уходить, но я его остановила:

– Вито, а кто здесь еще плавает?

– Этот бассейн для тебя.

И чтобы уже совсем поняла, так как я встала как столб, добавил:

– В бассейне плаваешь только ты.

Моих сил хватило лишь на короткий взмах пальцем в сторону гардеробной сборной России по плаванию, а купальники с халатами тогда для кого?

– Они все твои.

Я растерянно посмотрела на него, но озвучить свой вопрос не успела:

– Все только для тебя.

Он даже повел рукой вокруг себя, получается, что вообще весь дворец с коврами. Улыбку ему спрятать не удалось, хотя глаза опустил, видимо мой вид его порадовал. А я обернулась вокруг себя и все-таки уточнила:

– Для меня?

– Ты гостья Амира.

И чтобы я больше ничего не спрашивала, видимо вопросы проявились в моих глазах, Вито чуть наклонил голову в поклоне и быстро вышел. А я еще долго смотрела в бурлящий поток, не в силах осознать все новости сегодняшнего дня. И чтобы хоть немного уложить в голове странности, я быстро переоделась и прыгнула в воду.

Из головы все мысли вылетели мгновенно. Прав был Вито в своем сомнении: я почти сразу стала тонуть в бурлящем потоке, ударилась о стекло, но выбраться из круговорота пузырей не сумела. Сильный рывок за плечо вскинул меня над водой, я оказалась на полу возле бортика. Чьи-то руки встряхнули мое безвольное тело, и громкий голос приказал:

– Дыши!

Я долго откашливалась и мотала головой, а руки продолжали трясти меня, пока я не задышала нормально. Едва открыв глаза, я их сразу плотно закрыла – Амир. Вот уж кого совсем не ожидала увидеть своим спасителем. Он одним движением поднял меня и перенес на постель, обернул одеялом, и я осмелилась открыть глаза.

– Все промокнет.

Он усмехнулся, и желтые глаза приобрели свою яркую голубизну.

– Одна королева тоже любит…

И вдруг опустил голову и замолчал.

– Ты знаком с королевой?

– Знаком.

Но какое-то непростое знакомство, я не видела его глаз, но губы плотно сжались, и он слегка побледнел. Так и не подняв на меня взгляд, Амир тихо попросил:

– Не делай так больше.

– Не буду.

Губы усмехнулись, и он встал, быстро прошел в бассейн. Вернувшись, заявил:

– Не будешь, я убрал кнопку настройки.

Я только попыталась пожать плечами под одеялом, ты хозяин в доме, твое право. Наверное, можно когда-нибудь привыкнуть к такому мгновенному изменению цвета глаз, только что были опять желтыми, как у кошки, а сейчас сверкают яркой голубизной. То есть за минуты после моего спасения они были два раза желтыми и два раза голубыми. Может, эти изменения глаз как-то связаны с ростом? Амир стоял перед постелью и внимательно на меня смотрел, а я пыталась определить для себя, достану ли ему до плеч. Вито ниже Амира, а ему я чуть выше плеча макушкой, вместе с волосами. Амир выше Вито, не много, но выше, значит, Амиру я даже с волосами только до плеч, а может, и нет. Да и ширина плеч тоже впечатляет, хотя и не бугай с горой мышц, фигура практически идеальна. Как у девушек из гарема. Я опустила глаза и решила прекратить рассматривать хозяина дворца, твердо приказала себе вдуматься в слово «дворец», которое ко мне отношения не имеет, несмотря на шутку о гостье этого дворца и этого хозяина.

Казалось, что Амир пытается понять мои мысли, так внимательно он на меня смотрел, и когда я опустила глаза, сразу спросил:

– Ты готова ужинать?

И я засмеялась, оказывается, где-то внутри волнение меня победило, еще немного и начну совершать неадекватные действия, правда, они за мной никогда не наблюдались, но вдруг во дворце научусь. Амир удивился, но только странно посмотрел, как будто сравнивал с кем-то. Может с той королевой, которая его знакомая.

– Извини. Да, только переоденусь.

Амир сразу вышел, а я начала выпутываться из одеяла, оказывается, покрывало он скинул, и как-то странно меня запеленал, даже рук не достать. Немного повозившись, я поняла: сама из этого детского конверта выбраться не смогу. И что теперь

делать? Кричать и звать кого-нибудь? Кого, Вито? Или уж самого Амира? И я захохотала в голос, точно, анекдот из дворцовой жизни, хозяин гостью так в одеяло завернул, что та навеки осталась в его апартаментах. Мари сказала, что меня услышат. Услышал Амир. Он стремительно появился в комнате, сразу понял, в чем дело, и бережно распеленал меня, а я продолжала смеяться, хотя и делала всяческие попытки успокоиться. Наконец мне это удалось, и я опять была вынуждена извиняться:

– Амир, прости, но ты так плотно меня в одеяло завернул, что я никак не могла…

– Я жду тебя в коридоре.

Три и три. Три голубых взгляда и три желтых. Чем мог мой смех так на него повлиять? Никакой закономерности, заскочил в комнату с голубыми глазами, распеленал, как ребенка, очень мягкими и нежными движениями, а после моего извинения взгляд сразу стал строгим желтым взглядом прокурора. И от постели отскочил, как от ложа Бабы-Яги. Может, в этом дело? Я не навязывалась, и апартаментов тоже не заказывала, сам поселил. И бассейн для меня, и наряды в невероятном количестве. И в гарем тоже не просилась.

Я остановилась перед гардеробной, а как она открывается, Мари куда-то нажала, открылась от одного прикосновения пальцем. Неожиданно мой взгляд остановился на том самом платье на церемонию получения Оскара, вот в нем и пойду на ужин. И опять засмеялась от своей решимости отомстить хозяину дома за свои же мысли о Бабе-Яге. Не стоило так долго на него смотреть, сама понимаю, красив во всех отношениях, и фигура и лицо соответствуют богатству дворца. И странная мысль опять меня остановила в процессе выбора платья. Он как его дворец: то ковры в невероятном количестве, то столовая, как у королей, и мои апартаменты почти такие же, с бассейном, который только для меня. И глаза такие же: то ковер, то небо.

Амир стоял в коридоре и смотрел в окно, он сразу обернулся на меня и взгляд сверкнул небом. Я надела светлое платье со странной вышивкой по всему полотну ткани, непонятные знаки образовывали свой таинственный рисунок. Я долго его рассматривала, а потом решила надеть: Баба-Яга должна быть таинственной, она все-таки из сказки.

Хозяин дома молчал всю дорогу до столовой, взять на руки не предлагал, но аккуратно придерживал меня под локоток. Я так ходить не привыкла и сразу напряглась, он даже несколько раз взглянул мне в лицо, но я лишь натянуто улыбалась. Только удивлялась, как он спокойно идет, мне даже не приходится семенить за ним, странно, с таким ростом и так уметь ходить.

На столе еда уже была расставлена, значит, гарем не придет. Амир сел напротив, но к еде не притронулся, для него даже не было приготовлено золотого блюда. Я спокойно поела, не обращая на него внимания, Баба-Яга вполне самодостаточная личность, в собеседниках за ужином не нуждается. Когда я сложила нож и вилку на блюдо, сразу вошла девушка из гарема и быстро убрала всю посуду со стола. Когда она вышла, установив на голове гигантский поднос, я даже обернулась, наблюдая такое цирковое представление, Амир спросил:

– Тебе понравился Стамбул?

– Я его толком и не видела, только на автобусной экскурсии, очень жарко. А когда погода изменилась? Гид говорил, что еще долго такая температура продержится.

– Мы далеко от Стамбула, в горах прохладнее.

– Далеко?

Спокойный голубой взгляд подтвердил слова. А потом добавил смешинки, странный взгляд.

– Ты здесь уже две недели.

Я смотрела в эту небесную чистоту и пыталась сосчитать дни, которые провела в комнате с коврами, но получалось значительно меньше, примерно в половину. Амир решил внести ясность:

– Ты была сначала без сознания, а потом спала.

Прекратив высчитывать дни, я спросила:

– Это потому, что я заразилась, и вы меня лечили?

– Ты не заразилась. Эта не болезнь.

– А что тогда с ними произошло?

– Проснулась их истинная кровь.

– Кровь?

– Кровь моего народа.

Я смотрела на хозяина этого необычного дворца и верила каждому слову. Ничего не понимала в его словах, но верила. Я никогда даже в кино не видела, как просыпается кровь, значит таким образом. Амир сложил руки на столе ладонь в ладонь и сказал очень медленно, растягивая слова как молитву:

– Королева сказала, что возродится мой народ, отдала за это свою кровь и народ возрождается.

Зачем-то я уточнила:

– У них просыпается кровь?

– Да. Мы создали фрески о жизни моего народа и стали показывать их людям, их кровь поняла послание.

– А моя кровь не проснулась…

– В тебе нет крови моего народа.

Мне сразу стало грустно, вот все и решилось, не заразная болезнь, а кровь возрождающегося народа, я только свидетель,

случайно попавший на праздник этого возрождения. Теперь можно ехать домой в обычную жизнь, сказка закончилась, Бабе-Яге пора в свою избушку, в глухие леса. Тяжелое чувство разочарования, очень болезненное, даже в груди защемило, навалилось на меня, и я вся сникла, опустила голову, непроизвольно провела пальцем по рисунку стола. Мне понадобилось много времени, чтобы справиться с собой и найти силы восстановить голос. Откашлявшись, я смогла сказать:

– Амир, я рада за тебя, что твой народ возрождается, что кровь… проснулась. Теперь я могу не бояться, что … что заражаю всех непонятной болезнью.

Я не могла на него посмотреть, глаза никак не поднимались, следили за пальцем, который все двигался каким-то своим путем по узорам стола. Надо взять себя в руки и расставить все по своим местам. Я глубоко вздохнула и посмотрела на Амира. Он так и сидел, только голову опустил в стремлении увидеть мое лицо, он странно смотрел на меня, и в его ясных голубых глазах светилось что-то очень таинственное, а руки едва заметно подрагивали. Чтобы уже закончить этот разговор и вернуться в комнату я быстро сказала:

– Теперь нет необходимости мне оставаться …

Но я не успела договорить, Амир неожиданно схватил мою руку, сжал ее в своей ладони и тихо произнес:

– Рина, я прошу тебя остаться хотя бы на несколько дней. Будь моей гостьей.

Я долго рассматривала его жесткое лицо, не пытаясь достать свою руку из теплой ладони, но вопрос прозвучал неожиданно холодным спокойным тоном:

– Почему? Я не женщина твоего народа, я совсем… никто для тебя…

– Ты мне нужна.

– Зачем?

И опять мгновенная желтизна в глазах, и его рука стала холодной, он быстро убрал ее под стол.

– Амир.

Вито оказался рядом с хозяином дома и посмотрел на меня таким же желтым взглядом. Амир низко опустил голову и глухо произнес:

– Рина, уже поздно. Поговорим завтра. Вито проводит тебя.

Амир резко встал и быстро вышел из столовой. Я опустила голову и, помня о словах Вито, что мне все объяснит Амир, не стала ни о чем его спрашивать, уж очень странные между ними отношения, могу попасть в глупую неприятную историю из-за своего любопытства. Еще поводив пальцем по узору стола, я

спросила:

– Вито, а где эти горы, которые за окном?

– В Италии.

Я смотрела в тревожные желтые глаза Вито и понимала, что действительно зачем-то нужна этому Амиру, раз он меня так далеко от жаркого Стамбула увез. В столовую стремительно вошла Мари:

– Рина, прости, я задержалась, ты уже поужинала?

– Да.

– Ты согласишься со мной погулять по саду?

– Хорошо.

– Вито, проводи Рину в ее комнату, я поужинаю и зайду за ней.

Вито послушно кивнул головой и хотел взять меня на руки, но я покачала головой: хочу пройтись по дворцу, на ковры посмотреть. Он не мешал мне думать, медленно шел рядом со мной, покорно склонив голову. Как ни странно, именно ковры помогли мне успокоиться, я иногда даже останавливалась и внимательно рассматривала необычную вязь рисунков. Они напоминали странные письмена, линия одной буквы переходила в другую, но заметить это можно, только если внимательно присмотреться. Стол, я водила пальцем по рисунку стола, и мой мозг нашел аналогии в рисунках ковров. Я остановилась и спросила Вито:

– Это буквы?

Он удивился, и желтизна мгновенно исчезла из глаз.

– Да.

– А что здесь написано?

– История народа.

– Вашего народа?

– Народа Амира.

Значит, Вито тоже не соплеменник Амиру, просто работает на него? Но Вито ничего не ответил на мой вопросительный взгляд, и я пошла дальше. Такой длинный день, который проходит под девизом «все странно».

Я сидела в кресле и смотрела в темноту. Как Мари собирается гулять по саду, если ничего не видно? Видимо, дворец расположен в безлюдном месте Италии. Еще одна странность этого дня: я всему верю, все, что мне говорят, принимаю без всяких сомнений. Кровь проснулась, значит, проснулась. Сказала королева, что народ возродится, значит, возродится. Даже не сомневаюсь в том, что я зачем-то этому Амиру нужна, нужна и все. И совершенно не интересуюсь, что это за королева, хоть бы спросила, какого государства. Я только английскую королеву и

знаю в телевизоре.

В комнату так же стремительно вошла Мари и включила свет. Когда я обернулась, вся сощурившаяся от неожиданности, она засмеялась:

– Почему сидишь в темноте?

– Кнопку не нашла.

Я подошла, и Мари показала мне скрытую кнопку. Как я могла ее найти, если она сделана как крепление панели?

– Надо сказать Вито, чтобы он показал тебе управление комнатой.

– Комнатой?

– Рина, так ты ничего не знаешь?

– Вито показал мне управление бассейном…, а Амир … одну уже отключил.

– Ты бурю включила?

– Что-то похожее. Правда, Амиру пришлось меня спасать.

Мари вдруг так тревожно на меня посмотрела, куда только улыбка делась, и каким-то полушепотом спросила:

– Спас?

– Да, в одеяло завернул так странно, самому пришлось…

И зачем я ей это рассказываю? Реакция на тревожный взгляд? А чего она испугалась? И уже теперь я на нее вопросительно взглянула, не хочешь мне все объяснить? Мари долго молчала, только продолжала беспокойно на меня смотреть, наконец, вздохнула:

– Он сильный, он сможет.

– Сможет что?

Она решительно взяла меня за руку и повела в сад через ту же дверцу. К счастью, беседка оказалась освещена, и мы сели за стол. Я опять вопросительно посмотрела на Мари. Она положила руки на стол, как это делал Амир, внимательно на меня взглянула и спросила:

– Рина, тебе понравилось во дворце?

– Понравилось.

– Ты останешься?

– Зачем? Мари, зачем Амиру нужно, чтобы я осталась у него на несколько дней? Я не его народ…

– Он тебе сказал?

– Да.

Она радостно кивнула головой, а я пыталась понять, кто она, почему так беспокоится обо мне и о хозяине дома, она не может быть простой девушкой из гарема. И я решила уточнить этот вопрос:

– Мари, кто ты?

– Амир мой отец.

3

Мари так гордо на меня посмотрела, что я опустила глаза. Ну конечно, у него должна быть такая удивительная дочь, дочь шаха. Девочка, выросшая в любви и ласке, подчинении всех и вся, отсюда эта странная для меня непосредственность. Но меня это совсем не касается.

– Мари, ты мне не ответила, зачем…

– Ты для него спасение.

– Спасение?

– Да, только он сам все должен тебе рассказать.

– Как я могу быть… я всего лишь случайно…

– Так всегда бывает, всегда встреча случайна! Найти очень сложно, только случайность! Но королева ему обещала, что ты придешь, и он искал тебя везде, а ты сама пришла.

– Искал?

– Да, сразу стал искать, не верил, искал и не верил, что ты на самом деле есть, что королева…

Она резко замолчала, вся напряглась, посмотрела на меня и странно сказала:

– Если ты не будешь говорить сам, скажу я.

Явно это говорилось не мне, Амиру? Мари молчала долго, лишь пару раз кивнула головой согласно, потом посмотрела на меня:

– Отец не хочет, чтобы я с тобой говорила о нем.

Еще раз кивнула и улыбнулась, посмотрела на меня повеселевшим взглядом:

– Завтра он приглашает тебя…

– Мари.

Амир стоял рядом, как будто проявился из темноты. И, пожалуй, был разгневан поведением своей дочери. А она его совсем не боится, смотрит уверенным, спокойным взглядом, шантажирует, а он против ее шантажа ничего не может сделать. Чтобы не накалять обстановку, я подняла руку, как на собрании, и спросила:

– Амир, ты хотел куда-то меня пригласить? Я действительно с удовольствием куда-нибудь бы съездила, так красиво вокруг.

– Ты согласна остаться?

– Да, на несколько дней. Воспользуюсь возможностью посмотреть Италию.

И посмотрела прямо в его желтые, нет, практически коричневые глаза. У меня даже хватило сил улыбнуться ему, хотя уверенности в себе совсем не было, только желание остановить

конфликт, который разгорелся из-за меня. Амир спрятал глаза, низко опустив голову, и тихо сказал:

– Мари, ты свободна.

Она важно кивнула головой, чуть тронула меня за руку:

– Рина, меня не будет несколько дней, не уезжай без меня.

Я уже совершенно искренне улыбнулась, действительно шантажистка, обычный подростковый шантаж.

– Не уеду.

Она радостно кивнула мне головой и исчезла в темноте. Амир тяжело вздохнул и сел за стол, руки сцепил на коленях. Тяжело ему дается воспитание дочери. Я решила уточнить еще один вопрос:

– А мать Мари, она здесь?

– Она умерла … очень давно.

– Ты ее один воспитываешь?

Странный получился вопрос, не следовало его задавать, зачем мне знать, кто воспитывает его дочь. Но Амир неожиданно поднял голову и посмотрел на меня … уже совершенно светлыми голубыми глазами. Всего один день, а я уже совсем не удивляюсь такой странности во внешности хозяина дворца. Хотя у Мари глаза ни разу не изменились, так и оставались ярко-голубыми. Он смотрел на меня почему-то очень удивленно, даже губами интересно повел, только потом ответил:

– Мари долго болела… я только пытался спасти ей жизнь, она уже ничего из своего детства не помнит. Воспитанием я не занимался.

– Хорошая девушка.

– Она тебе понравилась?

– Очень понравилась, красивая и добрая девушка.

Амир положил руки на стол, как-то сложил ладонь в ладонь, как бы удерживая себя в движении, потом вообще положил ладонями вниз, припечатал к столу. Долго молчал, а я рассматривала его. Силен. От него исходит сила, невероятная сила, мне стало казаться, что я чувствую поток силы, которой он наполнен. Действительно, не музыкант, я правильно увидела в его руках меч. И взгляд: за ним тоже сила, не важно, какого цвета этот взгляд, голубого или желтого, пусть даже черного, сила видна в любой момент. И даже не важно, что и внешность соответствует: рост и общая фактура бойца. Каким бы ни был, даже маленьким карликом, эта сила ощущалась бы. Странно я подумала, а мне какое до этого дело?

– Мари сказала, что я тебя … я тебе чем-то могу помочь?

– Да. Моя жизнь зависит от тебя.

И ничего в глазах не изменилось, ясная голубизна утреннего

неба. У меня сложилось такое ощущение, что ему стало легче после этого признания, все его тело успокоилось, не знаю, как я это осознала, может именно по этому свету утреннего неба в глазах. И в подтверждение моих ощущений Амир улыбнулся неожиданно мягкой улыбкой и предложил:

– Тебе пора идти спать, я отнесу тебя.

Никакого продолжения разговора, спать и все, он подхватил меня на руки одним движением и быстро пошел в дом.

Я плавала в совершенно недвижимой воде бассейна – хозяин дома отрегулировал воду по своему представлению о моем купании. Ночью мне уже не хотелось заниматься выяснением, какая клавиша, что означает, и я просто нежилась. Думать о количестве странностей, которые меня поразили за сегодняшний день, мне тоже не хотелось, их было слишком много. Вспоминалось лишь неожиданное объятие Амира, когда он принес меня в комнату и какое-то время стоял у постели. Он прижал меня к себе очень нежно, но я все телом ощутила его напряжение, он себя контролировал, причем очень жестко, не просто сдерживался, а именно удерживал себя в движении. И почему-то еще один вопрос волновал: когда он доставал меня из бассейна, то пиджак весь вымок, а в коридоре на нем был уже другой костюм. Во всех панелях стен гардеробные для хозяина? Я поняла, что пытаюсь не думать о странностях сегодняшнего дня, и пошла спать.

На удивление, как только опустилась головой на подушку, сразу уснула и спала спокойно всю ночь… Утром проснулась бодрая и очень решительная. Не знаю, что мне снилось, но первым делом я подошла к зеркалу и спросила сама себя, готова ли ты? Я не очень понимала, к чему я должна быть готова, но почему-то это было очень важно самой себе сказать, что готова. А к чему, я подумаю потом, судя по ситуации. И на развитие ситуации у меня всего несколько дней. Я стояла, смотрела на себя и считала, сколько это, несколько дней? Пример решения этого сложного математического расчета пришел сам собой: несколько дней моих и несколько дней Амира в счете моей карантинной изоляции. Эта мысль развеселила, пусть будет, как будет, не стану думать о странностях вчерашнего дня, их все равно не сложить в стройную теорию, слишком все непонятно, Амир должен что-то мне рассказать, вот тогда все и сложу, а пока буду наслаждаться сказкой, в которую попала Баба-Яга. Глухие леса подождут. Тем более, что они уже всех предупредили, что я задерживаюсь на неопределенный срок.

Решительность помогла мне выбрать наряд для поездки. Просматривая все, что висело на плечиках, я постепенно

осмотрела всю гардеробную и увидела свой чемодан. В нем аккуратно была сложена вся моя одежда, даже та, которая висела на спинках стульев, благо ее было не много. Недолго думая, я надела джинсы и рубаху невероятных размеров и неопределенной расцветки. Что ж, уважаемый хозяин дворца, гостья, так гостья.

Вито зашел за мной именно в тот момент, когда я подошла к двери, в надежде самой дойти до столовой.

– Доброе утро, Рина.

– Доброе утро, Вито.

Быстрый взгляд не скрыл удивления, но он ничего не сказал. А я всю дорогу думала о том, что он в курсе того, что висит на плечиках в моей гардеробной, и всего скорее, того, что лежало в моем чемодане. Сам собирал в номере гостиницы? Он иногда посматривал на меня, такой странный, опять это слово, взгляд, который я не всегда могла увидеть из-за разницы в росте, но чувствовала.

Амир ждал меня в столовой, сидел за столом и сразу вскочил, приветствуя меня:

– Доброе утро, Рина.

– Амир, доброе утро.

Хозяин дворца тоже удивился, но молчал весь мой завтрак. А я спокойно поедала вкусности Востока и пыталась понять, почему никто вместе со мной не ест, это что, такая традиция? Хотя, когда показывают разные страны, всегда говорят о традиционном гостеприимстве, особенно восточном. Только Мари сказала, что будет ужинать. Ни Вито, ни Амир ни разу при мне не ели и не пили.

Амир внимательно за мной наблюдал, меня стал волновать этот взгляд, и я подняла на него глаза.

– Рина, ты не передумала ехать на прогулку?

– Нет.

Молчаливый завтрак получается, да, собственно, и ужин, вместе с обедом. Я ем, а за мной наблюдают. И что такого интересного в том, как я ем, может быть, нарушаю какие-то правила. Решимость перед зеркалом еще не улетучилась, и я позволила себе задать вопрос:

– Я ем неправильно?

Амир вздрогнул и сразу опустил глаза, а Вито, стоявший за его спиной, только улыбнулся.

– Ты очень красиво ешь.

И неожиданно яркий голубой взгляд и ослепительная улыбка. Амир смотрел на меня и улыбался, а руки недвижимо лежали на столе отдельно от этой улыбки. Чтобы отвлечься от вида его рук, я спросила:

– Куда, что ты…

– Мы поедем к морю.

На сегодняшний день надо придумать другое слово, странный уже не подходит. Амир провел меня по дворцу, и мы вышли в большие двери из черного резного дерева. Они совершенно беззвучно распахнулись, и я встала на пороге. Передо мной была высокая лестница, и на каждой ступеньке с обеих сторон стояли молодые мужчины, очень похожие на Вито, высокие, коротко стриженые, все в черных костюмах. Что же все-таки хранит Амир под своими коврами, чтобы такие его дворец охраняли? Только ли надписи из истории своего народа?

Амир взял меня под локоть и помог спуститься по ступенькам, так как ноги я передвигала с трудом, такая опасность исходила от его охраны. И машину заметила, только когда он открыл передо мной дверцу, длинная черная, такая же опасная, как охрана. Не зря я сегодня набиралась решимости с утра, наверное, мне что-то приснилось такое, чтобы я была готова, а может, за ночь мысли собрались где-то в голове, провели совещание и сделали свои выводы.

Я сжалась в комочек на заднем сиденье и опустила голову, и куда я ввязалась, в какую такую ситуацию, на развитие которой сама себе дала несколько дней, которые неизвестно сколько времени в себе насчитывают. И вдруг вопрос:

– Рина, ты меня боишься?

– Не знаю, пока не знаю.

Почему я ответила сразу то, что думала в этот момент? Пусть будет так, я всю жизнь под кого-то подстраивалась, делала все, только чтобы кому-то угодить, не доводить до конфликта и выяснения отношений, как вчера с Мари и Амиром. И своим бывшим мужем, спасти брак, так все делают, так надо делать, а зачем? Сама себе призналась, теперь уже легче с этим хозяином таинственного дома говорить непонятно о чем.

– Кто ты?

Амир остановил машину, посидел, склонив голову, и вздохнув, ответил:

– У меня мало времени все тебе объяснить, оказалось, что очень мало.

Я не стала уточнять, почему времени мало, догадалась, что это только начало разговора и приготовилась слушать, но он опять завел машину и поехал. Через несколько секунд я закрыла глаза, это была не езда, не знаю определения этой скорости, меня вдавило в спинку сиденья, и голова откинулась назад. Видимо, Амир увидел в зеркальце мое движение и скорость слегка замедлилась. Он что, такой скоростью пытается нагнать время,

которого у него оказалось очень мало для того, чтобы мне что-то о себе рассказать?

Мы приехали на скалистый берег, и Амир, помогая мне выйти из машины, сразу уточнил:

– Ты боишься высоты?

– Не знаю.

Решила быть честной, будь. Я действительно не знаю, боюсь ли я высоты, смотря какой, высоты небоскреба или высоты шатающегося стула. На крыше небоскреба высоты уже нет, а со стула можно упасть и удариться.

Высоты скалы над морем я не испугалась, зрелище полностью захватило меня, и я только вздыхала мелкими вздохами. Солнце сверкало миллионами бликов на воде, и море эти блики смывало со своего тела высокой волной. А небо, яркое невозможным голубым пространством, едва удерживало горящий диск, отливающий цветом чистого золота. Волны приближались к нам тяжелым валом, но теряли силу от долгого пути и укладывались на белом песке где-то далеко внизу, напоминая о себе только отголосками шипящего приветствия.

Боль пронзила меня так неожиданно, что я только вздрогнула, не совсем осознала, мозг еще раскладывал на составляющие картину моря и не смог сразу понять крик тела. Я попыталась посмотреть на Амира, спросить, откуда эта боль, но не успела, стала падать, ног не стало, они растворились в соляной кислоте боли. А потом и все тело растворилось в этой кислоте, стало распадаться на кровавые куски и крошево костей. Гигантские волны боли пронизывали меня, унося с собой остатки моего тела. Красный туман обволакивал все пространство вокруг, не давая возможности хоть на мгновение закрыть горящие пламенем солнца глаза, он проникал в зрачки и добавлял отдельную струю боли, а потом перемещался внутрь того, что осталось от тела, и вихрился мгновенными вспышками, создавая собой вулканы огня и лавы.

Тела уже нет, оно исчезло, осталась только память от него, лишь боль, которая продолжает в этой памяти властвовать и разламывать картинки, непонятным образом оставшиеся от воспоминаний. И теперь уже кусочки этих картинок памяти горят ярким огнем, тела нет, памяти нет, нет даже воспоминаний, осталась только боль.

Горящая лава протекала в пустом пространстве бесконечности и сжигала все на своем пути, даже мельчайшие пылинки, оставшиеся случайно от сгоревшего всего, что когда-то было чем-то, но уже давно сгорело. Лава все двигалась в поисках чего-нибудь, что может гореть, а навстречу ей из полной темноты

поднялась большая ледяная волна, в которой плавали айсберги, громадные куски нетающего льда, оставляя за собой лишь замерзшее навсегда пространство. Они встретились, и эта борьба огня и ледяной воды уничтожила все пространство, заполнила его пустотой, вакуумом, в котором ничто и никогда не сможет возродиться. Ничего нет, нет того, чего нет. Пустота.

Тонкий звук колебался легкими переливами, начинал взрываться едва заметными звездочками и создавал подобие ветерка, едва ощутимого дуновения молекул воздуха. Он тревожил и беспокоил Пустоту, заставлял ее волноваться темнотой, создавал серые маленькие пустоты, которых становилось все больше и больше. А звук только становился сильнее и громче от этих маленьких серых пустот, собирал их вместе, заполнял свое пространство только уже серой большой Пустоты. Она, эта серая Пустота, еще даже не достигла собой половины темной предыдущей Пустоты, когда звук изменился, в нем появились отголоски далекой трубы и проявился чистый свет, который в мгновение рассек все вокруг себя миллиардами лучей и взорвался гигантским фейерверком.

Тело уже не кричало от боли, лишь тихонько стонало, оно готово было умереть, уйти совсем в темную Пустоту. И вдруг мысль, но ведь тело уже сгорело, его нет, оно исчезло в темной Пустоте, испарилось, даже молекулы исчезли, откуда такая боль, болеть нечему. А как мысль?

Тепло, едва ощутимое тепло проявилось легким облаком, внутри него образовалась тонкая оболочка, и боль стала отступать, таять в этом тепле. Пространство пустоты заполнялось теплом и светом, облако тепла распространялось все больше и больше, оно было небесно-голубым, наполненным прозрачными каплями, которые, наконец, пролились теплым дождем, уносящим боль.

Глаза смотрели на меня с таким ужасом, что я оперлась на свою клюку и спросила ехидно:

– Чего ты, милок, испугался? Такая уж есть, такая уродилась на белый свет. А зачем тогда пришел, раз боишься, что тебе от меня нужно?

– Нужна ты.

– Я? Тебе сила моя колдовская нужна?

– Нет, нужна ты сама.

Я засмеялась, хрипло квакая, махнула корявой рукой, тяжело опустилась на скамью.

– Знаешь, сколько я таких на своем веку видала, все говорили, мол только ты и нужна, а сами колдовать просили, красавиц им подавай, да богатство королевское. Ты такой же,

говори, зачем пришел, хитромудрый, сразу тебя видать, за версту носом почуяла твою черную душу.

Глаза потемнели, стали пронзительными, но потом в них появилась боль и такая тоска, что я смилостивилась:

– Говори, раз пришел, наколдую тебе твое желание.

– Прошу любви.

Я от удивления повторила необычное слово:

– Любви?

– Твоей любви.

От моего смеха, тяжелого, громкого и раскатистого, глаза совсем почернели, но продолжали на меня смотреть с той же болью. Когда смех пролетел над горами и лесами, отозвался грозовыми молниями в небесах, я ответила, уперев руку на кривом колене:

– Дак тебе придется меня сначала расколдовать, дурак стаеросовый, а прежде чем меня расколдовывать, сначала свою душу разбуди, а она у тебя черная, мхом покрытая, один росточек на нем только и есть, который к любви стремится. Смотри, не сломай, погубишь его, я тебе никогда не достанусь. Ты и меня погубишь и сам уже никогда не сможешь жизнь свою возродить. Думал, тебе путь ко мне показали, о тропиночке куда идти рассказали, так и все, пришел и сразу в дамки, надменный дурак, каждый сам идет, свои муки терпит. По чужому пути никто еще не мог дойти до любви, она глубоко спряталась, не каждому покажется.

И совсем разошлась, клюку схватила, грохнула об пол:

– Да помни, сила твоя тебе ничем не поможет, только моя кровь, боль моя, да страдание, вот путь, по которому пойдешь! Это другим послабление, кто силы твоей не имеет, много тебе дано, много и спросится!

Изображение свернулось, глаза исчезли последними, в них так и осталась боль, не ушла, не испугалась моего крика. И я не сразу осознала, что боли нет, ничего нет, тело радовалось от одной мысли, что боль ушла, исчезла вместе с глазами, полными страдания.

Что-то касалось меня легким перышком, совсем невесомым, но кожа чувствовала его и подрагивала в месте прикосновения, она боялась, что даже такое нарушение пространства опять принесет боль. Но боль не проявилась, и кожа облегченно вздохнула и уже с наслаждением ощущала перышко, которое все смелее касалось ее, гладило и ласкало своими невесомыми волокнами. Появился легкий ветерок, нежный, ласковый, он обволакивал, успокаивал, проникал внутрь и восстанавливал тело, заново его создавал.

Я летела на облаке, проносилась вместе с ветром, впитывала всем телом влажное пространство, чувствовала на своей коже капельки дождя, радовалась им и смеялась.

– Рина, ты меня слышишь? Если сможешь, открой глаза, ты можешь, ты все можешь, открой глаза.

Открывать глаза мне не хотелось, облако летело и летело в прозрачном свете, нигде ничего не было, ничто не мешало моему полету.

– Рина, открой глаза.

С трудом я подняла веки и увидела яркие зеленые глаза с солнечными лучиками в центре, только глаза, лицо терялось в мареве плотного тумана.

– Смотри на меня, не засыпай, смотри!

Неожиданный громкий крик всколыхнул во мне боль, я почувствовала сильный удар, который сначала раздавил меня на молекулы, а потом приподнял как полотно, и меня накрыла темнота.

Мне снились яркие сны, красивые, многолюдные, в них все смеялись и радовались, обнимали меня и говорили, опять смеялись и что-то рассказывали, прижимали к своей груди, а я чувствовала биение их сердец. Они радовались мне, приветствовали в своем кругу, рассказывали о своей любви, обещали мне только счастье и удовольствие, много всего, что я никогда не знала в своей жизни. Мужчины и женщины, молодые и красивые, высокие и сильные, и их глаза, ясные, чистые невероятной прозрачной чистотой, полные любви и счастья.

– Довели девку, ой, довели, что же вы сделали окаянные, коты лесные, медведи косолапые! Неси, я сказала, сюда клади, да не сыпь ты в чашку, нельзя туда, в стакан, где стакан? Вот сюда наливай, воду привез? Наливай, только до черточки, что я вчера отметила, капли больше нельзя…

– Фиса, я налил ровно столько.

– А почему в чашку хотел насыпать?

– Ты вчера в чашку наливала.

– Так, то тогда, сегодня только в стакан, луна другая стала, только стекло, глина уже мешать будет.

– Рина проснулась.

Я еще даже ресницами не пошевелила, а кто-то уже понял, что я проснулась. Мягкие пальчики сразу схватили меня за руку и нежный голос заворковал:

– Ой, девонька, ой красавица, ты глазки пока не открывай, потерпи маленько, листочек на глазках твоих лежит, еще пусть там побудет. А ты размешал уже, мы ей и дадим попить, красавице нашей, пусть сама попьет, без проводков ваших, сама

уже может. Ты уста свои сладкие открой, девонька, открой, сама попей.

Моих губ коснулось холодное стекло, и я чуть приоткрыла их, в рот потекла тонкая струйка живительной влаги.

– Витек, ты ей помоги, подними маленько, легче ей пить будет, вот и хорошо, ты пей девонька, пей, милая моя.

Мою голову приподняли, и пить действительно стало легче, но сознание такого удовольствия не выдержало, и я опять рухнула в темноту.

Я приходила в сознание совсем ненадолго, открывать глаза мне не позволял этот воркующий голос, сразу давал выпить вкуснейшей воды, иногда тоже очень вкусной жидкой кашицы, и сознание меня покидало.

Фиса ругалась на неизвестного Витька по поводу и без повода, то есть постоянно, всегда и всем была недовольна, а Витек отвечал спокойно, ни капли раздражения, и всегда был прав, хотя таинственная Фиса этого не признавала категорически. На удивление я сознание сегодня не потеряла после фруктового пюре, и с удовольствием слушала их очередное выяснение отношений, причем Фиса привлекла меня в свидетели безобразного поведения этого Витька:

– Ты, Рина, только посмотри, что этот дуболом придумал, вчера ты видела, что натворил, а сегодня опять не тот стакан поставил, я ему сразу сказала, только этот, с золотинкой, а что он принес? Смотри, не стакан, а ендова какая-то, прямо старина, ковш настоящий.

– Фиса, ты сказала ту золотую посудину, а не стакан с золотым ободком. Это не ковш.

И я узнала голос, Витек это Вито, правда мой голос меня не слушался, получился только едва слышный шепот.

– Вито.

– Рина, как ты себя чувствуешь?

– Хорошо.

– Вот и умница, вот и молодец, ты пока глазки свои ясные не открывай, и помолчи, голосок свой побереги.

Мягкие пальчики легко пробежались по моей руке, погладили по щеке.

– Красавица ты наша, страдалица, такое перенесла и жива осталась, я этих паразитов монгольских ругала уже всякими словами, так тебя миленькая довели.

– Почему монгольских?

– Молчи, девонька, молчи. Так неруси одно слово, татары, что с них возьмешь.

Мне очень хотелось увидеть эту Фису, такая речь интересная,

да и поведение никак не вписывалось в этот дворец. Но сознание покинуло меня раньше, чем я успела открыть глаза.

Наконец наступил момент, когда Фиса разрешила мне открыть глаза:

– Ну, девонька, смотреть будешь тихонечко, совсем немножко глазки открой, если больно, сразу закрывай, не любопытствуй, потом все увидишь. Я хозяина к тебе не допустила, пусть муки твои в саду переживает, ему еще рано тебя увидеть.

– Амир?

– Да я этого паразита к тебе бы никогда не допустила, только все говорят, что он тебе силу свою хочет передать, чтоб ты жить смогла. Если бы не это отравила бы своими руками.

Я улыбнулась, встречу Амира и Фисы представить никак не могла, ясно, что и с ним она говорила так же, то есть совершенно откровенно.

Фиса оказалась милой женщиной средних лет, почти моего возраста, может даже моложе. Ясные голубые глаза светились радостью, лицо как с фотографии о деревне в глухой глубинке, даже голова белым платком особым образом повязана, волос совсем не видно. И руки на животе сложила, как крестьянки делают, такие пухленькие руки, и вся пухленькая, такая мягонькая. Льняная рубаха, подпоясанная красным широким поясом, подчеркивала крестьянский образ моей спасительницы. За ее спиной стоял совсем белый Вито с черными глазами, пытался улыбнуться мне, когда я подняла на него взгляд, но улыбка не получилась, только губы едва разошлись. Зато Фиса улыбалась радостно, открыто и умильно смотрела на меня.

– Ну и умница, ты у нас силища, такое смогла пережить, красавица наша, только пока молчи, очи ясные я тебе вылечила, а горлышко, птица моя сладкоголосая, еще надо немного умаслить.

И действительно заставила выпить какого-то масла, горькости невероятной, я так и вспыхнула вся, как только в рот этого маслица взяла.

– Пей, красавица, пей, я тебя петь научу наши песни, настоящие, а их петь тебе не то, что это пиликанье, что в ящике показывают.

Я изо всех сил пыталась втолкнуть в себя горящее масляное варево, и оно как преодолело невидимую преграду, потекло легко и горячо по горлу. Непростое оказалось маслице, я горела еще долго, потела всем телом так, что Вито несколько раз заворачивал меня в детский конверт, не обращая внимания на мое едва слышное возмущение, рубашку с меня сразу сняли, так как она промокла насквозь. А Фиса все комментировала:

– Рина, ты на него не смотри, не мужик он, хоть и дылда

верстовая, силы наел. Ты не урони нашу красавицу, аккуратненько, так ты ее уронишь!

– Не уроню.

Действительно, Вито умудрялся держать меня одной рукой на весу, и при этом мгновенно расстелить одеяло другой рукой, пока Фиса ползала по гигантской кровати, выпрямляя уголки. Двигаться сама я практически не могла, только пальцы едва поднимались, остальное тело было безвольным и недвижимым. Промокшее одеяло он просто скидывал на пол, доставал другое и процедура повторялась. Фиса на это безобразие молча смотреть не могла:

– Ты посмотри, что делает, такое добро выкидывает, ничего с ним не сделается, постираем, и на солнышке высохнет. Зачем на пол кинул!

– Одеял много.

Вито справился с собой, бледность ушла, взгляд посветлел, он управлялся с моим телом очень бережно, иногда успевал провести пальцами по моей руке. Я могла лишь наблюдать за всем действом, да морщилась от огня внутри меня, но огонь был странным, я лишь чувствовала его всполохи, которые только жарко грели, не причиняя боли. Фиса пользовалась моментом моего недолгого лежания в конверте из одеяла, пока оно не промокало насквозь, и поила очередным настоем.

– Пей, красавица, пей, водичка эта непростая, много в ней трав разных. Вот я тебе Витек, что сказала, ночью травку эту надо собирать, а ты небось …

– Ее собрали ровно в полночь, как ты и сказала.

– А кто собирал? Если …

– Как ты сказала, девушка не старше пятнадцати лет. Ей четырнадцать.

– А …

– Доставили самолетом.

Вито научился предугадывать вопросы Фисы и заранее на них отвечал, я только поражалась его нечеловеческому терпению. Ни разу я не заметила ни капли раздражения в его голосе, лишь иногда он себе позволял ироничную усмешку на очередное возмущение, и то в тот момент, когда она его не видела. Наконец жар от маслица несколько утих, очередное одеяло не промокло насквозь, а лишь удерживало тепло в моем теле, и я уснула.

Я спала, ела разные кашицы, пила настои, слушала возмущение Фисы и не думала. Иногда приходили вопросы, но я их отгоняла, не хотела даже пытаться на них искать ответы. Наверное я еще не забыла боль, ту Пустоту, которую однажды почувствовав никогда уже не забудешь. И заполнить ее этими

вопросами невозможно, да и ответами тоже. Я молчала уже не по требованию Фисы, просто молчала. Молчать мне было уютно, я иногда слабо улыбалась, чем доставляла удовольствие Фисе и особенно Вито, он прямо расцветал от моей улыбки, глаза приобретали свой изумительный серо-голубой цвет. Но чаще всего его глаза были тревожными, очень внимательными, фиксирующими каждое мое состояние.

Но наступил день, когда Фиса решила, что мне пора двигаться:

– Рина, все, належалась уже, кушаешь, милочка, ты хорошо, поэтому давай-ка пальчики мы тебе немножечко помнем, косточки раздвигаем. Нечего лежать, скоро зима, ходить пора.

Я не поняла, почему зима, но спрашивать не стала, пусть будет зима. То, на чем я лежала, было очень мягким, совершенно пуховым, мое тело в этом нечто находилось как в воде, а так как я не двигалась, то понять, в чем я лежала было невозможно. Да и простыни были совершенно невесомыми и очень нежно касались моей кожи. А в окно я ничего не видела, казалось, что, кроме ясного неба, ничего нет, только оно и всегда светло. Может, я просыпалась только днем, ни разу не было ощущения вечера или утра – только день.

От того, что Фиса назвала косточки помнем, я закричала сразу, боль пронзила все тело, но она не остановилась в своем жестком движении руками, лишь громко сказала:

– Терпи, красавица, столько всего вытерпела, и теперь терпи. Я тебе не дам валяться мешком недвижимым, еще чего, такая красавица, мы тебе мужика красивого найдем, замуж выдадим, танцевать будешь.

Но я ее уже не слышала, боль от каждого ее прикосновения пронзала меня так, что не было сил уже даже на крик, а отодвинуться от нее или вырвать руку из ее ладоней я не могла.

Когда я пришла в себя, Фиса мне сразу заявила:

– Ты это брось, убегать вздумала, косточки тебе разминать надо в памяти, иначе ничего не получится, поэтому терпи.

А сама смотрела на меня глазами, полными слез и утиралась концами платка. Вито стоял за ее спиной бледный, с тонко поджатыми губами и совершенно черными глазами. У меня хватило сил ответить слезам и черноте глаз:

– Хорошо, я потерплю.

Когда Фиса замечала, что я начинаю терять сознание от боли, останавливалась и начинала приговаривать:

– Миленькая, цветочек васильковый, красавица, березка-яблонька, вот и хорошо, немножечко совсем осталось.

А это немножечко длилось и длилось, сознание мое не

послушалось Фисы, и я погрузилась во тьму. Я потеряла счет времени, только боль, мой стон, уговоры Фисы и черные глаза Вито.

И все-таки наступил момент, когда я смогла сама поднять руку и даже помахала ею Вито, под умильным взглядом Фисы.

– Вот и славно, вот и молодец, а теперь девонька купаться пойдем, русалкой заделаешься, водица она завсегда помогает, в воде оно легче будет.

Вода в бассейне была такая голубая, что я зажмурилась, а Вито так и вошел в нее, бережно прижимая меня к себе.

– Костюм-то замочишь, ну да ладно, у вас небось их как одеял, каждому по десять, деньги девать некуда, Рина, ты посмотри, ничего им для тебя не жалко. Витек, осторожно, не утопи красавицу нашу, только пусть немного в ней полежит, да руками побулькает.

4

Теперь ко всему добавилось плавание в голубой воде, правда долго я там не могла находиться, почти сразу засыпала. Фиса радовалась каждый раз, когда я начинала двигать чем-нибудь самостоятельно, то другая рука поднялась, то нога шевельнулась.

– Рина, ты не бойся, шевели сама, работай, належалась уже, теперь сама все делать будешь, и ходить легко, как птичка прыгать, и руками своими, крылышками взмахивать, скоро петь будем, горлышко тоже промылось. Не молчи, скажи слово золотое, говори девонька, не молчи.

Постель мне заменили, не тот пух, мягко, но я уже чувствовала поверхность. Махать руками и ногами было интересно и смешно, Вито, которого Фиса так и не смогла выгнать, чтобы он меня не стеснял, только отвернулся, но внимательно наблюдал в стекле окна, за которым так и оставался ясный день. Но говорить я не хотела, улыбалась им и молчала.

Вито водил меня по комнате, придерживая за плечи, а Фиса руководила процессом, крепко схватив за руки:

– Шажочек, еще один шажочек, иди, миленькая, иди, красавица, ножки свои распрекрасные ставь на коврик, он мягонький, не поцарапает.

Через несколько дней таких трудов, я, размахивая руками в разные стороны, уже сама прошла путь от постели до окна и рухнула в кресло. Вито радостно улыбнулся, а Фиса всплеснула руками:

– Скоро гулять будем, а теперь кушать, девонька, кушать, милая.

Когда я проснулась после похода к окну и достаточно плотного обеда, в комнате был только Вито, Фисы не было. На мой вопросительный взгляд, Вито сразу объяснил:

– Фиса проверяет травы, которые привезли.

Он стоял у окна на фоне яркого солнечного дня, и я спросила полушепотом:

– Зима?

Он склонил голову, вздохнул и в его руках появился пульт. Пейзаж за окном странно посветлел, а потом совсем исчез, появилось все в серых тучах хмурое небо, а в стекло бил крупными каплями дождь. Я не стала спрашивать, сколько времени прошло с того дня, когда я стояла на скале с Амиром и на меня рухнула боль. Много, раз уже пришла зима, много. Неопределенный срок моего присутствия в этом дворце.

– Спасла?

– Да.

Вито ответил, не поднимая головы, и я не увидела его глаз, лишь плотно сжатые губы.

– Что-то не так?

– Мы не знаем, все должно было быть иначе.

– Амир?

– Фиса запретила ему встречаться с тобой. Он был рядом и все видел, но ничем не мог тебе помочь, и мы не могли. Только Фиса и королева.

– Зеленые глаза это она?

– Да.

Он неожиданно оказался у постели и встал на колено, удивленно спросил:

– Ты ее помнишь?

– Только глаза, а потом удар, я… мало что помню.

Он опустил голову и невесомо коснулся моей руки:

– Я видел записи с королевой, умом понимал… но то, что происходило с тобой…человек этого не может выдержать.

– С ней так же было?

– Она была первой, кто выжил.

– Первой…

– Ты тоже первая. У нее процесс проходил иначе. Амир тебе расскажет все.

– Расскажи ты.

– Нет, девонька, нет, милая, это пусть тебе паразит этот рассказывает, ишь ты, вздумал, такое с тобой сотворил и в кусты! Нет! Вот пусть сам с тобой и говорит!

Разгневанная Фиса уперла руки в бока, еще половника в руках не хватает, глаза сверкают, только попадись ей этот паразит, уж она ему покажет. Но неожиданно одумалась и заявила мне:

– Рано тебе с ним говорить, вот на ноги нормально встанешь, чтоб от ветра не качало, сама по морю голубому поплывешь, да в морду его поганую плюнуть сможешь, вот тогда и говори.

И в доказательство своих слов так намяла мне косточки, что я практически бездыханная кричать даже не могла. А она все приговаривала:

– Вот так, силы набирайся, с ним хитромудрым просто так нельзя разговаривать, его надо бить постоянно, чтобы боль человеческую понял, на шкуре своей почувствовал, как это жизнь отдавать.

Когда она наконец удовлетворенно вздохнула и ушла мыть руки в ванную, я посмотрела на Вито и ужаснулась: он сидел у окна на полу и закрыл лицо руками.

– Вито, я … прости, я не буду больше кричать.

– А ты ему таких слов не смей говорить! Это он на коленях перед тобой ползать должен! Прощения измаливать за хозяина своего, да свою будущую жизнь! В новый мир на твоем горбу въехать захотели, шиш вам!

И даже фигу изобразила своими маленькими пухлыми пальчиками, но опять как-то очень резко успокоилась, странно на Вито посмотрела, легонько вздохнула:

– Ладно, скажи ироду этому, пусть к завтрему готовится. Только чтобы сильно не беспокоил красавицу нашу, волнения ей ни к чему. Иди.

Вито встал и, не посмотрев на меня, вышел, а Фиса тяжело опустила плечи и села в кресло у окна, посмотрела на него и заворчала:

– Вот нелюдь, и окно показал, ну уж что теперь, сама проговорилась.

Мне хотелось успокоить ее, и я улыбнулась:

– Значит, это ты не хотела мне время показывать?

– А кто ж еще? Эти-то ничего в людях не смыслят, я им одно, а они свое гнут, энергия да энергия, а какая энергия, если ты ему в один момент свою жизнь отдала, одна ниточка и осталась.

Она погладила ладошкой колено, расправила ткань и подняла на меня строгие глаза, сокрушенно головой покачала:

– Ты девка, вот что, послушай-ка меня, я тетка старая, жизнью тоже сильно битая, но одно скажу, почему ты выжила, никто не знает. Только королева эта ихняя может что и понимает, уж больно она за тебя переживала, да этому ироду мозги вправляла, хотя муж все ее увести от тебя пытался. Сильна скажу тебе, ой сильна, как зыркнула зеленью своей, как крикнула, ножкой топнула, никого слушать не стала, только, говорит, я могу это сделать, никто мне не указ.

Неожиданно засмеялась довольно, ручкой махнула.

– Этот ирод даже на колени перед ней встал, руками от нее спрятался, глаза свои бесстыжие прикрыл, спаси, говорит, я не успел ничего, даже поговорить не смог, как все и случилось.

И зашептала громким шепотом:

– Убить себя просил мужа королевы, меня, мол, убейте, а ее спасите. Вот оно как. Только она его слушать не стала.

Фиса утерла губы уголком платка, опять головой качнула.

– Но ведь и у нее с первого-то разу ничего не получилось. Ты только корчишься, да сипишь, кричать уже совсем не могла.

Она вздохнула, но продолжила, и взгляд опять стал строгим.

– Ты слушай, тебе это знать надо, может ирод этот ничего и не скажет, а меня подальше от тебя отправит, чтобы лишнего тебе

не сказала.

– Не отправит.

Вито стоял в дверях весь черный, не лицо, а маска, даже глаз почти не видно. Но Фиса его не испугалась:

– Ты, Витек, пойди, погуляй, мне с Риной поговорить надо. Иди, и так все знать будете, пусть твой хозяин подумает, как с ней завтра говорить будет.

Я тоже хотела, чтобы Вито ушел, все, что говорила Фиса, пока осталось только словами, я ничего не понимала. Вито голову опустил, кивнул и вышел.

– Зачем Амир просил себя убить?

– Так он же жизнь из тебя и вытянул. Ты ему свою жизнь так отдавала, ты для него спасение.

Жизнь. Я отдавала Амиру свою жизнь, вот что он не смог мне сказать, не успел. Голубой шар, я для него та половинка. Но на фресках они покупают женщину, и она потом живет в доме, никакого намека на то, что происходило со мной. Или не живет? Может, она погибает, чтобы жили другие? Отдает свою жизнь мужчине, и он защищает остальных? Я отдавала свою жизнь, чтобы Амир смог защитить свой возрождающийся народ?

– Ты, девонька не думай пока, я тебе всего не могу сказать, пусть сам все и говорит. Ему во многом тебе признаться придется, боюсь, не хватит ему храбрости самое важное тебе сказать, тут никакая королева помочь не сможет. Да она сама так и сказала.

– Как сказала?

– От тебя все зависит.

Слова королевы Фиса сказала совершенно другим тоном, спокойным и четким. И от кого? От Амира? А может от меня? Но Фиса в подробности вдаваться не стала, продолжила рассказ о моем спасении:

– Дочка его помогла, вот надо же, такой ирод, а какая у него девочка, в мать пошла. И умеет много, сила в ней большая, она и сказала, как надо сделать, без королевы, конечно, не обошлось, ты ее только и услышала, а потом и Маша за руку тебя взяла.

– Мари?

– Да, Машенька.

– Мне сон странный приснился, в нем люди какие-то были, много.

– Так это Машенька тебе их силы и передала, вот ведь умница, я такого никогда не видела! А у этих ты не берешь, он и так к тебе, и за руку брал, и руку на голове держал, да и других королева с собой приводила, ни у кого не получилось.

Фиса не выдержала, встала с кресла и подошла ко мне.

– Ты, Рина, ничего не бойся, пока я с тобой силы твои буду

держать, только вот он ведь, ирод этот, все еще у тебя жизнь-то забирает.

– Наверное, она ему нужна, чтобы народ его…

– Да не для народа старается! Себе все, ты девонька-яблонька, так хорошо о нем не думай, ты главного страха не знаешь!

И замолчала, даже губы сжала, махнула рукой и отошла к окну.

– Он меня сразу спросил, боюсь ли я его, в первую встречу.

Фиса обернулась и удивленно посмотрела, а потом не выдержала и подошла ко мне, присела на постель.

– И как?

– Я … уточнила, что разве должна, и он как-то странно потом себя вел. Вито его… заставил уйти. Почему? Он Амира все время контролировал, подойдет, скажет имя, и тот сразу уходил. А когда к морю ехали, ну, в тот день, он опять меня спросил, а я сказала, что не знаю.

– Испугалась?

– Такие на ступеньках стояли… не знаю… опасные какие-то…

– Да они по сравнению с ним цыплята! Несмышленыши зеленые!

Она почти кричала, махала руками от возмущения, но опять остановила себя, опустила глаза, несколько раз глубоко вздохнула, плотно сложила руки на животе и подняла на меня строгие глаза:

– Вот что, девонька, я тебе не буду рассказывать о нем, сам пусть душу свою черную перед тобой открывает.

– Фиса, мне действительно надо его бояться?

– Нет, в том-то и дело, нельзя, только не знаю, сама уже который день думаю, как тебе яблонька в живых остаться.

– Но ты сказала, что он сам… просил… чтобы меня спасли…

– Да потому и просил, что каждую секундочку ты ему жизнь свою единственную отдаешь, пока жива так и будет… а … муки тебе… а ему силы все больше… да жизни…

Фиса пыталась замолчать, но слова выскакивали из нее сами по себе, праведный гнев на Амира, клокотавший в ней все эти дни, не давал возможности остановиться.

– Рина, если бы могла, унесла бы тебя, крылья бы только выросли, а без них не убежать тебе от них, ни в каком месте от них не спрятаться…

– Я все расскажу сам. Фиса, можешь идти.

Амир появился настолько неожиданно, что мы обе вздрогнули. Да и тон хозяина был таков, что Фиса замолчала, не смогла сразу ему достойно ответить.

– Фиса, ты в любой момент можешь вернуться домой,

самолет в твоем распоряжении.

Но она уже пришла в себя и ответила таким же тоном:

– А ты меня не выгоняй! Я когда захочу тогда и уеду, ты мне не указ! Не отдам тебе на растерзание …

– Вито.

Фиса не успела договорить свою речь, как появился Вито и на руках вынес Фису из комнаты, он так быстро исчез, что та не успела ничего сказать от удивления.

Амир подошел к окну и долго молчал, руки он отвел за спину, и я видела крепко сжатый кулак правой руки, который он удерживал левой. Я попыталась приподняться на постели, и он услышал звук, сразу оказался рядом со мной и помог переложить подушку удобнее.

– Спасибо.

Он странно посмотрел на меня совершенно черными глазами, едва коснулся руки и опять отошел к окну.

– Амир, подойди, пожалуйста.

Рядом с постелью не было никакого стула, даже пуфика, а стоящий рядом Амир оказался на большой высоте, в смысле мне смотреть неудобно. И он понял, мгновенным движением встал на одно колено. Я только моргнула, растерянно посмотрела на него и извинилась:

– Мне высоко, извини.

Он вдруг закрыл лицо руками и уронил голову на постель. И я совершила неожиданный поступок, рука совершила, голова в этом процессе явно не участвовала, я погладила его по склоненной голове. Такие удивительные волосы, гладкие, не мягкие, а именно гладкие, хотя и непослушные: несколько прядей на макушке стояли в разрез со стрижкой. Он как-то замер, сжался весь, даже широченные плечи странным образом свернулись. А я прошептала:

– Амир, скажи мне, кто ты. Я тебя не боюсь, только хочу знать. Ты же собирался мне что-то рассказать в тот день …

Продолжить я не успела, боль пронзила меня так, что я застонала, и Амир вскинул на меня глаза:

– Вито!

– Не уходи, Амир, не уходи!

Я протягивала к нему руки и морщилась от боли, внутри меня все горело, боль захлестнула все тело. Сквозь пелену, которая уже закрывала глаза, я прошептала:

– От нас все зависит…

И неожиданно все прошло. Когда появился Вито с Фисой на руках, я слабо улыбнулась ей:

– Все уже прошло, все хорошо, Амир, я прошу тебя, не уходи.

– Да ты с ума сошла, да он же из тебя все соки выпьет…

– Нет, Фиса, пусть остается, он сейчас меня спас от боли.

– Из-за него все! Это он!

– Нет, Фиса, не из-за него, что-то не так.

Вито посмотрел на меня неожиданно яркими голубыми глазами, даже не оглянулся на Амира, стоявшего у моей постели.

– Фиса, мы погуляем.

И исчез вместе с ней. Я несколько раз глубоко вздохнула, пытаясь понять, вернется ли боль, но она больше не появлялась, и я подняла глаза на хозяина дома. Он стоял бледный, почти прозрачный, глаза странным образом провалились, и я испуганно спросила:

– Амир, что с тобой?

Он сразу отвернулся и отошел к окну, тяжело вздохнул и спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

– Все прошло. Я… все прошло.

Решительно вздохнув, я снова прислушалась к себе, и боли опять не было, значит, можно говорить. Все правильно, мы должны что-то понять вместе, королева права, только вместе, она нас имела в виду, обоих.

– Амир, расскажи мне все.

– Уже поздно, завтра…

– Сегодня.

Я, наверное, очень долго лежала, вот и накопилась энергия, девать просто некуда. Или очень рада, что Амир пришел. Так, ты уже совсем здорова, раз такие мысли появились. Только в лице Амира как раз радости и не было, он смотрел на меня, и его мысли явно не были приятными, он мрачнел с каждой секундой. Медленным движением он что-то достал из внутреннего кармана пиджака и подошел к постели.

– Ты хотела знать, кто я.

– Скажи.

Вместо ответа на колени мне упал пакет, я не сразу поняла, что это, лишь по медицинскому запаху и форме упаковки догадалась, пакет донорской крови.

– Кровь?

– Да. Человеческая кровь.

Странно, зачем она? Амир так и возвышался надо мной, мрачный черный взгляд и плотно сжатые губы. Неожиданная усмешка скривила их и он произнес:

– Ты никогда не видела, как я ем.

Действительно, они при мне никогда не ели, ни он, ни Вито. И что из этого?

– Я всю жизнь убивал людей, они для меня были пищей.

Слова не складывались в мысль, я смотрела на него и не понимала слов, которые он говорил. Как это люди могут быть пищей? Я коснулась пакета пальцем, кровь.

– Кровь?

– Да, силы мне дает человеческая кровь. Я не сплю, слышу и вижу значительно лучше людей, очень силен, ты даже не можешь представить моей силы. Я глава клана, который состоит из таких же… нелюдей. Я не человек.

Непонятно зачем я спросила:

– Клан это союз?

– Военизированное объединение. Я могу убить любого члена клана. И не только своего. Я могу убить любого, мало тех, кто равен мне по силе и возможностям. И этим я занимался шестьсот лет. Мы живем долго.

Мозг продолжал не понимать слова, какие шестьсот лет, о чем он говорит? Как это убить каждого, кто в его клане? Как это вообще убить? Но что-то тревожило, что-то я упустила в этом сумасшествии.

– Клан это твой народ? Который теперь возродился?

– Нет, народ… я был вождем этого народа до того, как стал таким.

– Эти фрески в пещере… это и есть твой народ?

– Да.

– Я твой шар, голубая половина?

– Нет.

Это спокойно произнесенное слово придавило меня, и я склонилась головой на подушку. Все слова до него так и остались ничем, кроме звука, смысла в них не было. А вот надежда рухнула, очередной раз рассыпалась на маленькие капельки разочарования. Пока есть остатки сил, надо узнать главное.

– Тогда кто я для тебя? Почему именно я?

– Для таких, как мы, природа создала возможность продлить существование. Среди людей есть энергетические половины, которые дают нам силу и еще один жизненный срок. Получив кровь этого человека, его жизнь, мы становимся сильнее и продолжаем жить.

– Теперь у тебя есть еще шестьсот лет?

– Да.

Я кивнула головой и задала последний вопрос, почти шепотом, говорить голос уже отказывался:

– Ты сохраняешь мне жизнь, чтобы еще получить силы?

И вдруг крик, невероятный крик, полный отчаяния и боли, от которого я вздрогнула всем телом, зажмурила глаза и вжалась в

постель:

– Нет!!!

– Амир!!!

Крик Вито был таким же громким и отчаянным, через мгновение тишины послышался голос Фисы:

– Кровопивец поганый, ирод черный, монстр бездушный, Рина, девонька моя, да как же, яблонька, ты поплачь, милая моя, ты не слушай его, не думай о нем. Ты поплачь, убивец …как же это…Вито!

Я перестала существовать, Пустота вернулась и разнесла меня по своему безвоздушному пространству маленькими молекулами, превратила в ничто. А ничто думать не может, оно просто не существует, и боли у этого ничто нет, болеть нечему. Пустота с болью и Пустота без боли, что лучше? Одинаково, обе Пустоты, в одной просто боль, а в другой совсем ничего, даже боли нет. Значит, Пустота без боли страшнее, совсем нечему существовать.

Вито стоял по пояс в ледяном бурлящем потоке и время от времени опускал меня туда, я захлебывалась водой, и он меня поднимал, давал время, чтобы я отдышалась, а потом снова отпускал. Громкий голос Фисы командовал:

– Витек, ты не жалей ее, не жалей, опять вздумала убежать, лениться решила! Живи, девка, живи! Ишь, чего захотела, всем тяжело, вот оклемаешься, я тебе о своей жизни расскажу, и ничего, живу вот! Топи ее, топи дурочку!

Промерзшую насквозь, практически утонувшую, меня, наконец, достали из воды и завернули в несколько одеял, Вито так постарался, что я чувствовала себя куколкой насекомого. Когда я смогла уже мычать, а не стучать зубами, Фиса приказала мне открыть рот и влила туда какую-то огненную жидкость:

– Я тебя заставлю жить, заставлю, назло этому кровопийце, ты у меня красавицей неземной будешь, на коленях перед тобой ползать еще будет. А ты что стоишь? Неси травы, согреется маленько, натирать начнем.

Я уже пришла в себя и только испуганно на нее посмотрела, огненная жидкость бушевала во мне, возвращая к жизни. Фиса натерла меня так, что все двигалось как у гуттаперчевой куклы, если до этого она ко мне относилась как к тяжелой больной, то теперь решила, что хватит терпеть мои выходки, лечить надо всерьез. Она раздела меня и, не обращая никакого внимания на присутствие Вито, крутила и вертела во все стороны, на мои крики и стоны лишь продолжала учить жизни:

– Терпи березка-яблонька, ты сильная должна быть, ты этому зверю еще покажешь, что женщина всегда сильнее, она по красоте

своей уже сильнее мужика, а умом им нас никогда не догнать. Ты и так разумница, слышала, как с ним разговаривала, истинно, что не боишься, и глазами своими ясными прямо на него смотрела, не мог он в твои глаза смотреть, не мог, вот и правильно, пусть сам тебя боится! Витек, неси еще масло, горлышко надо почистить.

– Фиса!

– Пей красавица, пей, милая, утром спасибо скажешь.

После огненной жидкости маслице пронеслось по горлу легко, обожгло все внутренности, и я уже казалась себе вулканом, наполненным раскаленной лавой.

– Вот и хорошо, вот и щечки стали персиковыми, ты теперь красная девица, невиданная доселе в этом логове змея, а ты его не боись, его несчетным головам такой красоты не превозмочь, мы ему водопад твоей жизни красотой да силой перекроем, ишь чего вздумал, разговорами тебе …

Я открыла рот и выпустила бушующее внутри меня пламя, прошептала:

– Сама я …спросила…

– А он, ирод, знал, ты заволнуешься, и сразу ему жизнь свою отдавать будешь! Для того и пугал, словами сказать не мог, кинул…

И замолчала, губы сжала, поняла, что проговорилась, а я вопросительно взглянула и прошептала:

– Видела…

Фиса махнула рукой, что уж, опять сама виновата, даже на Вито оборачиваться не стала. Хотя стоило бы, удовольствие могла получить, он стал бледным как полотно и глаза опустил. И я остановила взгляд на нем, ты в доме у хозяина служишь, значит, все знаешь.

– Да, Рина, во дворце везде установлены камеры. Во всех комнатах.

Я продолжала на него смотреть, даже пыталась изобразить недовольство, и он кивнул:

– В бассейне тоже.

Неожиданно Фиса решила оправдать действия хозяина дома:

– Ты, Рина, не обижайся, для тебя это, чтобы если что, успеть к тебе, ты тогда бурю учинила, могла и утонуть, а Амир на тебя смотрел, успел, значит, спасти.

Видимо огненные потоки совсем очистили мой мозг от остатков мути, и он стал работать в прежнем рабочем режиме. Вот все, вернее, маленькая часть, стала складываться, смотрел Амир на меня постоянно, появлялся всегда ниоткуда и в курсе всего. И сказал, что он очень силен, значит, двигается быстро,

Вито тоже. Ну да, на руках нес как свадебное полотенце, а Амир, а что Амир, ему мой вес, как это, своя ноша не тянет. Но опять, же, странно, не давал возможности Мари о себе со мной говорить, сказал все сам, а сам все уклоняется от разговора, изучает меня в экране телевизора. И, небось, смотрел, как Фиса меня в гуттаперчевую куклу превращала. Я опять подняла глаза на Вито, и он, уже, натренированный Фисой, сразу понял мои мысли:

– Амир видит все, что происходит в этой комнате.

– Вот пусть и смотрит, пусть любуется твоей неземной красотой, где он такое еще увидит, людей-то, ирод проклятый, он только…

– Фиса, мне нужно с ним поговорить.

– Завтра, миленькая, завтра, ночь уже, вот поспишь, сны добрые посмотришь, утречком и поговоришь.

А утречком я еле выжила после того, что она назвала «косточки разомнем», чтобы ходить легче было. Ходить и стоять я не могла, лежала тоже с трудом. Мышцы болели и чувствовали даже прикосновение такой тонкой ткани, как моя простыня и покрывало. И еще маслице для горлышка и многочисленное оборачивание, чтобы голосок лучше звучал. Голос звучал хорошо, судя по тому, что Вито даже иногда глаза щурил от моего возмущения.

– Фиса! Я уже не могу, все опять болит, дай мне возможность…

– У березоньки ствол беленький, ровненький, я тебя красавица, как березоньку выпрямлю, ручки твои вытяну как веточки…

– Не надо веточки!

– Пей, миленькая, пей, голосок свой прозрачный, соловьиный, хрустальный разворачивай для песни нашей, женской, я его сделаю…

– Не надо ничего делать! Я не пою!

– Как это, поешь, еще как поешь, Витек, там травка у меня приготовлена, мы ей ручки-то белые умоем, ножки прекрасные намажем, спать уложим, сон самое лекарство лучшее.

– Я только проснулась, Фиса, мне с Амиром поговорить необходимо.

– Амир уехал.

Вито смотрел на меня ярким желтым взглядом, даже губы поджал, я смогла удержать лицо и пожать плечом, уехал хозяин дома по делам, мне какое дело. Вито не смог промолчать:

– Амир вернется, как только сможет.

Но я на него уже не смотрела, выпила предложенный стакан удивительной гадости, и как это мне нравилось ее пить в первые

дни, ужас какой-то. Безропотно далась намазать себя такой же гадостью и улеглась спать в полной тишине, даже Фиса больше ни слова не сказала. Вито встал у окна и опустил голову, крепко сжатые губы и кулаки, что ж может и права Фиса в своих обвинениях Амира.

И только сейчас я подумала, завернувшись с головой в одеяло, Вито служит Амиру, он из его клана, значит и он такой. Нелюдь. И пищей ему служат люди. Я сразу поднялась на постели и крикнула:

– Вито!

Он подскочил ко мне и попытался взять за руку, я не далась, отвела их за спину. Фиса подскочила с кресла и тоже подбежала ко мне:

– Звездочка моя, что с тобой?

А я отвернулась от них и опять завернулась с головой в одеяло. Не буду об этом думать. Не буду думать вообще.

– Вито.

– Рина.

Он уже стоял рядом со мной и смотрел чернотой глаз.

– Ты мне что-то давал, лекарство какое-то, что бы я не думала ни о чем, принеси.

– Ты что, миленькая моя, сладенькая, не нужно тебе никакого лекарства, может, ты уснуть не можешь, так мы ванну тебе голубенькую сделаем…

– Не нужна ванна. Вито, неси, я не буду думать, это правильно, буду просто лежать, и не буду думать. Буду лежа отдавать свою жизнь, и все для всех будет хорошо, Амиру хорошо…

– Амиру не будет …

– Будет! Он же этого добивается? Сколько будет моих сил, пусть столько и будет!

И вдруг Вито схватил меня за плечи, одним рывком поднял с постели и странным шипящим голосом произнес:

– Он от тебя уехал, чтобы не убить, удержаться в своей… жажде.

Как-то сразу сник, опустил меня и тихо сказал:

– Жажде твоей крови.

– Ирод! Отпустил бы Рину…

– Расстояние не имеет значения, он все равно будет забирать у нее жизнь. Где бы она ни была.

А я вдруг успокоилась, вспышка непонятного гнева и обиды прошла, правильно, не просто гнева, а обиды, вот корень, причина такого неадекватного поведения. Амир вчера так крикнул свое «нет», что я вдруг уверилась, что нужна ему, и он не

хочет моей смерти. И вдруг уехал, ничего не сказал, просто исчез, повел себя как обычный… а вот и еще одна причина гнева, он такой, какой не может вести себя как среднестатистический, то есть нормальный мужчина. Он не может быть обычным, потому что уже в принципе не человек. А значит, должен вести себя соответственно. Соответственно чему? Моим представлениям об идеальном мужчине? Особенно если пьет человеческую кровь шестьсот лет.

– Вито, тебе тоже шестьсот лет?

– Меньше, столько смог прожить только он. Мы живем дольше людей, но обычно не более трехсот лет.

Фиса странно молчала, сидела в кресле и смотрела на меня потухшим взглядом. Я догадалась, о чем она думает и заявила:

– Вот видишь, Фиса, сбежать даже на крыльях не удастся.

Она перевела взгляд на Вито и спросила:

– Давно началось?

– Сразу, как только Амир почувствовал Рину.

– Это он при ней был и …

– Он держится.

– Да как он мог с его силищей, он же постоянно рядом был, а если убил…

– Он держится.

Фиса даже не смогла слово выговорить, только открывала рот и махала кулачком в сторону Вито. Почему-то именно кулачок Фисы помог мне понять, что Амир хотел меня съесть, а Вито ему не позволял.

– Ты по глазам определял, что Амир готов меня съесть?

– Он тебя не хочет съесть.

Вито опустил глаза, желваки прошлись по лицу, но он справился с собой и объяснил:

– Амир чувствует твою кровь везде, на любом расстоянии. И сейчас чувствует. А я всегда знаю его состояние.

– Это и есть жажда?

– Да.

– Ты это уже …

– Нет.

И такая тоска в глазах, что я не смогла смотреть на него и опустила взгляд, спросила первое, что пришло в голову:

– А зачем он пакет носит с собой?

– Мы питаемся донорской кровью.

– А почему он сказал, что …

– Так было. Сейчас весь наш клан питается только донорской кровью.

– Значит, он только меня хочет…

– Он не хочет тебя убить.

А какая разница, убить или забрать жизнь? Быстро или медленно, результат один. Но Вито вдруг встал на колено и взял меня за руку:

– Все происходит не так, очень быстро. Закон изменился, обычно жажда наступает позднее, не во время встречи. Сначала чувствуешь человека, что это именно он, через какое-то время, у всех по-разному, но проходит время, прежде чем настигает жажда, Амир сразу почувствовал жажду твоей крови.

– А королева?

Вопрос Фисы застиг меня врасплох, при чем королева? Она смотрела на Вито ясным жестким взглядом и требовала ответа.

– Она же человек, а ее муж нелюдь.

– Её спасла любовь.

5

И я вспомнила свой сон или видение в бреду. Глаза просили о любви, любви Бабы-Яги. Судя по воспоминаниям, кто я – понятно, а вот глаза, теперь получается, что глаза – это Амир.

– Ему меня сначала расколдовать надо.

– Девонька, да о каком колдовстве ты речь-то ведешь?

– Я плохо помню… в Пустоте этой…

– Пустоте?

Почему-то Вито сразу вскочил и побледнел, когда услышал это слово, а какое ему дело до моей Пустоты, ему ее никогда не узнать, не почувствовать. Я не знаю, как я на него посмотрела, но он сразу опустил глаза, спрятался весь, даже голову странно набок наклонил.

– В Пустоте… нет, после звука уже…

И тут Фиса подскочила:

– Какого звука?

– Звук такой … сначала тонкий, а потом что-то … он изменился, громче стал, и одна Пустота ушла, нет, сначала была Пустота черная, совсем-совсем, а серая Пустота… и звук изменился, а потом все взорвалось. Да, это еще до зеленых глаз, они потом появились. Там такие странные глаза были, только цвет не помню, они у Бабы-Яги просили о любви, ее любви, она сначала удивилась, а потом сказала, что он пока ее не расколдует и душу свою не изменит, то ее ему не видать. И сила ему не поможет, только… через мои боль и страдания… через мою кровь. Иначе сам погибнет и меня погубит. А почему сам погибнет, если он уже свои шестьсот лет получил?

– Он без тебя погибнет.

В моем взгляде было столько иронии, что я сама ее почувствовала, но глаз опускать не стала, пусть Вито знает мое отношение к его хозяину. Если я и обрадовалась вчера его появлению, это еще ничего не значит, просто устала от лежания и боли, от постоянной борьбы за свою жизнь. Многодневной борьбы. Да и сам хозяин тоже должен знать, раз камеры везде навешал, то явно видит и этот разговор. И мою красоту неземную, когда Фиса меня в гуттаперчевую куклу превращала в обнаженном виде.

– Ты мне, Витек, откровенно скажи, а она, королева ваша, как этого нелюдя полюбить смогла?

– Полюбила. И Глеб ее любит.

– Муж?

– Да.

– Ну, это ты мне сказки не рассказывай, вы, нелюди, любить не можете, этого нет в ваших черных душах, любовь – чувство человеческое, она может его и любит, дур много на свете, а уж он-то любить не умеет, не дала вам Матушка-земля права такого, любить. Не всем людям это дано, а уж вам-то и подавно.

Фиса смотрела на Вито строгим взглядом праведника, абсолютно уверенного в своей правоте. Но он не смутился под ее взглядом, глаза посветлели, и легкая улыбка тронула губы.

– Любит, я видел.

– И что ты такого видел, чтобы знать? Вы все что угодно придумать сможете, маску скоморошью наденете, все змеиные головы под ней спрячете, да и крутитесь вокруг человека, пока всю жизнь из него не выпьете.

– Он пошел против Амира, победил Хранителей, к Собирателям за помощью обратился, только чтобы жизнь ей спасти.

Фиса понимала, о ком говорил Вито, понимала и поражалась его словам, она даже подошла к нему, посмотрела снизу вверх своими праведными глазами.

– Не врешь, цвет не поменялся, голубеет… Что-то случилось в этом мире, раз нелюдь полюбить смог.

– Много всего случилось.

И улыбнулся счастливо, лицо так изменилось, что я с удивлением на него смотрела, ни разу он еще так не улыбался, всем лицом и светящимся голубым взглядом. Он опять опустился передо мной на колено и тихо проговорил:

– Амир тебя спасет, верь ему.

– А ведь кто знает, девонька, может и сможет, только вам вдвоем надо цветение увидеть.

Слова Фисы, только что убеждавшей меня, что любить они не могут, потому что нелюди, поразили меня больше, чем просьба Вито. В ее глазах уже не было строгости прокурора, почти ласковый взгляд тетеньки, которая провожает свою племянницу на свидание. Она тронула меня за руку, погладила ладошкой:

– Делать нечего, красавонька, ведь ушла твоя боль, когда он стона твоего испугался, что-то смог в себе прижать, ты ведь болью этой ему жизнь-то и отдавала, а он смог себя остановить, водопад твой прикрыл чем-то. Сам захотел и смог.

– А от чего меня расколдовать надо?

Я спросила первое, что вспомнилось, думать о возможной любви Амира, пусть даже когда-то в далеком и невозможном будущем я не хотела, дождик разочарования уже взрастил семена, разбуженные предыдущими ливнями.

– От прошлого твоего, девица-красавица.

И так на меня посмотрела, будто знала, что в моей душе сейчас уже лес стоит, вырос за мгновение, колючими елками ощетинился. Ну вот, я уже как Фиса думать начала. А прошлое мое никого не касается, раз я уже ни жива ни мертва, то есть на коротком пути ко второму, то и расколдовываться незачем. Мой взгляд Фисе совсем не понравился, но она лишь головой покачала и попросила Вито:

– Ты Витек, вот что, позови-ка Машу к нам.

А зачем Мари? Столько времени прошло, а она так и не явилась посмотреть на спасительницу своего отца. Хотя Фиса что-то там говорила о ней, но мне все равно, королевы и короли, это не про меня, принцессы тоже.

Я так и лежала весь день, никак не реагировала на попытки поговорить о жизни Фисы, сразу отворачивалась на другой бок. Вито как ушел за Мари, так и не появлялся. От обеда я тоже отказалась.

Смерти как таковой я не боялась, после Пустоты мне уже было не страшно умереть. Обида непонятно на что, именно обида поселилась в моей душе. Слез не было, да и по жизни я плакала очень редко, даже на фильмы не очень реагировала, а в своих обидах только замирала внутри, чем очень сильно раздражала бывшего мужа, который только ехидно повторял, что я не женщина совсем, статуя каменная. И этот крик Амира, такой неожиданно эмоциональный, что-то всколыхнул в моей душе, хоть и нет никакой надежды, но мне показалось, что дальнейший разговор может, а что может? Будь честна хоть перед собой, ты просто хотела его видеть, смотреть в эти глаза, просто чувствовать его рядом с собой. Это не любовь, это противостояние мужчине, которому из-за тебя плохо, так будет правильнее. Вот на самом деле чего я хочу, видеть страдание мужчины, ему отомстить за свои прошлые обиды, которые причинил другой мужчина. Я вдруг поняла, что смогу, на самом деле смогу в своей обиде за прошлую боль сыграть массу ролей, высчитать все болевые точки этого гиганта и бить по ним ежеминутно. Особенно зная, что любым своим поступком причиняю ему боль. И даже то, что я погладила его по голове, говорит как раз об этом: приласкать и, когда он расслабится, ударить во всю свою просчитанную силу. Какая может быть любовь? Только мысль, успеть бы причинить как можно больше боли до того, как он меня убьет.

– Что-то ты милочка надумала не то.

Фиса стояла рядом со мной и вдруг очень жестко схватила за руку.

– Говори.

– Ничего не надумала.

Попытка освободить руку не удалась, и я просто отвернулась от нее. Ни с кем говорить не хочу и не буду. К елкам в моей душе добавились кактусы, большие кактусы из Мексики. Вспомнился какой-то фильм с перестрелками на фоне гигантских кактусов, вот такие и выросли, даже выше, чем елки. А иголки как мечи обоюдоострые.

Фиса отпустила мою руку, легонько погладила.

– Ты, Рина, подумай вот о чем, баба она завсегда выживает, мужик уже давно бы помер, он бы от одной мысли о такой боли уже на облаке летал, а ты выжила. Ирод этот, хоть и ирод, а понимает что-то, думает. Ты ему позволь себе помочь, любовь оно, конечно, … ему она нужна, может, сильнее, чем тебе. Вот и пусть душу свою мает, ему полезно, а ты позволь, яблонька, позволь ему мучиться.

– Мучиться?

– А без муки любовь не бывает, березонька белая, это молодые думают, глупые, что глянул глазками, покувыркался на сеновале, вот тебе и она, а потом бегают по углам, топорами машут.

Топорами – это интересно, а почему у меня такой мысли не возникло, по углам бегала, было такое дело в первый год семейной жизни, а вот до топора не додумалась. Фиса улыбнулась, представила меня с топором, по глазам видно, сверкнувшим.

– Молодец, вот и хорошо, мы тебе топор-то найдем, можешь сколько угодно крошить его на кусочки меленькие, ему ничего все равно не сделается, кусочки заново соберутся, и можешь опять бить.

– Как это, соберутся?

– Не убить их, девонька, ничем. Хоть из пушки бей, может только если голову отрубить ихним мечом, и то никто не знает, вдруг заново отрастет. А Амир самый сильный среди них, только если муж королевы чуток мощнее будет, раз он его себя убить просил, значит, может.

Не зря я в руках Амира именно меч представила, а что, меч против топора, кто сильнее? И я расхохоталась, не топор, клюка Бабы-Яги! А Фиса испугалась моего хохота, опять за руку взяла, но удержать не успела, я махалась руками и хохотала. И вдруг хлынули слезы, горячий поток сразу намочил подушку, которой я попыталась закрыть лицо.

– Плачь, миленькая, плачь, слезы все из тебя реченькой чистой вынесут, сердечко твое умоют, золото только и оставят, доброту твою освободят, из-под камня достанут…

– Рина! Смотри на меня, смотри!

Мари схватила меня за голову и заставила смотреть ей в глаза, удар непонятной энергии был так силен, что я откинулась на постель. И сразу темнота.

Они очень хорошо понимали друг друга, Фиса и Мари, сидели у окна в кресле, Мари примостилась на подлокотнике, и говорили на каком-то своем языке. То есть, слова я понимала, а смысл предложений в моей голове никак не укладывался. Что-то о моих эмоциях, которые я должна была передать Амиру, но почему-то не передала, и теперь все совсем непонятно, силы передала, а эмоции нет. А как это, отдать другому эмоции? Ложками? И зачем ему мои эмоции?

– Мари, я же должна Амиру передать только силу и долголетие, почему ты говоришь об эмоциях?

– Все в них, он потерял чувствительность уже очень давно, почти сто лет назад.

– Чувствительность, как это?

– Он ничего не чувствует. В нем только сила и ум.

– Но… он мне руку поцеловал…

– Он пытается вспомнить, ум требует ощущений… но их пока нет. И жажда, она поднимает агрессию. Когда отец получил кровь королевы для возрождения народа, был момент, но он чувствовал только ее. Сейчас он опять ничего не чувствует, кроме жажды твоей крови.

Мари подошла ко мне и взяла за руку:

– Я чувствую твою энергию, могу с тобой поделиться своей, к счастью, ты теперь ее можешь брать.

– Мари, я глупая, ничего в этом не понимаю, зачем мне твоя энергия?

– Ты не глупая, просто ничего об энергии не знаешь. Рина, ты отдала моему отцу много энергии в один момент, твой организм Фиса смогла восстановить, но энергии тебе не хватает, ты ни у кого ее не брала, только сейчас … тебе надо смеяться и радоваться!

Какая же она стремительная, только что была серьезна не по годам, взгляд как у Фисы, а сейчас передо мной стояла юная прелестница с веселым и хитрым взглядом. Мари обернулась на Фису:

– Едем!

И выбежала из комнаты, мы с Фисой только переглянулись, интересно куда? Но Фиса не могла долго бездействовать:

– Рина, раз куда-то гулять, то сначала кушать покрепче, кто их знает, как у этих иродов поставлено, им что, крови хлебанул и готов, а тебя правильно надо кормить, красота она вкусно

должна…

В дверях появился Вито и, улыбнувшись, доложил:

– Рина, машины готовы. Мари сказала, что вы едете обедать.

– Витек, так на улице же холодно, как мы красавицу нашу в такой холод ледяной…

Вито подошел к двери гардеробной и открыл соседнюю панель, на плечиках висели шубы, а на полках рядами стояли коробки с обувью.

– Одежда для Рины и тебя.

Я едва смогла оторвать взгляд от этого зрелища, а Фиса сразу уточнила:

– А чем кормить будут?

– Мари знает.

Вито был рад появлению Мари, глаза стали такими, даже не знаю, как … если бы он не был иродом, то я бы решила, что он влюблен.

Мы собирались долго, сначала весело рассматривали шубы. К моему удивлению, Фиса очень даже со знанием дела оценивала мех и точно указала, норка, соболь, лиса, чернобурка, только бежевую в пол долго щупала и честно призналась, что этого верблюда не знает. Потом она выбирала, во что меня одеть, чтобы ласточка на лету не замерзла, я еле убедила ее, что мы явно не пешком по лесу пойдем, а поедем на машине, раз Вито сказал, что они готовы.

Все решила Мари, она стремительно влетела в комнату и заявила:

– Рина, Фиса, на улице не холодно, но шубку можно взять. Поехали.

Сама она была лишь в тонком плаще с капюшоном, но Фису не стала слушать, отговорившись фразой, что она никогда не мерзнет. Вместе с ней появился Вито и подхватил меня на руки, я даже не успела спросить, куда мы едем, как оказалась на улице. Несколько раз моргнув, я только пролепетала:

– На какой скорости…

– Мы двигаемся быстрее людей.

А увидев то, что стояло у лестницы, я даже спросить ничего не посмела. Танк средних размеров. Я, конечно, разные машины в своей жизни видела, да и кино заграничное смотрела, но этот двигатель прогресса напоминал десантный танк. Зато когда подошли Фиса и Мари, уже пришла в себя и изрекла коронную фразу одного знакомого, который всю жизнь ездил на машине непонятной конструкции, а завидев джип, говорил со знанием дела:

– Чем больше джип, тем дольше идти до трактора.

Вито и Мари не поняли смысла этой фразы, а Фиса громко засмеялась:

– Истинно, Рина, истинно у нас дороги такие, что только трактором.

Но Вито все-таки у меня уточнил:

– Что такое трактор? Почему нужно идти до него долго, если джип большой?

И как ему объяснить глубинный смысл этого понятного для всех автомобилистов моей страны выражения? Но Фиса меня спасла:

– У нас такие дороги, что машинка по ним проехать не всегда сможет, поэтому, милок, у нас есть специальная техника, трактором называется.

– Наши машины могут проехать по любой дороге.

– И крылышки есть?

– Зачем?

– Иногда взлетать приходится.

Мари такой технический вопрос совсем не волновал, поэтому она села рядом с водителем и махнула нам рукой, садитесь. Уже в машине я поняла, что на ступеньках лестницы никого не было, смотрел хозяин дома все записи, убрал охрану, чтобы меня не пугала. А сам? Тоже собой не будет пугать, исчезнет на веки?

Так как мы с Фисой выбрали себе короткие шубки из соболя, то смотрелись вдвоем очень даже интересно, тем более, что она свой платок снимать категорически отказалась, а на меня накрутила шарф из красной ткани с золотыми узорами. Заставляя меня надеть эту шубку, она так и сказала:

– Соболь мех царский, ты ихней королеве ни в чем не уступаешь.

В зеркало смотреться я не стала, благо Мари пришла. Пусть Фиса и говорит, что я королева, девица красная в логове многоголового змея, но видеть себя я не хотела даже в соболиной шубе.

Вито вел машину спокойно, никакой сверхзвуковой скорости своего хозяина, мы с Фисой с удовольствием рассматривали в окна разные виды, указывая пальцем на всякие красивые домики и сады в округе. Даже мелкий дождь нам не помешал.

Я радовалась поездке, тем более такой неожиданной. Лихорадочное состояние прошло, но внутри продолжала подрагивать обида. И эту обиду нужно было любым способом задавить, закопать в тайном уголке души и никогда не давать возможности снова выглянуть. На такие поступки я не была способна никогда, этот хохот пациентки психиатрической клиники самое большое впечатление произвел на меня саму.

Рассматривая окрестности, я размышляла о том, что ковровый дворец как-то действует на меня. Пролежав в нем, вернее в своей спальне, апартаментах, неизвестное количество времени, я вдруг осознала, что совсем выпала из своей обычной жизни, никаких мыслей о прошлом, только воспоминания об обидах, именно они, дворец как будто достает их из меня своими таинственными надписями на коврах. Странно, но я их помню все и не только те, которые рассматривала в комнате карантина, но и те, которые лишь мельком посмотрела по дороге в столовую и обратно.

И еще одно удивление: я совсем не думаю, что будет дальше. Хотя, наверное, именно мысль, что скоро все закончится, и что уж теперь думать о будущем, исключает необходимость в рассуждениях. Я поверила всему, что говорилось о таинственных обитателях этого дворца. Совершенно не сомневаюсь ни в чем, хотя в прошлой своей жизни не была такой доверчивой, да и всякими странностями никогда не интересовалась. Как я подумала, прошлой жизни, значит, уже проведена черта, которая разделила жизнь на до и после.

Мы приехали в маленькое селение. Домики с красными черепичными крышами, совершенно одинаковые, все в два этажа, за резными воротами и с небольшими балкончиками. Фиса уверенно заявила:

– Дачи.

– Школа.

Мари помахала рукой какой-то женщине и обернулась к нам:

– Это школа для мутантов.

Мы с Фисой переглянулись, и вопросы задавать зареклись обе. Слово мутант для меня – лишь кадр из фильма, такая ужасная клыкастая морда. Поэтому, когда наш танк остановился у одного из домиков, то мы с молчаливой Фисой не сразу вышли, а дождались, когда Вито открыл дверь с моей стороны и пригласил в дом.

Сказать, что это был шок, значит, не сказать ничего. Мари права, я сразу забыла все свои мысли и страхи. Как только мы подошли к красивой калитке, из дома выскочила маленькая девочка в красивом голубом платье и подбежала к Мари. У девочки было шесть рук, и она ими всеми сразу Мари обняла. А потом посмотрела на нас, лица практически не было, только яркие темные глаза, остальное закрыто обвислыми волнами кожи. Фиса схватила меня за руку, и Вито тревожно посмотрел на меня, встал так, что практически прикрыл от девочки. Я не потеряла сознание только потому, что девочка улыбалась мне своими прекрасными детскими глазками, что-то сказала Мари и быстро убежала. Мари обернулась ко мне и спросила:

– Сможешь зайти?

Я прижала руку к груди, вздохнула и прошептала:

– Смогу. Наверное.

Хотя первый шаг в сторону домика сделала Фиса, она отпустила мою руку и странным голосом сказала:

– Показывай свое хозяйство.

Они окружили нас сразу, как только мы переступили порог, девочки и мальчики. Мутанты. Больше всего меня поразила девочка-змея. Когда она на радостях обвила мои ноги своим тельцем, я не упала в обморок только потому, что Вито подхватил меня за плечо. Он поддержал меня и что-то сказал детям, они радостно побежали куда-то, а я практически упала на какую-то скамеечку. Фиса стояла белая как мел и только губы уголком платка утирала на нервной почве. Кстати, не все дети отличались такими кардинальными физическими отклонениями, некоторые выглядели совсем обычными детьми. И я задала первый вопрос, который сформировался в голове:

– Они все мутанты?

– Все.

– А некоторые совсем как люди…

– Рина, они умеют…

– Мари.

Голос Вито был строг, а взгляд пожелтел. Я удивленно взглянула на него и поняла, Вито везде главный, он всех контролирует, кому что говорить и делать. Мари опустила голову и вздохнула:

– Рина, когда-нибудь ты все узнаешь, Вито прав, пойдем, нам уже приготовили обед.

В маленькой столовой за невысокими столиками сидели многорукие и многоногие мальчики и девочки. Оказалось, что девочек-змей несколько, я не всех заметила, а еще были две девочки с четырьмя глазами. А мальчик-циклоп радостно подарил мне удивительную розу, бутон был таким белым, что казалось, он сам распространяет вокруг себя свет. Мы сидели за отдельным столом, а Вито стоял позади меня и положил руки на спинку стула. Фиса недовольно проворчала:

– Витек, дай Рине хоть поесть нормально.

– Некоторые мутанты очень сильны, мы знаем не все их возможности.

– Я не боюсь.

И обернувшись на него, я почему-то опять увидела яркий голубой взгляд и радостную улыбку. Нам были предложены отдельные подносы, на которых стояли золотые тарелки из дворца. Фиса фыркнула сначала, но потом решила простить

Мари, я хоть согласилась поесть, да и поездка оказалась очень интересной.

Дети смотрели на нас и улыбались своими ясными глазами, они разговаривали друг с другом на непонятном языке, ели из круглых посудин, похожих на пиалы. Интересно было наблюдать за мальчиком с четырьмя руками, он умудрялся болтать ложкой в пиале, откусывать кусок хлеба, кидаться чем-то в соседа и наливать напиток в кружку. И как может контролировать свои действия, я со своими двумя не всегда справляюсь. Они были совершенно естественны в своем детском поведении, не обращали внимания на свои физические различия, и, пожалуй, на то, что говорят на разных языках. Я краем уха услышала, как мальчик с шестью руками что-то сказал девочке-змее на английском, а она ответила ему на французском, и он кивнул.

Только допивая вкуснейший сок, я осознала, все дети едят обычную пищу, они все люди, в смысле мутанты, но у них человеческие генетические мутации. Я еще раз внимательно на них посмотрела. Мне в глаза в первый момент встречи бросились самые неожиданные мутации, с руками, ногами и телом, но были и мальчик с огромным горбом, девочка с недоразвитыми ручками, которой помогал есть как раз мальчик с шестью руками. И они радостно улыбались не только Мари, но и Вито, они его тоже обнимали при встрече. Он свой среди этих детей. Ирод, кровопивец.

– Мари, а как эта школа существует? Ведь они … или это в Италии так?

– Официально она является школой для слаборазвитых детей. Но отец все устроил так, что нас никто не беспокоит. Он все финансирует и обеспечивает охрану.

Фиса подозрительно молчала, ни одного слова не сказала, только смотрела на детей и покачивала сокрушенно головой. После моего вопроса кивнула на мальчика с горбом:

– А этому бы спинку поправить.

– Медицинская служба отца делает операции всем, кому можно помочь, это как раз такие дети, их готовят к операции.

– А тем с руками, лишние будут убирать?

Мари искренне удивилась:

– Нет, зачем? У всех разные проблемы, но никому ничего не будут убирать специально, природа создала их такими удивительными, они такими и будут. Только если горб убрать, или что-то подобное.

Совершенно ясный взгляд и мягкая улыбка, эта поразительная девочка знает о природе и истинном ее назначении значительно больше, чем все ученые мира.

Вито пошевелился за моей спиной:

– Уже поздно, пора ехать.

Мы встали и, проходя мимо детских столиков, Мари гладила по голове каждого ребенка и что-то говорила ему. Я тоже рискнула коснуться девочки-змеи, она улыбнулась мне и что-то сказала, голос Вито за спиной перевел:

– Она сказала, что ты очень добрая, но болеешь.

Я только пожала плечами и кивнула, тогда девочка взяла меня за руку. От горячего потока в руке я в первый момент испугалась, но Вито положил свою ладонь на руку девочке и я сразу успокоилась. Поток понемногу утих, и я услышала облегченный вздох Мари, оказалось, что она стояла рядом и наблюдала. Она радостно улыбнулась мне и что-то сказала девочке, та даже засмеялась от ее слов и прикрыла глаза в смущении. Но Вито опять продемонстрировал свою власть над всеми и подхватил меня на руки. Мне осталось только помахать детям рукой, и мы практически сразу оказались у машины.

Пока не было Мари с Фисой, я решилась спросить Вито, который сразу посадил меня в машину и сел за руль.

– Вито, а эти дети… как они к Амиру попали?

– Мы раньше не занимались такими мутантами, это Мари нашла их, и Амир создал клан для работы с ними.

– Клан?

– В него входят медицинская служба и охрана. Всеми остальными вопросами занимается Мари.

– А я не заметила никакой охраны.

– Ты и не должна ее видеть.

– А клан у вас большой?

– Один из крупнейших.

– Такая юная совсем, а уже столько всего делает.

– Мари – дочь своего отца.

Я еще немного подумала и задала очередной вопрос:

– Получается, что у Амира несколько кланов?

– Это как отдельные подразделения. Все знают, чьи это кланы. Просто есть главы, которые отвечают перед Амиром за разные виды деятельности.

– А какие у него еще есть кланы?

– Разные.

Пожалуй, этот вопрос уже был лишним. Хорошо, что на крыльцо домика вышли Мари с Фисой. Вот они нашли друг друга, Фиса что-то торопливо говорила, а Мари согласно кивала головой. А потом Мари говорила, и Фиса полностью с ней соглашалась. Вито тоже понаблюдал за этой картиной, но в этот раз его терпения хватило ненадолго, и он что-то сказал. Мари

сразу посмотрела на нас, и они с Фисой сели в машину.

Но почему-то в моем присутствии они больше не стали говорить, Фиса молча смотрела в окно, только руки плотно сцепила на коленях. Никакой охраны я так и увидела, вообще никого, пустая дорога. И скорость Вито увеличил, решил видимо, что мы уже все красоты рассмотрели. Где-то на повороте по пути я случайно заметила, что за нами едет такая же машина, а посмотрев вперед, увидела в темноте огоньки, тоже большая машина. Охрана? А кого охранять? Мари, она его дочь, самое ценное в жизни. И получается, что меня, раз я ему силы продолжаю отдавать.

Боль пронзила неожиданно, я тоненько застонала, сквозь туман увидела испуганное лицо Фисы, и темнота накрыла меня.

Фиса ругала меня всеми известными ей словами, но они никак не помогали ей полностью высказать все, что она думает обо мне. Я пришла в себя только на следующий день, вся разбитая и усталая. Ничего не двигалось: ни руки ни ноги, а от одного прикосновения пальцев Фисы я начинала кричать так, что она отступилась. Энергию Мари я не принимала, хотя очень хотелось, у Вито – тоже. Мари куда-то уехала, а Вито стоял у окна и смотрел на меня черными глазами. Он и сказал сразу, как только я пришла в себя, что я опять отдавала свои силы Амиру, он это почувствовал.

Фиса носилась по спальне и грозно смотрела то на Вито, то на меня. Наконец остановилась в своей беготне и, уперев руки в бока, заявила:

– Вот что, милочка моя, раз ты такая у нас разумница, никого не слушаешь, мысли свои не можешь в узелок связать, то придется этого змея к тебе приставить.

– А зачем мысли в узел завязывать?

– Так ты, небось, о нем подумала?

– Да я только… зачем охрана… решила, что он Мари охраняет. Ну и меня, раз я ему силы отдаю.

Собственный крик зазвенел в ушах, такова была боль и я потеряла сознание.

Желтые глаза внимательно следили за мной, не оставляли без внимания ни одного движения, ни одного взгляда. Боль сверкала и искрилась ножами и стрелами, сверкала огнями и жгла лавой, но глаза были страшнее. Что-то в них было такое, от чего у меня съеживалась кожа и кровь останавливалась.

– Рина, смотри на меня! Слушай мой голос! Посмотри на меня!

Кровавая пелена мешала видеть, но голос требовал и требовал, наконец, я смогла приподнять веки. Амир. И боль стала

отступать, затихал огонь и исчезали ножи.

Амир держал меня за руки и смотрел совершенно черными глазами, хотя мне уже было лучше, я практически не чувствовала боли, только вздрагивала всем телом, как будто оно освобождалось таким образом от остатков напряжения всех мышц. Он стоял на коленях у постели, а за его спиной едва виднелась Фиса, бледная, как платок на ее голове, и возвышался Вито, лица которого я не могла видеть, так как головы поднять еще не могла.

– Мне уже… хорошо, все… прошло.

– Молчи.

Голос Амира был строг, взгляд тяжел как бетон, черный бетон страха. Начинающим понимать действительность умом я осознала, он боится, так боится, что говорить не может. И глаза от этого страха почернели.

Фиса длинно вздохнула и положила Амиру руку на плечо:

– Нелюдь, спаси Рину, а то прокляну так, что все твои годы кровавой мукой станут, каждый день, каждую минуту она тебе казаться будет. А глядючи на нее, умереть захочешь, смерти искать, молить станешь, но она к тебе не придет, не дам я тебе такого права.

– Фиса, не надо…мне уже хорошо…он меня спас…

– А ты молчи, речи тебе нет, ты никто сейчас, ты не умерла еще, но и не жива уже. Мари, твоя очередь настала грех за отца замаливать.

Я закрыла глаза и попыталась вдавиться в постель, слишком уж серьезно Фиса была настроена, таким тоном говорила, что, казалось, сможет так, проклянет и все исполнится для Амира. Ниоткуда появилась Мари и взяла меня за руку, но тут, же, отпустила.

– Рина, ты не берешь энергии.

– Вито.

Почему именно у Вито я стала брать энергию непонятно совсем, почему Мари мой организм отторгнул тоже. Энергия наполняла меня силой, и уже через несколько минут мне стало так хорошо, что я улыбнулась Фисе:

– Мне хорошо, все совсем прошло. Можно мне в бассейн?

Она сделала такие глаза, что я вжалась в подушку. Не сразу справившись с собой, она вдруг встала рядом и пальцем ткнула в голову Амиру:

– А вот с ним и плавай, рыбка золотая, он с тобой теперь связан навеки, куда ты, туда и он, вдруг ты что придумаешь несусветное, а мы кинуться даже к тебе не успеем. Али Вито, тоже навеки с тобой, выбирай из двух королей черного королевства.

Я растерянно посмотрела сначала на нее, а потом на героев дня. Амир склонил голову, а Вито широко улыбнулся, в ледяной воде он меня уже держал на руках, чуть не утопил, что ему просто поплавать. Я сразу сделала выбор:

– Вито, я переоденусь, а ты и так все кругом контролируешь, постой рядом, раз Фиса так требует. Фиса, я не утону, зря ты…

– А я пока с этим иродом говорить буду.

Амир так на Фису посмотрел, что я за нее испугалась, как раздавил ее взглядом, но и она ответила тем же: глаза сверкали и искрились молниями. Вито решил вывести меня из-под перекрестного огня и взял вместе с одеялом на руки, не торопясь перенес в ванную, которая бассейн. Пока я переодевалась, он закрыл дверь в комнату, чтобы не мешать приватному разговору Фисы с Амиром о моей судьбе.

Поплавав в бассейне в совершенно стоячей воде такой температуры, чтобы не простудилась, под бдительным оком Вито я, наконец, выбралась из воды. Он сразу завернул меня в полотенце и усадил на скамеечку.

– Они еще говорят. Посиди немного.

Я оглянулась на закрытую дверь, и Вито признался:

– Мы слышим значительно лучше людей.

От нечего делать я смотрела на закат в горах, пока он не разрешил вернуться в комнату, а подняв на него глаза, поразилась яркости его взгляда. Но Вито никак на мой вопросительный взгляд не ответил.

6

Амир стоял у окна и смотрел в темноту, рядом в кресле сидела совершенно довольная Фиса.

– Ну вот, птичка-уточка свободная легкокрылая, выкупалась в озере, смыла с себя все, теперь готова и судьбу свою принять.

Я так и села на постель, пошутила в мыслях, а они и решили мою судьбу на самом деле. Фиса радостно мне улыбнулась и приказала Вито:

– Витек, мы с тобой выйдем, пусть молодые сами поговорят.

Молодые? Это она о ком? Какие такие молодые? Фиса торжественно встала, подмигнула мне так, что я вздрогнула, и вышла из комнаты, за ней ушел и Вито. Я лихорадочно поправила халат на груди, затянула пояс, аккуратно разгладила ткань на коленях. Только после этих движений одумалась, а чего это я испугалась, я же не собираюсь Амира уговаривать жениться на мне, мало ли что еще означают эти слова Фисы, она вообще шутница.

Амир долго не поворачивался ко мне, я уже собиралась улечься в постель, стоишь и стой, охраняй меня от себя. Или себя от меня.

– Рина.

Он обратился ко мне, и я чуть не подпрыгнула, проговорила едва слышным шепотом:

– Да, Амир.

И опять надолго замолчал. Наконец решительно повернулся, подумал секунду и сел в кресло, нога на ногу. Красивые ботинки, тон в тон, все черного цвета, настолько глухого, что сам казался непроницаемой тенью в кресле. Только глаза стали яркого голубого цвета. И эти глаза внимательно смотрели на меня. Я подавила в себе желание поправить ворот халата и просто сцепила руки на коленях.

– Я не человек, ирод и кровопийца.

И что? Уже знаю, сам пакет на колени бросил для наглядности восприятия. Мой взгляд Амиру не понравился, он изобразил губами недовольство, но продолжил:

– Так получилось, что ты спасла меня и продолжаешь спасать.

Получилось? Всем управляет случайность, так сказала Мари. Я решила ничего не говорить, пока не услышу чего-нибудь хоть как-то объясняющего мою дальнейшую судьбу. Амир смотрел на меня своим ярким голубым взглядом, но не улыбался.

– У меня нет эмоций, я ничего не чувствую. Целуя твою руку, я думал только о том, чтобы удержаться и не укусить тебя.

Единственное, что я еще ощущаю, это запах твоей крови и жажду, которая с каждым днем все усиливает агрессию.

Я стала такой же бесчувственной мгновенно, статуя бесчувственности.

– Моя сила так велика, что я могу убить тебя, не вставая с кресла. И разрушить весь дворец. В моем подчинении один из самых сильных кланов.

Неожиданно усмехнулся:

– Богат и красив.

Это чтобы я гордилась, когда он меня жевать будет? Странная мысль вернула чувствительность, и я чуть двинула мизинцем. Амир это заметил и мгновенно оказался рядом.

– Я могу сделать тебя очень богатой, озолотить.

– В золотую тарелку превратишь?

Свой шепот я сама едва услышала. Амир вздрогнул, опустил голову и странно повел плечами. А я совершенно нелогично успокоилась, он все это говорит слишком откровенно, провоцирует меня на реакцию. Холодный расчет в какой-то игре, он спокоен, голубые глаза подтверждают это спокойствие. Я уже поняла, что цвет глаз это показатель их внутреннего состояния.

– Нет.

А вот голубизна уже заволновалась, появились желтые всполохи. Сказала же Мари, остался только ум, вот он этим умом чего-то от меня и добивается. Амир глаза сразу прикрыл, понял по моему взгляду, тоже, наверное, слишком спокойному, что я от него жду какого-то решения и неожиданно встал на одно колено.

– Рина, вот такой я … предлагаю тебе выйти за меня замуж.

Перед моими глазами встал бывший муж в состоянии очередного скандала, когда он обвинил меня в полном душевном и телесном бесчувствии, и банку поднял, показывая, столько я у него крови выпила. Знал бы Амир, кого он замуж зовет.

– Я согласна.

Губы произнесли это сами, я еще продолжала видеть картинку скандала, вернее, муж скандалил, а я чистила картошку. Но именно после этого разговора на следующий день он увидел свой чемодан перед дверью, когда вернулся с работы. И замки я успела поменять. Пожалуй, погорячился Амир с предложением, ему надо было сначала моим прошлым поинтересоваться. Все эти мысли и картинки проносились в моей голове, а я спокойно смотрела в глаза Амира. И он не выдержал:

– Ты действительно не боишься меня?

– Я могу умереть в любой момент, какая разница, боюсь ли я тебя. Не боюсь.

Правильное воспоминание, именно в тот момент я

посмотрела на мужа очищенными вместе с картошкой глазами, и поняла: не боюсь ничего. И сейчас смотрела в непонятного цвета глаза Амира без капли страха, Рубикон пройден, черта проведена. Теперь я Амира не буду бояться никогда, даже если на кусочки рвать будет.

– А ты не боишься?

Он только удивленно брови поднял, уж он чего должен бояться?

– Что я тебе жизнь испорчу?

– Я рискну.

Мгновенный ответ и такая же мгновенно проявившаяся голубизна в глазах. И неожиданная улыбка, которая изменила все лицо, превратила его из напряженной маски в отражение человеческих эмоций. Странно, а сказал, что ничего не чувствует.

– Ну вот, ну и сладилось, можешь сватов засылать.

– Не будет сватов.

Амир встал, посмотрел на меня опять полными черноты глазами, на Фису даже не оглянулся.

– Я не могу жениться на тебе как глава клана, кольцо покажет во мне агрессию. Не могу жениться и как вождь своего народа, потому что мы не оформляли ритуалом свои отношения.

– А почему это, в грехе жили, значит, а дети как же?

– У меня был гарем.

Гарем, вот это уже совсем даже для меня и я захихикала, прикрыла лицо руками, зачем тогда весь разговор, если никак жениться на самом деле не может? Ледяные пальцы отвели мои руки, и голубые глаза сверкнули у самого лица:

– Для нас я создам новый ритуал.

Я подлетела над постелью, Амир поднял меня и сильно прижал к себе, железное объятие чуть не раздавило, но целовать не стал, лишь едва коснулся холодными губами моего лба. Медленно уложив на постель, он еще раз коснулся моего лба, и стремительно обернулся к Фисе:

– У тебя три дня, Рина должна быть совершенно здорова. Я в доме.

И исчез. Фиса лишь руками взмахнула и тяжело опустилась на краешек постели, только и смогла произнести:

– Вот ирод.

А я закрыла лицо руками и прошептала:

– Хозяйка гарема, как тебе нравится, Фиса?

– Да уж теперь и не знаю.

– Ты заставила его на мне жениться?

– А ты как думала, он из тебя жилы тянуть будет, так пусть как законный муж!

На хохот пациентки сумасшедшего дома у меня сил не хватило, и я только вздохнула:

– Мой бывший говорил, что это я из него кровь всю выпила. Так что, может Амир зря согласился, это не он из меня кровь будет пить, а я из него.

– Бывший?

– Ну да, перед поездкой развелись. Хотя не жили уже давно.

Прошло всего несколько минут, как ушел Амир, а я уже не верила в происходящее, какой-то сон непрекращающийся, беспробудный триллер. Я встала с постели и подошла к окну. Ноги двигались, руки тоже, весь организм напряжен как струна. Нельзя думать о нем, никак нельзя, если рухну в боль, то все, не удастся стать владелицей гарема. Хотя, раз он в доме, значит спасет. Бред, какой-то бред больного разума. Может, я на самом деле заразилась этой страшной болезнью, лежу в горячечном бреду, и мне все это только кажется?

Фиса встала рядом со мной, подергала за рукав халата:

– Рина, ты обиду на меня не держи, что я его так к тебе толкнула, как-то надо тебе от ирода этого защититься. Я знаю их законы, когда жена человек, то трогать нельзя. А вот видишь, и кольцо он правильно сказал, покажет оно, что ему нельзя доверять, ему даже близко к кольцу-то подходить нельзя. Его свои тогда убить могут.

– Что за кольцо?

– Когда такие как он к сроку своему приходят, то у них кроме силы да злобы ничего не остается. Они тогда и своих могут поубивать, не понимают ничего, кроме убийства, а если силы много, как у этого змея, да еще шестьсот лет жизни в войне, то уж лучше вовремя такого убить. Вот у них и есть такое кольцо, которое сразу и показывает, что не может он свою злобу держать, выплескивается наружу. А если еще и с человеком уже связан, то обязательно ритуал ихний, как свадьба наша. И клянутся все, что не тронут человека, пока тот жизнь свою не отдаст нелюдю.

Ну и ладно, пусть будет как свадьба на тропическом острове, вроде и была, а вроде и нет. Потанцуют вокруг нас девушки из гарема, песни попоют, цветочек подарят, вот и свадьба. А цветочек я забыла, красивая была роза, которую мне мальчик-циклоп подарил.

– Я розу забыла.

– Как это забыла, вон она стоит, Вито привез, пока ты в бреду валялась.

На отдельном столике в узкой вазе стояла роза, такая же яркая и прекрасная. Даже удивительно, что я за все время ее не заметила.

Чтобы не думать о странном предложении Амира, вообще о нем не думать, я спросила Фису:

– А как ты к Амиру попала?

Фиса посмотрела на меня снизу вверх, опустила голову.

– Ты приляг, отдохни, а я тоже в креслице посижу.

Ей надо время, прежде чем со мной говорить о своем положении в доме Амира. Хоть она мне и обещала о себе рассказать, но пока ни разу этого вопроса не коснулась. Я легла на кровать прямо в халате, положила голову на ладошку и решила, что не буду настаивать, не захочет говорить, и не надо, и так много странностей вокруг меня, во веки не разобраться. Но Фиса решилась, а может время пришло. Не зря она сегодня Амира заставила на мне жениться, ответственность на себя взяла за мою судьбу. Утерев уголками платка губы, она сложила руки на коленях и начала свой рассказ:

– Он меня давно знает, виделись несколько раз.

– Фиса, их… много?

– Ты подумай, девонька, разве от человека сможешь такого отличить? Да и прятаться они могут от людей, посмотрят на тебя, ты и не вспомнишь никогда, что видела, забудешь по их приказу.

– Гипноз?

– Они всяко могут. Видела в школе этой, какие ходят, дети пока, но уже такое могут, что людям и не снилось. А это дети без их возможностей, просто такие уродились. А если с их болезнью, так и выдумать невозможно их силы.

– Это болезнь?

– Вирус по-научному. И появился он неведомо когда, тыщи лет уже такие есть, в книжках прописано. Только и спасает человека от этих нелюдей, чтобы не сгубили всех, что болезнь их косит, да детей нет.

– И у них есть болезни?

– Есть одна. Так они от нее избавиться и не смогли, всяко пробовали, ан нет, Матушка-земля уровень держит, не дает им всех людей сгубить.

– Вито сказал, что они теперь донорской кровью… не убивают никого.

– Может оно, конечно, и так, только верить им нельзя, да и все ли?

– А раз детей нет, то как они заражаются?

– Кровью, получил кровь и сразу таким становишься. Говорят, раньше бывало такое, что женщина от нелюдя могла родить такого же, но давно уже не слышно, чтобы рожала. Все говорят, зависит от того сильно ли болен, у некоторых ведь даже сердца нет, так живут, да и зачем нелюдю сердце, раз души нет. Да и

заразиться можно, пока молодой, вот тебя уже нельзя, сразу помрешь, не выдержишь.

– А если укусит?

– Помрешь и все, как без крови жить, а если он тебе крови своей даст, тогда да, нелюдью станешь. Говорили, что даже некоторые своих детей заражали, чтобы дороже продать клану, только я в это не верю, как это мать свое дитя заразит? Нет, это они сами уже придумали, чтобы людей очернить.

– А что, кланы таких покупают у родителей?

– Иногда покупают, раз жить не на что, а оно такое страшное родилось, сам раз убить не можешь, то отдают за деньги.

– Но получается, что и у обычных людей такие могут родиться?

– Всякое бывает в жизни, милочка, всякое. Может, кто из предков имел, да в жене соединилось, кто знает. Кровь всему основа.

– Тебя поэтому Амир позвал, что ты о них знаешь?

Фиса хотела отмолчаться, или спокойно рассказать, но не получилось, покраснела, губами повела гневно, даже рукой взмахнула.

– Позвал! Да он меня выкрал, вертолет чуть на крышу избы не сел, окна все разлетелись! Молодцы его меня в момент обернули какой-то материей, даже слово сказать не могла, дышала едва…

Она вскочила с кресла, забегала в раздражении. Теперь понятно, почему Фиса так на Амира сердита, бесцеремонно заставил меня спасать. Наконец она успокоилась и подошла ко мне.

– Прав оказался ирод, только я могла тебя тогда спасти, после королевы этой тебе надо было человеческое восстановить. Да и избу уже перестроили всю.

– Повинился?

– Какое там.

Фиса махнула рукой, вздохнула и присела на краешек кровати.

– Мне Витек новую избу показал, говорит, не переживай, тогда торопились сильно. Да, плоха ты тогда совсем была, уж я и не думала, что душа не улетит, а ты задержалась, цеплялась за что-то, тело уже почти умерло, а душа все жива была.

Она погрустнела, опустила глаза, погладила меня по лодыжке.

– А он переживал, ирод этот, глаза так и сверкали, кулаки сжимал все да слова королевы повторял, что только от вас все и зависит.

– От нас?

– Всегда от двоих, один ничего не сможет, если другой грузом висит.

Интересно, а у нас с мужем кто грузом был? Наверное, оба, висели два груза на гвоздике штампа в паспорте. Фиса опять вздохнула, но посмотрела на меня ясным взглядом.

– Тогда муж королевы-то сильно Амиру сказал, мол, она, королева то есть, тебе столько жизни своей отдала, за будущее твое и если ты не сможешь ее, тебя значит, спасти, то прощения не будет никогда, так и знай, убью сам.

Обложили Амира со всех сторон, и королева ему приказала меня спасать, и муж ее обещал убить, если что, а потом Фиса вообще заставила его на мне жениться. Кругом красные флажки на волка. Или на кого там, не знаю, как они называются.

– Фиса, а как их называют? Ну, таких, как Амир.

– Темные.

– Просто темные?

– Да.

Только она слово это говорила с заглавной буквы и почти торжественно, с легким ужасом в голосе. А меня заинтересовал другой вопрос, темный так темный, костюм соответствует.

– Фиса, он королеву любит. Поэтому меня и спасает, слушается приказа, сам бы не стал спасать. Зажевал и все, и годы ему и сила. А теперь ты его еще и жениться на мне заставила, буду висеть на его шее грузом и мешать …

– Не будешь.

Она сказала это таким жестким тоном, что я даже приподнялась на подушке, а она встала.

– Королева ему дыру в сердце прорубила, дала возможность крови черной вытечь, боль почувствовать, какую только люди и чувствуют. Через эту дыру он и должен человеком стать. А ты ему в этом помогать будешь.

Я только скривила лицо:

– Человеком?

– Сначала сама жить научись, себя вспомни, не дуру, которая ради мужика недостойного жизнь себе сломала, а настоящую. Ты обидами обложилась как каменьями, пыль с них утираешь, да слезы глупые льешь. А умишком-то своим не подумала, что ты за ирода этого боль такую перенесла, которую представить нельзя, а ни разу слова худого о нем не сказала, попрека ни разу не кинула ему, мол из-за тебя страдаю.

– Теперь что упрекать? Известно, чем закончится.

– А ничего, милая, не известно. От вас все зависит.

– Фиса, да он пока меня только съесть хочет, даже не просто

убить, а зажевать как котлету! А ты меня хочешь убедить, что любовь какая-то между нами может быть, которая всех спасет, да я в человеческой жизни любви не видела, откуда ей среди них появиться.

Я решительно улеглась и закрылась подушкой, не буду больше ничего слушать, глупости разные о любви, наслушалась уже сказок в детстве, вот и приняла за принца на белом коне вольноотпущенника свекрови на осле: шаг вперед, тридцать назад, увешанного претензиями, упреками и ленью.

Фиса ничего мне не ответила, постояла у постели и вышла. Я покрутилась-покрутилась, халат мешается, постель жесткая, подушка неудобная. Думать себе категорически запретила, не в попытке во всем разобраться, а именно потому, что понимала, если и буду думать, то только о нем, а о нем мне думать нельзя. И даже не потому, что могу сделать неправильные выводы в связи с предложением выйти замуж, не руки и сердца, а просто за мужа, который когда захочет, тогда и зажует уже с полным правом этого самого мужа. А потому, что если буду думать, то кто его знает, решу опять с ним жизнью поделиться неожиданно для себя, от мыслей хотя бы, и моя свадьба не состоится. Которая ритуал, придуманный спонтанно, чтобы изобразить замужество. Я встала с постели и устроилась в кресле, все равно все мешается, посижу, устану и пойду в постель.

Мне снился Амир, он смотрел на меня, и в его черных глазах была страшная боль, такая, которая съедала изнутри, но без слез она не могла уйти, а плакать он не мог. Он касался моего лица кончиками теплых пальцев, тихо что-то шептал, слов было не понять, и я уже хотела спросить, о чем он говорит, но вздрогнула от звука и открыла глаза, никого рядом не было.

Утром я проснулась на кровати в ночной рубашке, долго думала, а когда я успела переодеться и перебраться с кресла? Решила, что забыла этот момент и пошла купаться. Ну да, конечно же, как же, обязательно. На поручне была одна кнопка управления бассейном. Озеро с теплой водой. Жена да убоится мужа своего. А чего его бояться, все равно сделает так, как захочет. Он же не спит, дом его, все кругом знает и все умеет, как захочет, так и сделает. Кстати, не муж еще.

Фиса так и не появилась. Я повздыхала, зря обидела вчера, она ведь права: все так и есть, только признаться в этом очень сложно. Уже практически невозможно, слишком много камней уложено вокруг, не пробиться Амиру даже с его силой. А мне со своей стороны подкоп тоже не выкопать, больно глубоко камни уложены. И что? Хоть невестой еще побуду пару дней, может, не успеет жизнь мою забрать, платье красивое подарит на ритуал.

Пока я раздумывала свои грустные мысли у окна, вошел Вито, поздоровался и пригласил на завтрак.

– А где Фиса?

– Она в столовой.

Я обрадовалась, хоть не уехала в обиде на меня. Надо извиниться за свои слова, она не виновата в том, что я крепость себе выстроила. Неожиданно в одном из залов мое внимание привлек ковер на стене, это был новый ковер с новыми надписями.

– Вито, а … этот ковер уже был здесь?

– Нет, его повесили утром.

Он удивленно рассматривал меня, и губы странно подрагивали, как будто он хотел что-то мне сказать, но сдерживал себя.

– А что на нем написано?

– Язык знают только Амир и Мари, ну, еще некоторые.

Я хотела спросить, кто эти некоторые, но Вито пошел дальше, и я постеснялась задавать вопрос, вдруг это тайна.

В столовой Фиса о чем-то оживленно беседовала с Амиром и улыбалась ему! Ирод прощен? И что он такое успел совершить, чтобы она ему так улыбалась? От ее слов я чуть не упала, не дойдя до стула, благо Вито подхватил меня за локоть и помог сесть за стол.

– Рина, красавица наша, ты вовремя проснулась, муж твой документы для тебя принес, до обеда надо уже отвезти обратно в канцелярию. Смотри, да глазки не утруждай, быстрее подписывай.

– Доброе утро, Рина.

Муж? И какие документы я должна быстро подписать, если наша свадьба только через несколько дней? Заявление на брак? А разве в новом ритуале, который еще надо придумать, необходимы документы?

Брачный контракт и свидетельство о браке на русском и итальянском языках. Все подписи и штампы мэрии города Флоренция, не хватает только подписи жены, то есть моей.

– Флоренция?

– В ста километрах.

Вито положил передо мной ручку с чернильным пером. Я подняла на него глаза, и он внес ясность:

– Специальные чернила, не выцветают и не стираются ничем.

Я посмотрела на записи о документах, номер паспорта мой, дата рождения и фамилия мои. На мой удивленный взгляд и приподнятую в сомнении бровь, Амир ответил совершенно серьезно, и ничего не изменилось в его ярких голубых глазах:

– Прочитай контракт.

– Зачем?

– Я хочу, чтобы ты была уверена в серьезности моих намерений.

– Читай, девонька, читай.

Чтобы не обижать еще раз Фису, я стала читать, и запнулась уже на первом предложении, которое попалось мне на глаза, финансовый взнос жены. Я подняла глаза на Амира, а он только кивнул головой, читай. И что же такого я внесла? А внесла я дом в Испании и два счета с нолями в Лондоне. Это все мое? Голубизна подтвердила, что мое. Фиса встала рядом со мной и видела, куда я смотрю.

– Это твое приданое, девонька.

Приданое?! У меня есть приданое?

– А без приданого нельзя, ты что, красавица, свадьба – дело серьезное, семья, она из двоих состоит, двоим и вносить, каждому свою лепту.

– Фиса, это ты…

– Это я. Я знаю, что у невесты должно быть приданое.

А голос у Амира был не очень уверенный, какой-то даже робкий, и я опять грозно посмотрела на Фису, все-таки это она все придумала, к замужеству еще и приданое мое затребовала. И тут вмешался безмолвный до селе Вито:

– Во всех книгах пишется о приданом. И у нас уже есть несколько таких прецедентов, когда приданого нет у невесты, то его вносит муж.

– Прецедентов?

– Да.

– И кто женился?

– Ближний круг командора.

Кто такой командор, мне было неизвестно, поэтому совершенно непонятно, ну ближний, хотя командор, что-то вроде командира. И чему я так удивляюсь, он может написать все, что угодно, это все ненадолго, он потом как муж все себе и наследует. Я решительно взяла ручку и подписала во всех указанных Вито местах.

– Ты не все прочитала.

– Не буду читать, как ты подготовил, пусть так и останется.

Тревожный взгляд и странный вопрос:

– Что неправильно?

– Все правильно. Мне твои богатства не нужны, они все равно твои.

– Не нужны?

– Нет.

Я придвинула к себе золотое блюдо и закусила губу, чтобы не рассмеяться.

– Амир, у меня к тебе просьба.

– Говори.

– Можно уже заменить золото на обычную посуду? Ведь никакой болезни нет.

– Почему?

– Тяжело такой вилкой есть. Да и тарелку сдвинуть с места целый процесс, мне бы что-нибудь попроще.

Амир произнес несколько слов, и в столовую вошла девушка из гарема с подносом, быстро заменила золото на очень красивую посуду с удивительными рисунками. Я в полной тишине долго вертела блюдо и рассматривала романтический сюжет с пастушками. И как на таком есть? Когда я подняла глаза, то увидела удивительную картину, все улыбались, Фиса, Вито и Амир. Продолжая улыбаться, Фиса подошла ко мне и взяла за руку:

– Ты у нас птица золотая, Амир, слова мои помни, не ошибаюсь я в людях, а ты их не знаешь, никого кроме королевы своей и не видел, а прошлое забыл. Да и не знал ничего в войне своей, ты гарем свой не вспоминай, золотые птицы в них не живут, чахнут сразу, лелей хоть и ласкай, клетка, она завсегда железом пахнет, птице не место.

Она говорила с Амиром, а смотрела на меня и умильно улыбалась, не обращая внимания на мой удивленный взгляд. И к чему ты это говоришь, и разве я эта золотая птица, которая в клетке всю жизнь прожила, хоть и не золотой, а теперь вдруг не сможет. И Фиса как поняла мои мысли:

– Ты еще даже крылья не приподняла, даже головой не встряхнула, не помнишь уже, как это в небесах летать. Ничего, девонька, не бойся ничего, крылья вспомнят, сами полетят, когда осознаешь, что ты птица.

– Я помогу тебе вспомнить…

Амир встал рядом с ней, глаза сверкали, но Вито что-то почувствовал и положил ему руку на плечо, резко сказал:

– Амир.

Они исчезли так быстро, что Фиса еще голову к ним поворачивала, а их уже не было. И мы обе ошарашено посмотрели друг на друга, в этот момент даже ее самообладание не спасло, она длинно вздохнула и прошептала:

– Ирод…

А я с грохотом уронила вилку на пастушку. Тарелку я не разбила, но вздрогнула от звука. Фиса опустилась рядом со мной на стул и вздохнула, помолчала и доложилась, в надежде отвлечь

меня от тяжелых дум:

– Ты бумагу-то зря не прочитала, интересно он написал.

– Мне все равно, что он написал.

Есть мне расхотелось, и я только выпила стакан сока. Апельсины, вызревшие на солнце со всех сторон и в радости, значительно вкуснее тех, которые страдали от тоски в дороге.

– Амир в верности тебе поклялся.

– Какая верность может быть в гареме?

– Дак его у него сейчас и нет, один он как перст, всегда один и был. Как иродом стал, то только Машу и спасал, да силу свою поднимал, чтобы никто ее тронуть не посмел. Он ее прятал где-то, в пещере какой-то страшной, там сила их живет.

– Как это сила живет? Какая сила?

– Животворная сила народа. Он вождем был, когда все его племя от болезни пропало, только Машенька и осталась, да только она уже заразилась, умирала совсем, вот он иродом и сделался, чтобы ее хоть спасти.

Пока Фиса рассказывала, я наливала себе сок из красивого золотого кувшина, от возникшей мысли я даже вылила его на стол, не удержала в руках.

– Ой, разлила, Фиса, ему же шестьсот лет.

– Так Машеньке только чуток и меньше.

Я поставила кувшин в расплывающуюся лужу сока и искоса посмотрела на нее, как может быть шестьсот лет этой юной девушке, девочке практически?

– Машеньке двенадцать полных лет, да еще шестьсот.

– Двенадцать?

И двенадцать не подходило, совсем с арифметикой плохо в этом доме. Если только шестьсот двенадцать, тогда она хорошо выглядит, молодо совсем. Это уже не просто бред, полное сумасшествие. Но ведь я почему-то сразу поверила, что Амиру шестьсот лет, то почему Мари не может быть столько же?

– А Амиру тогда сколько? Шестьсот плюс…

Я вопросительно посмотрела на Фису, хоть узнаю, сколько лет своему мужу.

– Тридцать годков ему было, когда он сам себя в ирода добровольно превратил.

Да, тридцать маловато для меня, или я старовата для него. А шестьсот как? В смысле шестьсот тридцать. Массовое умопомрачение. И на тридцать он тоже не выглядит, лет на сорок. И вдруг я поняла, что он стал выглядеть моложе, чем был в тот день, когда повез меня на море. Тогда у меня промелькнула мысль, что ему лет сорок пять, может чуть больше. А сейчас не более сорока, даже седина не старит, только подчеркивает

яркость волос, черных и блестящих. И ни одной морщины на лице. Я представила Амира. Взгляд, вот что добавляет возраст, а еще мощная фигура и рост, был бы поменьше, то выглядел моложе. На тридцать лет.

Фиса положила ладонь на мою замершую руку.

– Рина, от вас все зависит, может и сможете, только ты ему не мешай себя разбудить.

– Разбудить? Что во мне можно разбудить …

– А вот этого ты знать не можешь.

– Так обо мне речь.

– О тебе красавица, о тебе, только ты себя совсем не знаешь, закрылась вся, скукожилась как луковица на плите, высохла вся…

– Это я-то высохла?

И наконец, хохот выплеснулся из меня, последняя капля оказалась, нервы не выдержали, разорвались этим горьким смехом над собой. Фиса сразу обняла меня своими сильными маленькими руками, стала гладить по голове и успокаивать:

– Пройдет все, миленькая, пройдет, это боль в тебе говорит, смеется над тобой, а ты не бойся ее, она выйдет из тебя, очистит все и выйдет. Ты только верь ему, он еще ничего не умеет, совсем несмышленыш в жизни, ничего о ней не знает, боится тебя. И себя боится, не успел он к встрече такой подготовиться, упало на него все сразу, силы душевной нет, а у тебя она есть, сила-то, есть, вот и помоги ему.

Я постепенно успокоилась от ее тихого говора, и чтобы охладить горячечность лица, положила голову на стол, уперлась лбом в линии узора. Картинки замелькали сразу, я не могла понять, что было в этих изображениях, слишком быстро они сменяли друг друга. И хотя страх мгновенно остудил тело, головы поднять не смогла, какая-то сила её удерживала, припечатала к дереву. Как будто издалека услышала крик Фисы:

– Вито! Амир!

Картинки носились в моей голове, никак не могли остановиться в своем движении. Я никого не узнавала, просто не успевала, только появлялось лицо, и я начинала выделять черты, а оно уже уносилось, тут же на его месте появлялось новое изображение. Иногда появлялись горы и реки, но и их я не успевала рассмотреть, только пойму, что вроде гора, а на ее месте уже течет река, или в шторме плещется море. От скорости мелькания цветов и изображений мое тело вздрагивало и трепетало, никак не успевало за ними, мышцы сжимались и разжимались, но только возникала боль в стремлении догнать гору или лицо.

И вдруг все потемнело, картинки исчезли, и в этой темноте

появился тихий голос:

– Рина, слушай меня, открой глаза, Рина, посмотри на меня.

Мое тело еще бежало куда-то, пыталось догнать картинки, но темнота и голос успокаивали лихорадочность движения, и я открыла глаза. Ясные прозрачные совершенно бесцветные глаза без зрачка в ореоле длинных ресниц. Голос повторил:

– Смотри на меня.

Я смотрела в эту прозрачность и постепенно проваливалась в неё, сама исчезла, стала легким дуновением невидимого ветра.

7

Жесткое кресло слегка покачивалось, и ручки этого кресла странным образом прижимали меня к сиденью. Но тепло исходило от всего, к чему прикасалось мое тело, и я уже прижималась лицом к высокой спинке, в надежде скорее согреться. Холод пронизывал все тело, заледеневшие руки не могли разжать кулаки, а ноги сворачивались в единый узел. Что-то горячее коснулось моего лба, и я медленно, с трудом преодолевая сопротивление заледенелых мышц, подняла лицо навстречу этому прикосновению. Пламя коснулось моих губ, и они сразу согрелись, зашевелились в стремлении поглотить этот жар, скорее наполнить им окоченевшее тело. Огонь проникал сквозь губы и согревал, разжимал пальцы, освобождал ото льда, заполнившего все клетки. И лед начал таять, стал изливаться тоненькими ручейками из глаз, сначала прохладными, а потом все горячее и горячее, почти обжигая кожу.

Губы, меня целовали чьи-то губы. Нежно касаясь, слегка перебирая мои губы, они делились со мной своим теплом, огонь спал, теперь они только сохраняли во мне жизнь и поддерживали ручейки, лившиеся из глаз. Из-за этих теплых ручейков я не могла посмотреть на того, кому принадлежали эти губы. И того, кто держал меня на своих коленях и обнимал руками. Обнимал, мягко прижимая к себе и чуть покачиваясь. Кресло из тела и рук, огонь губ и легкое дыхание.

Дождь хлестал в окно, ветер гнул деревья почти к земле, а тучи закрыли все небо, даже горы исчезли в их темной серости. Я проснулась уже давно, но не вставала и Фиса не стала настаивать, только горестно качала головой и вздыхала. Она не объяснила мне, что же произошло вчера, лишь уточнила, что стол совсем оказался непростой, и прошел всего день, никаких недель бессознательного состояния. А я не стала спрашивать, кто меня спас от вселенского холода своим поцелуем.

Как там, в сказке о спящей красавице, пришел принц, всех врагов победил, поцеловал принцессу, и та ожила. Совсем про меня, особенно принцесса. Да и не спала, просто оледенела от прикосновения к непростому столу. Хотя, почему нет, она там к какой-то прялке, или иголке, прикоснулась, а я к столу. Умной головой. Не буду вспоминать поцелуй, буду думать, что за картинки проносились с бешеной скоростью в моей голове, и совсем непонятно, зачем стол мне их показал, если я их не то чтобы понять, увидеть не успевала. Театральный получился бред, только кто-то в спектакле со шкафом разговаривал, а я со столом.

А потому, что в ковровом дворце шкафов нет, с панелями не поговоришь, а стол что, он уже благородная мебель. А я кто тогда? Беспроводной проводник? Чего и куда? От стола в мою умную голову непонятных картинок? Лучше бы я раньше в своей жизни странностями интересовалась, хоть не так непонятно бы было. Почитала газетку какую желтенькую, а там все об энергии рассказано, о столах разговорчивых и темных личностях, которые по шестьсот лет живут за счет крови граждан всего мира. Странные глаза, совсем без признака цвета, дыра в пространстве. И все-таки, кто же меня целовал?

В комнату стремительно вошли Мари с Вито и еще одним гигантом. Скоро у меня появится чувство неполноценности из-за своего роста. А Фисе тогда что делать? Она им всем почти по пояс. Даже Мари выше меня, хотя девочке всего двенадцать, если не считать шестисот лет пещерного заточения.

– Доброе утро, Рина. Знакомься, Алекс.

– Доброе утро.

Вито встал рядом с Алексом, который пока звука не произнес, смотрел на меня своими бесцветными глазами, а я вдавливалась в подушку, пытаясь спрятаться от этого взгляда. В себя меня привел голос Фисы:

– Алёшенька, ну как, ты посмотри нашу красавицу, как она, никак вставать не хочет, ты уж сделай чего-нибудь.

Она подскочила из кресла, подбежала ко мне и схватила за безвольную руку. Я посмотрела на нее и только потом смогла поднять глаза на это чудовище. Никакое лицо и никакие глаза на фоне черного костюма. И волосы почти никакие, даже не седые, прозрачные как глаза. Он медленно опустился передо мной на колено, так же медленно взял мою руку из рук Фисы и сказал никаким голосом:

– Рина, доброе утро.

И только тепло его рук было настоящим, мягкие пальцы держали мою ладонь уверенно и спокойно. Хватаясь за это тепло остатками самообладания, я смогла сказать:

– Доброе… утро.

Он улыбнулся бескровными губами и спросил:

– Как ты спала?

– Спала.

Неожиданная мысль проявилась и заставила меня замереть в ужасе, может это он меня целовал?! Я непроизвольно попыталась достать свою руку из его ладони, но он не дал такой возможности, крепко сжал и даже прикрыл другой рукой.

– Чего ты сейчас испугалась? Ты меня испугалась?

– Тебя? Нет.

Он спросил таким жестким тоном, что во мне все вскипело, еще чего, воспользовался моментом моего бесчувственного ледяного состояния и сразу целоваться! А теперь спрашивает, боюсь ли я его, да не дождется! Мой бывший мне всегда говорил, что целоваться со мной, как с ледяной глыбой, ни тебе удовольствия ни радости, а этот бледнолицый думает, что теперь я вся … вся что? Между прочим, я со вчерашнего дня опять замужняя жена, а он себе такое позволяет, пусть даже в попытке меня спасти. Я посмотрела на него гневным взглядом и руку все-таки вырвала, быстро спрятала под одеяло. А он даже отшатнулся от меня, голову откинул и удивленно посмотрел на Мари. Она сразу заволновалась:

– Алекс, что случилось?

– Рина делилась со мной энергией, своей жизненной энергией.

Я?! Да как это я этому белесому сама что-то решила отдать? Совсем в своем сумасшествии запуталась, организм уже не знает, что делать, куда бежать, от кого прятаться. И сразу пришло понимание, это пощечина такая у меня получилась за ночной поцелуй, рукой не смогла, а энергией кинула, чтоб знал наперед, со мной шутки плохи, вздумал целоваться без моего разрешения.

Вито тоже испугался, одним движением подвинул Фису и оказался рядом с этим прозрачным ужасом:

– Рина, как ты себя чувствуешь? Где болит?

Я только мрачно насупилась и проворчала:

– Нигде.

А вот вам и ревнивый муж, ниоткуда у постели появился Амир. Конечно, ревнивый, наблюдал за встречей, вдруг сама кинусь целовать вчерашнего спасителя. И на него я гневно посмотрела: муж называется, позволил так с женой поступать, можно было и другим способом спасти. Хотя бы самому… попробовать. Что со мной? Я растерянно стала озираться, переводя взгляд с одного лица на другое, откуда такая буря эмоций в моем давно остывшем и заледенелом теле? Заледенелом? А ночью что было? Оттаяло? Осталось только выяснить…

– Кто?

– Рина, ты о чем это, березка моя белая, ты не волнуйся так…

– Что тебя интересует?

А взгляд у мужа понимающий, да и тон совсем мужний, догадался, о чем вопрос, ему только подтверждение нужно, чтобы я сама спросила, а он уже и ответит. Я смотрела в эти всякие разные глаза и пыталась понять, а зачем мне это нужно, выяснять автора этого действа под названием спасение меня в виде

поцелуя? Откуда столько эмоций?

– Рина, о ком ты?

Прямо допрос, и его даже не волнует, что жена только что этому прозрачному жизнь свою отдавала, хотя она ему со всеми потрохами принадлежит. Я взглянула на того, кто получил мою пощечину жизнью, и поразилась, у него появился румянец и в глазах стал заметен зрачок! Мари тут же отреагировала на мое удивление и повернулась к нему:

– Алекс! Глаза, он оживает!

Тут и Амир отвел свой тяжелый взгляд от провинившейся жены и удивленно скривил губы.

– Лешенька, красота моя ненаглядная, глазки-то глазки, и щечки, так вот оно как! Милочка моя, ты спасла паренька, смотри, даже волос меняется.

Действительно, у Алекса все лицо наполнялось красками, зрачок уже был четким, в цвете глаз проявился какой-то плотный серый оттенок, губы порозовели, и румянец растекался по всему лицу, он краснел, именно краснел от такого к себе внимания. Или от моей энергетической пощечины. Я присмотрелась, но не заметила явного следа удара на лице, уже хорошо, объясняй потом мужу, за что пришлось бить парня. И волосы темнели на глазах, как наливались краской.

Амир произнес какой-то грозный звук и все исчезли, кроме Фисы, разумеется. Она удивленно посмотрела на меня, махнула ручкой в сторону Амира и изрекла:

– Так значит, девонька, ты не только этому ироду жизнь-то спасти можешь, всему ихнему племени.

А вот такая перспектива как-то меня совсем не обрадовала, хотя ничего не болело, я даже ногами пошевелила, пытаясь понять, вдруг что отзовется криком в организме. Наоборот, я почувствовала себя лучше, бодрее, как освободилась от внутреннего груза, захотелось встать и пойти в бассейн, сбросить марево утреннего состояния. И Амиру ситуация не понравилась, он мрачнел и гневно водил взглядом по моему лицу, правда при этом стараясь не смотреть в глаза. Ну что ж, муж так называемый, теперь начал понимать, что сильно погорячился с предложением на долгую счастливую семейную жизнь, может, сразу на развод подашь? Хотя, с долгой я тоже не совсем права. Если еще и всем остальным членам племени, или клана, запуталась уже, жизнь буду отдавать, то срок моей собственной значительно укорачивается.

Фиса странно смотрела на Амира, как-то удивленно, думала о чем-то серьезно, даже губы поджала.

– Ты милок, расскажи-ка все птице нашей золотой, объясни

ей, что она сейчас сотворила, да узнай, как это у нее получилось.

И даже не взглянув на меня, вышла. Значит, муж в курсе того, что я совершила своей пощечиной. А он только повел глазами ей вслед, да руки за спину спрятал, опять кулак держит. Бодрость тела подняла мне настроение, а может кулак этот сжатый, и я решила ускорить процесс выяснения значимости своего поступка:

– И что я сотворила?

– Ты спасла ему жизнь.

– Но я же… или для всех?

– Нет!

– Амир!

И опять этот крик, который тут же повторился возгласом Вито, и они оба исчезли. Я даже испугаться не успела, только вздрогнула всем телом. Какое-то время я лежала и ни о чем не думала, внутри все трепетало от всколыхнувшихся эмоций, они бурлили горячей лавой и обжигали все внутренности. Что со мной? Почему я так реагирую на его эмоции? Амир не хочет, чтобы я еще с кем-то собой делилась и возмущен? Это понятно, но в этом крике было и еще что-то и именно оно всколыхнуло во мне это буйство. Может быть, мне хочется, чтобы он на самом деле переживал обо мне, что погибну, отдавая свою жизнь ему и всем остальным, просто растворюсь в них маленькими молекулами силы.

Я еще не совсем пришла в себя, когда в комнату вошел Алекс. И скорее догадалась, чем узнала, что это он, настолько изменилось его лицо. Каштановые волосы лежали в четком порядке короткой стрижки, карие глаза и темные брови, плотно сжатые почти алые губы. Прямой нос с чуть подрагивающими ноздрями вдыхал воздух в комнате, как у сторожевой собаки. Хорошая получилась пощечина, может еще кого ударить? И сразу дикая боль во всем теле, такая яростная, что я взвизгнула тонким голосом.

Боль терзала тело и постепенно превратила его в айсберг, гигантский айсберг среди огромного ледяного поля. И когда в маленькой, едва ощутимой точке появилась капля, совсем маленькая, как дождинка, то ничего не изменилось в этом царстве льда. Но она постепенно образовала лужицу чистой воды, и поверхность лужицы притянула солнечные лучи, вода согрелась, протекла куда-то внутрь айсберга и взорвала его. Я летела ледяной глыбой в пространстве, когда горячие руки поймали меня и прижали к горячему телу, обхватили яростными губами. Жесткие губы давили и требовали ответа, отголоска тепла в дыхании, намека на движение навстречу, иначе огонь не сможет проникнуть внутрь и растопить лед. Прошло много

времени, прежде чем где-то в глубине льда проявилась искорка, она сверкнула и исчезла, но пробила едва заметную трещинку, в которую и проникло пламя губ. Оно стремительным всполохом засияло во льду, разломило его лучами и засверкало на гранях осколков. И полились потоки воды, сначала тонкими ручейками, потом стремительными реками, и наконец гигантской волной, омывающей все вокруг.

Я рыдала и хваталась слабыми пальцами за горячие руки, не отпускала их, что-то пыталась говорить, но звуки тонули в потоках слез. Все тело горело внутренним пламенем, но как только я на мгновение отпускала руки и не касалась горячей кожи, пламя мгновенно тухло и все вокруг покрывалась корочкой льда. И вдруг поцелуй, жесткий, властный, полный огня, который пронесся по моим венам потоком лавы, сжигающей все на своем пути.

– Ирод ты и есть ирод, да сколько же тебе говорить, умного из себя изображаешь, прикидываешься, что мол все понимаю, а сам ни капелюшечки в жизни не понимаешь. Ты вон только и воевал, жизни на самом деле не видел, а королева что, она мудрая, да только не ей каждую минуточку решение принимать. Она своим путем шла, вам таким уже не идти, у каждого своя тропиночка, с кем пересечешься, а с кем и рядом пойдешь.

– Рина проснулась.

Я подняла глаза на стоявшего у окна Амира и едва слышным шепотом спросила:

– Какое решение?

– Ластонька моя, березонька-яблонька, вот и проснулась…

– Какое решение? Фиса, оставь нас.

Фиса удивительным образом одновременно улыбнулась и подмигнула мне, кивнула и быстро вышла. Я пошевелила рукой – ничего не болит, потянулась всем телом и глубоко вздохнула.

– Амир, это ты?

Он сделал несколько шагов ко мне и опустил голову, резко отвернулся и опять вернулся к окну.

– Ты меня целовал?

– Да.

Амир ответил сразу, и голос был тяжел, как и голова, которая опустилась и спряталась за плечи.

– Какое решение?

Голова поднялась, но ко мне не обернулась, тем же голосом он сказал:

– Алекс продолжает забирать у тебя жизнь.

– И что ты хочешь сделать?

Амир не ответил, только голову поднял, посмотрел куда-то за

небо, в темную высь. Он его убьет, для него это не решение, это для Фисы невозможность и для меня. Для Амира это даже не поступок, это лишь выход из положения.

– Если ты его убьешь, я умру. И ты будешь свободен, все себе назад вернешь вместе с моим приданым.

Я еще не знала, как буду умирать, утоплюсь, золотой тарелкой голову разобью, придумаю способ. А собственно и придумывать не нужно, я встала и подошла к нему, он успел обернуться на шорох и посмотрел на меня черными глазами.

– Забирай все, вот тебе и решение, и Алекс в живых останется, и ты свое получишь.

Оттянув ворот ночной рубашки, я подставила ему свою шею, задумалась, а с какой стороны сонная артерия, справа или слева, покрутила головой, продемонстрировала обе стороны, выбирай.

Вито проявился рядом, но я помнила о возможности его появления и сразу заявила:

– Уходи. Это наше дело, мужа и жены.

– Ирод! Не смей! А ты дура, что говоришь, что творишь-то…

Договорить Фиса не успела, Вито исчез и, видимо, прихватил ее с собой. А я смотрела в эту черноту глаз и думала, так меня никто не целовал, никогда в жизни я не чувствовала такого огня, такой страсти. Теперь можно умирать, да и жизнь спасти по пути тоже правильно.

Амир не двигался, смотрел на меня со своей высоты и тоже о чем-то думал, мысли проскальзывали темной волной, и вдруг глаза сверкнули яркой синевой, всполохом, который развеял черноту. Он коснулся ледяным пальцем моих губ и хрипло прошептал:

– Наступит время…

Он исчез, испарился, а я все чувствовала это касание, от которого мои губы занемели, как заразились холодом.

– Рина.

В дверях стояли Мари и Алекс. Я попыталась им улыбнуться, но сразу стала падать, Алекс успел подхватить меня на руки и перенес на постель. Мари встала рядом с ним, странно покачала головой, очень сокрушенно и проговорила:

– Так все быстро происходит, отец прав, мы не можем контролировать процессы.

– Рина, мы возьмем тебя за руки, а ты попытайся представить, что голубая река из твоих рук остановилась, что ты уже не отдаешь мне ее. Пойми, столько энергии мне не нужно, я уже восстановился.

У меня перед глазами все еще виднелись глаза Амира и губы продолжали неметь от холода. Представить свои руки у меня

никак не получалось, и чтобы отвлечься я спросила Алекса:

– А почему ты…чем ты …

– У таких как мы такое бывает, это как неизлечимая болезнь, организм выключает все функции и процесс остановить невозможно. Сейчас иногда стали появляться люди, которые могут поделиться своей энергией с кем-то из нас, и этим спасти, но я для себя такого не встретил. У меня оставались дни, может часы.

– А как ты тогда меня спасал?

– Я умею… у меня много разных возможностей, я был в доме и успел тебе помочь. Рина, ты спасла меня, я полностью восстановился, теперь необходимо остановить поток энергии, который ты продолжаешь отдавать мне.

Вот оно, та самая болезнь, которая их убивает, то, о чем говорила Фиса. А я в праведном гневе за поцелуй, который как оказалось к нему не имеет никакого отношения, своей пощечиной спасла ему жизнь. Полезный оказался гнев, а сейчас чего уже на парня сердиться, не виноват ни в чем, даже умирая, пытался меня спасти. Алекс удивленно посмотрел на Мари, которая держала меня за другую руку:

– Ты чувствуешь?

– Получилось! Рина, получилось, ты остановила поток, а теперь я попытаюсь тебе передать своей энергии.

Она умоляюще посмотрела на меня:

– Только ты не сопротивляйся, пожалуйста, дай мне возможность помочь тебе.

Алекс отпустил мою руку, и Мари схватила ее, так она и держала меня за обе руки, которые стали нагреваться от ее энергии. Даже губы согрелись.

Они ушли, а я так и осталась лежать на постели, хотя вся бурлила от энергии Мари. Надо воспользоваться одиночеством и попытаться привести мысли в хоть какой-то относительный порядок. Не хотела ни о чем думать, а теперь что делать? Запуталась так, что концов не найти. Итак, по пунктам. Первое – вышла замуж за кого-то, кому шестьсот тридцать лет, выглядит значительно моложе, богат, выявлен один очень значительный минус, может зажевать вместе с косточками в любой момент, хотя и обещает сдержаться. И еще очень страстно целуется. Красивый, сильный, высокий. Плюсом можно причислить и его молчаливость, говорит очень редко. Второе – время от времени приходится выносить такую боль, которую я в жизни даже представить не могла, но как-то умудряюсь выживать с посторонней помощью. Права Фиса, такое только женщина и может вытерпеть. И я вдруг замерла от этой мысли, а ведь

действительно, я никак не пытаюсь кого-то обвинить в этой боли, может быть потому, что эта боль всегда наступает так неожиданно и непонятно почему, что и обвинить-то не знаешь кого. Или всех сразу, хоть и говорят, что вся эта боль из-за передачи энергии Амиру, но ведь уже и Алексу успела, хоть они оба ничего у меня и не просили. Как тогда Амир сказал, так получилось, независимая ни от кого случайность.

А энергия это совершенно отдельная история, которую нельзя привязывать ни к чему. Это даже не третье, это вообще основа всего, и стол к ней относится. И ковры, что-то я в них понимаю, только непонятно что. Ковры и стол это одна история, только я прочитать ее не могу, или не успеваю, настолько стремительно все происходит. И поцелуй. Он опять все перевернул, мой внутренний цинизм рухнул, растворился в пламенной страсти поцелуя. Мое тело помнит, губы помнят, даже боль и лед не смогли ничего изменит в этом воспоминании. И объятия крепких горячих рук.

Я уже хотела встать с постели, но опять замерла от мгновенно прояснившей все мысли, он чувствует меня в этот момент, Амир, он в поцелуе так же все чувствует, как и я. А потом это ощущение пропадает, пальцы уже ледяные, только воспоминание ума. И дополнительное страдание для него, потому что получается, он чувствует меня только в состоянии моей боли. Как там Баба-Яга предрекла, только через мою боль и страдание… и через кровь. Значит, кровь еще впереди, которую я, кстати, сегодня ему уже предлагала.

Что-то он еще говорил об агрессии и жажде моей крови, в своем нежелании думать я пропускала всю информацию мимо, делая вид, что она меня не касается, но поцелуй все изменил. А как тогда он вообще рядом со мной держится в этой жажде и агрессии, в ней в особенности? Вот вам и зажатый кулак, он его удерживает, чтобы не разнести все вокруг в яростной злобе. Представить, что может разрушить мужчина в гневе я теоретически могу, хотя мой бывший на такие подвиги был не способен, он всегда лучше меня знал, что сколько стоит и где куплено. Даже тарелку со сколом было трудно выкинуть, вдруг пригодится. А такой как Амир? Без всяких там суперспособностей, о которых все говорят, только по тому, как он переносит меня в пространстве, практически не замечая моего увеличившегося в невероятном количестве от душевных страданий веса, то да, дворец он шутя разнесет на гранулы. И деваться ему некуда от меня, только он сам и может мне помочь, если я вдруг надумаю ему передавать свою жизнь. Получается, что я постоянный раздражитель для всего его организма, и крови

хочется, и поцелуя думаю тоже.

Я долго плавала, кнопок на поручне больше не стало, стоячая вода мне не нравилась в моем нынешнем состоянии, мне бы бурю с мглою, да ветер посильнее, но деваться некуда. Переодевшись в новый халат, я села на скамеечку и стала наблюдать закат, относительный, потому что тучи закрыли все небо, и остатки солнечных лучей лишь едва угадывались. Есть не хотелось, хотя я уже и не помнила, когда последний раз нормально ела, все эти странности с энергией, бессознательные состояния и непонятный сон совсем меня выбили из колеи. Кстати, а моя свадьба интересно уже прошла, или еще нет? То есть три отпущенных Фисе дня моего полного здоровья. Но с математикой у меня всегда было сложно, а в этом дворце совсем странно считается, поэтому неизвестно, но я думаю, без невесты, которая уже жена, не пройдет, все равно позовут.

Я легла в постель и опять вспомнила поцелуй Амира, такой страстный, такой…настоящий, когда кипит кровь. И почему-то я ему поверила, поцелую, не словам и даже не глазам полным боли. Слова вообще в счет не идут, я им не верю уже давно, а запись на бумаге это те же слова, и в глазах боль тоже может быть от чего угодно, мозоль например на пятке. А еще палец ледяной на губах, ведь знал, что ничего не почувствует, все понимал, а коснулся, не смог удержаться. В агрессии и жажде может себя держать, а в стремлении к моим губам не смог, память о пламени в крови победила.

Фиса разбудила меня рано утром строгим заявлением:

– Утро уже красное, солнышко спряталось за тучи, а ты все спишь, вставай девица-красавица, свет ясный, свадьба наступила, прилетела из-за морей и гор, за тобой ласточка наша.

– Фиса, какая свадьба, прошло уже, даже приданое уже… подожди, а что, сегодня?

– Платье твое уже готово, ждет тебя, а сейчас умываться, смыть грехи, чтобы перед мужем чистой встать, в глаза ему посмотреть, слова клятвенные сказать.

Я мрачно посмотрела на нее, еще и клятва, только этого мне не хватало.

– Кровью клясться придется?

Она вдруг стала очень серьезной, поправила платок на голове и торжественно сложила руки на животе.

– А ты девица, не шути клятвой-то, не шутят этим, на всю жизнь клятва…

– Тогда ненадолго.

И что случилось за ночь? Такое вчера романтичное настроение было, вся готова любить, а проснулась как мегера,

даже Фиса не выдержала:

– Ты девонька характер-то спрячь, сама согласие дала, все бумажки подписала, теперь лицо белое от мужа не вороти, достойна будь.

Я только вздохнула, ну подписала, ну согласие дала. Уже в бассейне я поняла, это страх во мне за ночь собрался. Один раз я уже была замужем, есть что вспомнить. Как бы театрально не выглядела свадьба, с танцами и букетами, я к ней отнеслась неожиданно серьезно. Поцелуй, он заставляет меня посмотреть на все действо несколько иначе.

Вито принес поднос с едой и сказал, что по закону я до самого ритуала не должна выходить из комнаты. Безропотно позавтракав, я скромно села на постели в ожидании процедуры надевания свадебного платья. Фиса героически молчала. Что-то изменилось в наших отношениях после моего вчерашнего демарша, когда я так жестко заявила, это наше дело, мужа и жены. Она как бы от меня отдалилась, и мне не хочется думать, что это демонстрация, а признание моего личного права вести себя так, как я посчитаю нужным.

– Фиса, ты прости меня, но мне нужно было Амиру…

– Ты права, девонька, так все и должно быть, проснулось твое истинное женское, камешки распались, душа твоя в окошечко и выглянула. И она с мужем твоим говорила, показала ему дороженьку к сердцу твоему.

И опять я удивилась, какой такой путь, шею что подставила, кровь свою предложила? Фиса поняла мое удивление и таинственно ответила:

– Как он тебя поймет, такова и дорожка будет.

Неожиданно улыбнулась, даже глаза опустила и громко зашептала:

– А тело твое горячее он устами своими уже …

– Что?! Какое такое тело? О чем ты говоришь? Он только меня поцеловал…Фиса!

Она быстро взглянула на меня, опять опустила глаза и изобразила на лице такое умиление, что я задохнулась от возмущения:

– Говори, что на самом деле делали со мной!

– Голубка моя сизокрылая, спасали тебя, как могли, так и спасали.

– Фиса!

– Только его ты и допустила к себе, к боли своей, прижалась к нему сама, он тебя губами коснулся, да и почувствовал кожу твою нежную, губами почувствовал, ощутил боль твою, куда ни коснется, так все и чувствует.

– И где… касался?

– Дак милочка, куда смог губами своими горячими дотянуться, там и касался, а ты сама тело свое белое губам-то и подставляла, тянулась к нему, да и поцеловала.

– Я?!

Фиса смотрела на меня и радовалась, вот и спелись голубки, почти сеновал, раз поцелуи, то совсем хорошо, потому как уже по документу жена официальная. Вот почему Амир так себя вел, когда я спрашивала, кто же меня целовал, голову опустил, сразу ответил, прикрыл меня перед собой. Сама приставала, а потом стала выяснять, парню … ну, с ним правильно получилось. Я закрыла лицо руками, спряталась от веселого взгляда Фисы. Она подошла ко мне и погладила по волосам.

– Ирод он, суть его звериная… только девонька, раз судьба тебя к нему послала законы их новыми буковками написать, и тебе новые слова на своем пути записывать… прими, ласточка, яблонька белая, в тебе столько любви скопилось, ему она нужна, она спасение для него, любовь твоя. А он сам не знает, что любовь в нем уже самом живет, рвется, да тропиночки пока не знает. И тяжело ему пока, суть-то рвет его на кусочки, он боль душевную свою тебе не покажет, не умеет, как сделать, чтобы ты глаз свой ласковый на него обратила.

Неожиданно поцеловала меня в макушку и тихо сказала:

– А тело твое горячее, кожу бархатную он уже почувствовал, стремиться к ней будет, и суть его зверская отступит, ты верь в это девонька, верь.

Я мотала головой, вот так, взяла и поцеловала чужого мужика, смотрела, выгадывала достоинства и недостатки, а когда плохо стало, так и поцеловала.

– Фиса, я, что, оба раза сама и целовалась?

– Ласточка моя, ирод-то сразу, как тебе плохо стало, губ твоих коснулся, надеялся, получится как в первый-то раз, а ты никак, холодная как ледышка, только уже когда он надежду совсем потерял, вдруг и шевельнулась, позволила пламя сердца его себе излить.

Она опять провела ладошкой по моей голове и легко засмеялась:

– Любовь, она разные дорожки находит, ему такую показала, он теперь уже тебя только видеть и будет, уста момент первый навечно запомнили.

Я только жалобно подняла на нее глаза и вздохнула, совершенно неожиданный оборот, бесчувственная рыбина пламя поцелуя почувствовала, да еще и свое заставила запомнить навеки, это как-то совсем не обо мне. Фиса одним взглядом

прочитала мои мысли и скривила губы:

– Ты прошлое свое не вспоминай, какого выбрала, такой сама и стала, а теперь с другим рядом пойдешь, о нем думай.

Но долго предаваться сомнениям мне не дали, вошли Вито с большой коробкой в руках и Мари с коробкой поменьше. Мари сверкала глазами от радости, а Вито просто улыбался, как у него поменялось лицо, ничего общего с агентом ЦРУ, которым он был в первые дни нашего знакомства. Мари сразу заговорила:

– Рина, доброе утро, сегодня твоя свадьба, такое платье красивое, я тебе помогу одеться. Вито, открой коробку и уходи, мы тебя позовем.

– Доброе утро.

Вито кивнул головой, положил коробку на пол передо мной, открыл крышку, и я замерла. Казалось, что в комнате засветило солнце, так сверкало платье. Мари тут же опустилась на колени и подняла то, что лежало в коробке:

– Смотри, такие носили женщины нашего народа.

Я даже не заметила, как исчез Вито, Мари покрутила платье передо мной и заявила:

– Немедленно снимай халат. Фиса, красивое, правда?

Фиса от удивления только рот ладошкой прикрыла и головой покачала, явно не видела его раньше, так ее поразила красота моего свадебного наряда. А я смогла только длинно выдохнуть воздух, и как это надеть?

Платье состояло из нескольких полос ткани, непонятно как закрепленных друг с другом, алый цвет едва был виден из-под огромного количества небольших золотых пластин различных форм и размеров, на большинстве которых в центре сверкали прозрачные бриллианты. Присмотревшись, я заметила, что это были фигурки людей и животных, которые держали в руках, лапах и когтях камешек-бриллиант. А на некоторых пластинках едва просматривались надписи на непонятном языке.

– Это ваши письмена?

– Да, это наш язык.

– А что там написано?

– Что ты отдала свою силу для спасения народа.

– Народа?

– Но ты же спасла вождя, значит, спасла весь народ. Рина, я хочу быстрее посмотреть, одевайся.

Мари радовалась совершенно как ребенок, сейчас можно было дать ей ее двенадцать лет, она даже потрясла меня за руку. Я растерянно посмотрела на Фису, как-то не похоже на бракосочетание на острове, может и о клятве она серьезно говорила? Фиса решительно кивнула головой и подошла ко мне:

– Ну, лебедушка, скидай халатик, в царские одежды облачайся.

Ничего не сделать, сбежать не удастся, да и замужем уже, осталось только букет получить, да ритуал посмотреть. Я сняла халат, и Мари накинула на меня полоски, я даже пригнулась, совсем не ожидала, что будет так тяжело, как Мари эту тяжесть только удерживала. А ведь действительно, она держала вес этого так называемого платья легко, совершенно невесомо, а я даже стою на ногах с трудом, столько золота и камней. Они долго крутили меня, Мари объясняла Фисе, где надо подержать, а где скрепить крючками на мельчайшие петельки или завернуть часть полосы вокруг меня. Не всегда получалось с первого раза, а так как мне никто слова не давал, да и не понимала я ничего, то мне оставалось только слушаться и поворачиваться в нужном направлении или поднимать руки.

Наконец действо закончилось, они обе облегченно вздохнули, подвели меня к зеркалу, и Фиса произнесла:

– Настоящая королева.

8

Это была не я, между Фисой и Мари стояла неизвестная мне женщина с растрепанными волосами и в королевском платье. Растрепанные волосы были мои, а все остальное нет. Даже лицо было не мое, немного испуганное, с широко распахнутыми глазами и приоткрытым от удивления ртом. Надо было хоть иногда смотреться в зеркало, чтобы заметить изменения во внешности. Я рассматривала себя в зеркало и не понимала, как это возможно, так измениться. Когда-то, никто уже не помнит когда, мои глаза были серо-буро-малинового цвета, то есть после жаркой бани они были то светло-голубого, то салатного цвета, потом серели до следующей бани. С возрастом от голубизны и зелени ничего не осталось, серость победила навсегда, никакие помывки и жар не помогали, полная глубокая всепоглощающая серость. А сейчас в распахнутых глазах сверкали два ярких голубых камня с черной точкой зрачка, который только подчеркивал цвет радужки. Я даже поморгала в надежде, что изображение изменится, но ничего не произошло, голубизна сверкала, а губы алели как после поцелуя. Стоп, о поцелуе думать не будем.

– Это не я.

– Ты, милочка, ты, голубка наша ясная.

Платье обернуло меня своими полосами, и я казалась себе статуей, увешанной золотом и драгоценностями, хотя ничего не мешало двигаться, не считая тяжести. И даже полнота как-то не очень заметна за этим блеском. Странным образом вся эта золотая и блестящая яркость не полнила меня, даже талия прорисовалась, непонятно совсем, как это на мне все завернуто, что-то между индийским сари и еще непонятно чем.

Мари захлопала в ладоши и открыла крышку коробки поменьше. Фиса даже охнула, когда она достала невероятного алого цвета накидку, которая тоже как платье была вся покрыта золотыми пластинками и камешками. Я сразу обратила внимание, что они образовывали собой какой-то рисунок.

– Мари покажи всю.

Она с помощью Фисы развернула весь квадрат накидки, и я поняла, на ней был изображен рисунок на столе. Я провела пальцем по воздуху и спросила Мари:

– Это на столе нарисовано?

– Да! Ты запомнила, тот же рисунок, он означает… отец потом расскажет. А сейчас мы тебе волосы заплетем по нашей традиции.

Она каким-то детским движением схватила меня за руку и заставила сесть в кресло, резким сильным толчком развернула вместе с ним и начала действо. Пока я приходила в себя, я это кресло пыталась подвинуть, но не смогла, слишком большое и тяжелое, а Мари его вместе со мной подвинула, она мягкими движениями начала заплетать пряди моих волос. И опять удивление: мои волосы никогда не подчинялись ничьим рукам, я даже стрижек никогда не делала, просто укорачивала длину, потому что красивая на других головах, на моей она превращалась в буйно-помешанное воронье гнездо. Мягкие по своей структуре, они резвились во всех направлениях, и никакой лак их удержать не мог, просто осыпался на плечи мелкой пылью. Ладно бы кудри какие-нибудь или волнистость, а то просто перья разной густоты торчали в одном им известном направлении. Спасали только заколки и резинки, хотя так ходить в моем возрасте уже неприлично. Да и цвет непонятный, хотя я и гордо называла его цветом платины, какой на самом деле неясно. А сейчас Мари очень спокойно разделяла их на пряди и как-то укладывала. Мне не было видно, что она делает, но пока она не сказала ни одного слова возмущения об их непокорности, даже мурлыкала какую-то мелодию. Весело спросила меня:

– Рина, а какие песни ты поешь?

– Я не пою.

– Поет-поет, еще как поет наша красавица, я её нашим песням научу, голос хороший, получится.

С сомнением посмотрев на Фису, вот уж этого таланта за мной никогда не наблюдалось, я спросила Мари:

– А кто будет на свадьбе?

– Я не знаю.

А зачем мне знать гостей, я все равно никого не знаю в этом мире, странном и непонятном, да хоть рогатые и хвостатые. Тем более, что я уже видела многоруких, многоногих и многоглазых, разных. Но это оказалось не самым интересным, Мари помолчала, а потом таинственно прошептала на ушко:

– Меня там не будет, ты мне потом расскажешь?

– Как не будет?

Я удивленно дернула головой, как это не будет, она же его дочь, но Мари крепко держала мой локон, и я ойкнула.

– Не вертись красавица, не мешай красоту наводить.

Фиса была на страже и строго посмотрела на меня:

– Меня тоже не зовут, Амир что-то такое придумал, никто ничего не знает, или тайну свято хранят, только он сам за тобой придет, нас уже выведут, одна мужа ожидать будешь.

Хмыкнув, я только пожала плечами, пусть приходит, раз сам

захотел широко свадьбу отмечать, какой-то ритуал придумал. Наконец Мари закончила с прической и подвела меня к зеркалу. У нее не было никаких заколок в руках, никакого намека на шпильки, но мои волосы необъяснимым образом удерживались в прическе, похожей на корону, какие-то косички, вплетенные друг в друга и образующие собой крупную косу вокруг головы. Даже странно: у меня нет столько волос, чтобы получилось такое сооружение. Мари горделиво улыбнулась, демонстрируя свое творение:

– Фиса, посмотри, как красиво, когда-нибудь мне тоже так волосы заплетут.

Я только вздохнула, из ее волос такую корону можно создать, будущий муж будет поражен. И в этот момент в комнату вошел Вито.

– Рина, ты готова?

– Да, она готова.

Мари вдруг стала очень серьезной, расправила плечи, гордо вскинула голову, даже губы поджала, оглянулась на Фису и приказала:

– Фиса, мы уходим.

А я вдруг испугалась до дрожи в коленках, схватила Фису за руку, а она обняла меня и зашептала:

– Яблонька белая, прислонись к дубу, переплетитесь веточками, цветение твое для него, а сила его для тебя.

Она решительно освободилась из моих рук и вышла вслед за Мари. В комнате остался только Вито, он подошел ко мне, склонил голову и встал на колено:

– Рина, мне поручено подготовить тебя.

А я вдруг вспомнила, что обувь мы не подобрали и прошептала:

– Я еще… тапочки… не переоделась…

– Обувь не нужна.

– В тапочках?

– Босиком.

Вито протянул руку, и я непроизвольно подала свою ногу, он снял тапочек, потом второй. От волнения я качнулась на одной ноге, он стремительно вскочил и поддержал меня, тревожно взглянул в глаза:

– Как ты себя чувствуешь?

– Я …хорошо.

Лихорадочно вздохнув и собрав остатки самообладания, я спросила:

– Как … готовить?

Он опять опустился на колено, хотя руку мою оставил в своей

ладони, склонив голову, торжественно произнес:

– Рина, ты дала свое согласие, и сегодня состоится ритуал клятвы. Готова ли ты?

От волнения я не поняла, кто на этом ритуале будет давать клятву, решила, что я, раз Фиса так сказала, и, подумав, что все равно ненадолго, сначала кивнула головой, потом ответила:

– Да.

Вито опять склонил голову, и задал следующий вопрос:

– Рина, готова ли ты пойти по предначертанному пути?

Вообще-то уже иду, вернее меня несет, от этой мысли я успокоилась, даже смогла улыбнуться:

– Да.

А следующий вопрос меня удивил.

– Открыты ли твои глаза?

Я распахнула глаза насколько смогла и призналась:

– Да.

Вито на меня даже не посмотрел, и я поняла, что за этим вопросом было не просто мое физическое зрение, что-то другое, но я не успела подумать эту мысль, Вито задал следующий вопрос:

– Осознаешь ли ты свою смертность?

Интересный вопрос, теперь, пережив столько боли, да, осознаю.

– Да.

– Ты согласна?

– Да.

Вито одним движением встал и накрыл меня накидкой с головой. Я погрузилась в полную темноту, хотя ткань накидки казалась тонкой, она совершенно не пропускала света. И тяжести оказалась невероятной. Звуки внутрь накидки не проникали, я так и стояла в полной тишине и темноте. Еще немного, и рухну под весом свадебного наряда.

Рука так неожиданно коснулась меня, что я вздрогнула. Пальцы были мягкими и теплыми, они обхватили мою руку, и неожиданно я оказалась в чьих-то объятиях. Некто обнял меня на мгновение и тут же подхватил на руки. Голос Амира произнес:

– Ритуал.

Я вся замерла и крепко сжала кулачки, прижала их к груди, Вито добился своего, странные вопросы настроили на серьезное восприятие происходящего. Дело уже не в поцелуе, меня ожидает настоящий ритуал и настоящая клятва.

Амир не стал снимать с меня накидку, куда-то шел медленным величественным шагом. Он не прижимал меня к себе, нес на руках как какую-то удивительную ценность, очень

хрупкую, которая может разбиться от дуновения ветра. Я постепенно успокоилась, нервная дрожь прошла, и я сама положила голову ему на грудь. От моего прикосновения он даже на мгновение остановился, но едва слышно вздохнул и пошел дальше.

Наконец он остановился и помог мне сесть в кресло, взял руку в свою ладонь, слегка сжал и произнес:

– Предначертанная встреча состоялась. Предназначение свершилось.

Амир сказал еще несколько фраз на неизвестном языке, странном, ничего общего с произношением известных мне языков. Темнота усиливала мою тревогу, которая сразу появилась, как только он начал говорить. Но тут же пронеслась мысль: ну и что, ничего уже не сможет сравниться с той болью, которую я перенесла, я ничего не боюсь. И что-то со мной произошло, как будто тревога разлетелась туманом от дуновения ветра, абсолютное спокойствие каменной статуи. Послышались голоса, и я узнала наш с Вито подготовительный разговор. Так странно слышать свой голос, и, между прочим, никакого волнения в нем не чувствовалось, я говорила почти весело, даже кокетливо. Я усмехнулась под покрывалом, интересно, а зачем это повторение, явно все слышал и видел. Значит, он кому-то демонстрирует полное мое понимание действительности.

Когда прозвучало мое последнее «да», Амир поднял с моего лица покрывало, уложил складкой на голове, а я вдавилась в спинку кресла, огромный зал, освещенный горящими факелами вдоль стен. Где-то на невообразимой высоте виднелись окна, едва пропускающие дневной свет, но они лишь виднелись на фоне живого огня факелов. На стенах были заметны рельефные изображения, подробностей я не успела заметить, Амир опять заговорил на неизвестном языке, и сумрак стен задвигался.

Их было около десяти, они подходили к моему креслу, преклоняли колено, едва касались губами левой руки и клали ее себе на голову. Высокие, очень и очень сильные, эта сила сквозила в каждом движении, в напряженном взгляде и даже коленопреклоненной позе. Странные костюмы из темной ткани, обтягивающие мощные тела, лица едва заметны в полумраке, видны лишь мерцающие в свете огня яркие белки глаз. В зале стояла тишина, было слышно лишь потрескивание факелов. Я не понимала значения действия, и когда последний участник отошел и исчез в сумраке, сразу подняла взгляд на Амира, возвышавшегося рядом с моим креслом.

Шейх. Он был одет в темный халат, весь расшитый золотом, под которым виднелась черная рубашка странного покроя с

многослойным воротом, и эта многослойность была закреплена большим белым камнем. На мой взгляд он едва шевельнул губами в улыбке, сказал несколько слов на том же таинственном языке и взял меня за левую руку.

Первым ко мне подошел Вито, он встал на колени, и Амир положил мою руку, прикрытую своей рукой, на склоненную голову и произнес лишь одно слово:

– Закон.

Затем Вито едва коснулся губами моей руки, удерживаемой ладонью Амира. То же проделал и Алекс. Они встали за нами, Вито за моей спиной, а Алекс за спиной Амира.

Я уже подрагивала от напряжения, и лишь распахнула глаза, когда в центре зала неожиданно загорелся огонь. Амир подал мне руку и помог встать, его голос зазвучал резко и громко в тишине зала:

– Священный огонь клятвы.

Он подхватил меня на руки и вошел в центр круга, который образовал огонь, он сразу ярко вспыхнул и образовал собой сплошную стену, окружившую нас. Я всем телом ощутила силу пламени, она пронизывала меня своими потоками, наполняла собой и что-то выжигала внутри. Уже практически теряя сознание, я прошептала:

– Амир, я клянусь исполнить свое предназначение…

Больше я сказать ничего не успела, огонь заполыхал так сильно, что Амир прижал меня к себе и прикрыл своим телом, казалось, мы сейчас сгорим в его пламени. Но странное дело, я не чувствовала жара, огонь гудел и сверкал, но температура не менялась. От его движения я пришла в себя, горячие руки обнимали меня, а губы касались лица. Это не было поцелуем, скорее попытка ощутить кожу, почувствовать ее. И тихий шепот:

– Рина, как ты себя чувствуешь?

– Не знаю, жива.

Я ощутила кожей его улыбку, и он снова коснулся мой щеки. Амир ее сейчас чувствует, слишком горячие губы, пылают почти как окружающий нас огонь.

Резкий звук затушил пламя, Амир медленно разогнулся и опустил меня на подрагивающие ноги. Он обнял меня за плечи, произнес несколько слов и снял с меня накидку. Я подняла глаза и увидела, что вокруг стоят те же самые эти самые в странных одеяниях, а за их спинами еще множество каких-то лиц в разных одеяниях, современной одежде и костюмах разных эпох, как на маскараде. Подошел Вито и взял из руки Амира мою накидку, а Алекс встал рядом с красивым большим золотым кувшином в руках. Торжественным голосом Амир произнес длинную фразу,

повернул меня лицом к себе и перевел:

– Рина, у нас есть источник, который называется Дар Солнца и Луны. Вода из него – благодарность моего народа за ту силу, которую ты передала мне. Взамен силы эта вода дает вечную красоту и любовь.

Он взял из рук Алекса кувшин и стал выливать на меня воду. Я не успела даже вздрогнуть, несмотря на то, что вода оказалась ледяной, моя кожа впитывала ее сразу, она как бы втекала внутрь тела. Корона из волос сразу намокла, но сдерживала поток воды, которая охладила разум и успокоила тело. Ручейки текли по моему лицу, остужая кожу, и протекая за ворот платья. Я вздрогнула плечами от холода, подняла глаза на Амира и сразу же опустила, однако, такой взгляд для бесчувственного мужчины немного странен. Голубизна потемнела, стала густой, в ней проносились яркие синие всполохи, и губы странно подрагивали.

Когда вода в кувшине закончилась и я вся промокла, Амир произнес очередную фразу на непонятном языке. Вито и Алекс встали на колен и опустили головы, за ними на колени встали все, кто нас окружал. Амир подал мне руку и странным голосом сказал:

– Сила твоя во мне, я в тебе.

И что это означает? Так, не будем вдаваться в подробности, ритуал – это действо очень символическое, так ко всему и будем относиться. Но когда подавала руку, глаза на Амира поднять не смогла. Как только наши руки соединились, факела вспыхнули ярким пламенем, а хор из мужских голосов произнес мое имя единым звуком:

– Рина!

Я не успела пригнуться, только сжалась в комочек и крепко зажмурилась, потому что Амир сразу подхватил меня на руки и куда-то перенесся.

Полная темнота, и ни звука, я даже поморгала глазами, но просвета не появилось – абсолютная темнота. Тихий голос Амира прозвучал у моих губ:

– Рина, это твой дом.

И сразу яркий свет, который практически ослепил меня, я зажмурилась, даже ладонями лицо закрыла. Прошло время, прежде чем я смогла открыть глаза и сразу ахнула:

– Амир…

Он опустил меня с рук и осторожно обнял за плечи. Это было невероятно, просто поразительно, вот это, я понимаю, дворец. Высокие окна, от пола до потолка в легких рамах из тончайшего золота, почти прозрачные гобелены на стенах с едва заметным оттенком солнца. А на потолке замершие в падении светящиеся

капельки прозрачной голубоватой воды в окружении облаков. Амир опустил руку, и я медленно кружилась, рассматривая этот невероятный дождик. Я бы упала, запнувшись за столик, но Амир успел подхватить меня на руки, хотя стоял достаточно далеко от меня. А столик! Произведение искусства из какого-то удивительного камня, весь инкрустированный цветами, красными, желтыми, синими среди яркой зеленой листвы. Настоящий рассыпанный по столу букет. Я зашевелилась в руках Амира, и он меня опустил на пол. Не удержавшись, провела пальцем по поверхности, но цветы были холодными, и я убрала руку. Послышался тяжелый вздох, и я обернулась, Амир стоял, сжав кулаки, и смотрел на меня совершенно черными глазами, лицо перекошено страшной гримасой. Я не успела испугаться, появились Вито и Алекс, обхватили его за плечи, и все исчезли.

Боль терзала тело и рвала душу. Иногда она на мгновение отпускала меня, и я приходила в себя, но никого не узнавала, видела перед собой только маску ужаса с клыками и страшным звериным взглядом. Чьи-то руки пытались меня обнять, но мое сведенное болью тело не принимало их, кожа ничего не чувствовала. Даже крик не получался, спазм в горле мешал дышать, я лишь хрипло стонала. Когда появился тонкий звук, я не осознала, но через какое-то время этот звук стал меняться, и боль отвлеклась на него. Постепенно стали ощущаться руки, ноги, а звук все усиливался, закрывал собой боль, и наконец, меня поглотила тьма, боль исчезла.

Мое сознание не хотело просыпаться, тело уже практически восстановилось стараниями Фисы и Вито, а душа спряталась так глубоко, что не могла уже выбраться из норки, куда сбежала от страшной маски на лице Амира. Он не появлялся, и я не спрашивала о нем, не приходила и Мари, о ней я тоже не говорила. Я вообще молчала.

Это была опять та комната в ковровом дворце, та же постель и тот же бассейн. Фиса сидела рядом со мной и держала за руку, у окна, склонив голову, стоял Вито.

– Девонька-яблонька, красавица ты наша, умница, скажи словечко, мне скажи, я пойму.

Но я смотрела на потолок и молчала. Оказывается, я никогда не обращала внимания на потолок, а он в этой комнате тоже очень красивый, такие интересные облака, многослойные, иногда среди них попадались настоящие тучи, вернее тучки, веселые такие тучки, но больше всего солнца. И люстра очень интересная, такие круглые разнообразные фигурки, квадраты, треугольники и непонятные формирования на золотых цепочках.

Самое странное, я ведь Амира не боюсь, на самом деле не

боюсь, пусть приходит и ломает, пьет такую необходимую ему кровь. Мою кровь. Мне все равно, мне на него все равно. На всех, на все.

– Ласточка моя, птица моя сладкоголосая, спеть тебе, моя хорошая?

Фиса все пыталась разговорить меня, пела разные народные песни, среди них я узнавала звуки, которые слышала в своей боли, и понимала, что это Фиса спасла меня своим пением. Но ничего ей не сказала о своей догадке.

Вито не участвовал в ее попытках, он что-то понимал в моем состоянии и только мрачнел все больше. Иногда приходил Алекс, раскладывал вокруг меня красивые камни, большие и маленькие, но ничего не происходило. В первый раз я взяла их в руки и рассматривала, чем всех очень обрадовала, но больше на них внимания не обращала. Сегодня он принес украшение на голову из этих камней и надел на меня, Фиса даже зеркало поднесла, чтобы я смогла на себя посмотреть, но я сразу его от себя отвернула. Алекс долго держал меня за руку и попросил не снимать украшение с головы, но я сразу сняла его и бросила на пол. Они с Вито о чем-то поговорили на том языке, который я слышала на ритуале, огорченно покивали головой, и Алекс ушел.

Первой не выдержала такого моего состояния Фиса, Вито вообще отличается долготерпением – каменная выдержка. Фиса подошла к нему и заявила:

– Где твой хозяин? Почему совсем пропал? Ты смотри, до чего довел нашу лебедушку, а сам испарился! Какой-то ритуал устроил, напугал ее, а сам …

– Он далеко.

Вито так и не поднял головы, отвечал глухо и на меня не смотрел.

– Почему далеко? Как это далеко? А жена?! Обманул, сбежал…

– Не сбежал.

– Зови его!

– Нельзя. Он сейчас ничего не понимает, может убить тебя.

Последнюю фразу Вито произнес уже у постели, взяв меня за руки.

– Рина, ему сейчас к тебе нельзя.

– Кровь.

– Да.

– Пусть заберет, я знала, что ему от меня нужно.

Фиса радостно подбежала, начала гладить меня по голове, хоть словечко вымолвила, нарушила свой обет молчания.

– Витек, это она сейчас не понимает, не совсем еще разум-то

проснулся…

– Я понимаю, я поклялась ему исполнить предназначение, надо клятву исполнить.

– Поклялась?!

– Да, у священного огня. И воды.

Вито согласно кивнул головой, значит в курсе, слышал мои слова.

– Пока нельзя, ты еще очень слаба.

– Какая разница.

– Большая, ты можешь не выдержать, с кровью уходят твои силы.

– Ну и что…

– Если ты погибнешь, Амир убьет всех, кто поклялся клятвой ответственности за тебя.

– Ирод! А что за клятва такая?

Фиса такую информацию пропустить не могла, присела на краешек постели и внимательно посмотрела на Вито, явно о подробностях ритуала ей не рассказывали. Он усмехнулся, но глаза как-то странно посветлели и он сел на пол.

– Все, кто подходил к тебе и клал на свою голову руку, поклялись, что отдадут за тебя жизнь. Это и называется клятва ответственности за тебя, если с тобой что-то случится, Амир всех убьет.

Фиса вздрогнула всем телом, прижала руки к груди и охнула:

– Да как же это, ирод проклятый, да кто же на такое пошел, ничего девонька, мы тебя в обиду сами не отдадим! А кто клялся?

Вито лишь улыбнулся мягкой улыбкой:

– Я.

– Ты?!

– Фиса, все, много их было. Вито, и что теперь делать?

– Ты должна быть абсолютно здорова к моменту переливания крови.

– И это поможет Амиру?

– Да.

– Почему?

– Ты должна остаться в живых, ты ему нужна.

– Зачем?

– Ты его жена.

– Правильно говорит Витек, истинно, ты готова должна быть, клятву исполнять надо в силах, да и Витек ничего парень, ирод-то этот точно его сразу и убьет, меня тоже, скажет, не спасла жену…

Фиса еще что-то говорила, но я ее не слышала. Вот какая клятва, придумал Амир страшное дело, всех под ответственность подвел, не спасете ее для меня, значит погибнете. Это ритуал, а

не свадьба, я головой покачала почти как Фиса.

– А что означает, что мы вам с Алексом вместе руку на голову положили? Зачем Амир сказал о законе?

– Ты наравне с ним можешь отдать нам любой приказ. Твое слово закон.

– Любой?

– Да.

Но пока никакой особенный приказ не придумался.

– Хочу бурю.

Он лишь пожал плечами, пожалуйста. Фиса даже рот ладошкой прикрыла, чтобы ничего лишнего не сказать, заговорила лебедушка, даже желание изрекла, вот и счастье.

Буря была так себе, но мне и этого хватило, я стала тонуть при первых же пузырьках, и Вито меня спас. Завернул в полотенце и объявил перерыв в шторме. И повелось, я плавала, сначала с Вито, потом уже самостоятельно, ела, спала, опять плавала. Через несколько дней подключилась Фиса, и я какое-то время плавать не могла, но все-таки заставила себя двигаться. И вот наступил тот день, когда Вито включил настоящую бурю. Я долго стояла у бортика и смотрела на бурлящую воду, вспоминала тот день, когда Амир меня из нее спас. Сейчас я удержалась на воде сама, даже Вито не пришлось прыгать.

Я стояла перед зеркалом и смотрела на себя. Плавание в бурю, которую Вито уже не меняет в управлении бассейном, маленькие жесткие руки Фисы, которая в стремлении поднять красавицу с постели не жалела сил, и собственная решимость сделали свое дело. Больше всего меня удивило то, что я сильно похудела, тело подтянулось и стало значительно стройнее, даже талия изобразила легкий изгиб. Я похлопала себя по животу, очень даже неплохо, диеты и отказ от вкусной еды в виде пирожков и конфет таких результатов не давали. Не лебедушка конечно, но уже и не та картина, от которой я пряталась, пытаясь не смотреться в зеркало.

Из комнаты я не выходила, сразу приказала Вито приносить еду в комнату, надо же, что придумал Амир, приказы наравне с ним. А не выходила непонятно почему, не хотела и все. Алекс приходил каждый день, брал меня за руку и старался передать мне свою энергию, я не брала. Уговаривать даже не пытался, только смотрел грустным взглядом. Да ни с кем я особо и не говорила, только изредка отвечала на вопросы. Думать тоже не хотелось, хотя в голове вопросы и возникали. Почему с Амиром такое происходит именно в моменты моего эмоционального восторга или волнения? Получает от меня энергию, и сразу звереет? А может сам волнуется? Он и волнуется? Мы оба

волновались, если конечно допустить, что Амир способен в принципе волноваться. Может, ледяной палец на губах тому свидетельство, даже в состоянии нечувствительности он волнуется, и не всегда может с собой совладать. Вот жажда с агрессией и побеждают. Зато я сейчас не волнуюсь ни о чем, значит, все получится. Клятву изрекла, исполняй.

В комнату быстро вошла Мари.

– Добрый день, Рина.

– Добрый день.

Она изменилась за эти дни: брови нахмурены, глаза строгие, и губы плотно сжаты, даже складка образовалась. Я повернулась к ней, а она неожиданно обняла меня:

– Рина, спаси отца!

Я была не готова к такому и едва коснулась ее плеч.

– Что случилось?

– Все непонятно, ничего не получается, мы с трудом удерживаем его.

Она тяжело вздохнула и села в кресло, я устроилась на постели.

– Понимаешь, Рина, он ни на что не реагирует, только рвется к тебе.

– Так надо отдать ему то, к чему он стремится.

– Неизвестно, как переливание скажется на тебе, все происходит не так, все неправильно и не вовремя! Все очень быстро, нет времени понять, что произошло, и у тебя тоже все неправильно! Мы не успеваем подготовиться!

Мари закрыла лицо руками, неправильность возмущала ее и пугала. Она боялась, я почувствовала этот страх, обычный страх ребенка за своего отца. Юная шестисотлетняя девочка.

– Мари, я совершенно здорова, можно переливать.

Она вздохнула, не поднимая на меня глаз, тихо проговорила:

– Может оказаться, что ее понадобится много.

– Сколько нужно, я готова.

Она вскочила и подбежала ко мне, встала на колени и прижала руки к груди:

– Рина, мы спасем тебя, всё для этого сделаем, все готовы, но без твоей крови ничего не получается! Он не хотел, держался, пока мог, испробовал все, ничего не действует.

– Мари, я готова.

В комнате неожиданно появился совершенно белый Вито, глаза светились яркой желтизной:

– Амир ушел, Мари!

Она вскочила и убежала, а я лишь спросила:

– Он ко мне идет?

– Мы сможем спрятать тебя…

– Вито, я готова.

Он долго смотрел на меня со своей высоты, глаза менялись постоянно, но желтизна победила голубые отблески.

– Хорошо.

Сразу появился Алекс с каким-то аппаратом, а я легла на постель, вытянула руку и закрыла глаза.

Я чувствовала, как кровь покидает меня, она текла медленно, но уверенно. Не было необходимости как-то ее вытягивать из тела, кровь сама по венам двигалась к тому месту, где Алекс установил аппарат. Никакой боли, лишь ощущение движения крови. И слабость, прав Вито, я стала слабеть сразу, такое чувство, что растекаюсь по постели как сдутый шарик. Странная мысль, я же уже все отдала, и силу и эмоции. То, как я себя вела в эти дни, говорит как раз об этом, у меня не стало эмоций, все на все равно. Пусть мое равнодушие поможет Амиру успокоить его буйство. И еще одна мысль появилась, от которой, пожалуй, моя кровь потекла чуть быстрее, Амир в таком состоянии совсем себя не контролирует, и как сказал Вито, ничего не понимает и явно никого не узнает. Он может по пути убить кого угодно. А они бы меня от него прятали и погибали.

Слабость все усиливалась, и я уже не могла открыть глаз, тихо засыпала, вот и хорошо, пусть так.

– Девица красная, открой глазки красавица, открой милая.

Глаза не открывались, сон продолжал давить, и тут послышался веселый голос Вито:

– Рина, буря уже началась, только тебя не хватает.

Буря? Какая буря? И я открыла глаза. Фиса сразу улыбнулась, погладила меня ладошкой по щеке. Хриплым шепотом я спросила:

– Получилось? Успели?

– Да.

И веселый светлый взгляд из-за спины Фисы. Вито даже руки на плечи ей положил, и она удивленно обернулась:

– Ты что это Витек?

– Радуюсь.

Я подумала, он впервые ее коснулся, ни разу я еще не видела, чтобы он ее как-нибудь рукой задел. И меня только в пространстве переносил, на руках, но так чтобы лишний раз не коснуться. А сейчас светится весь, почти обнимает Фису.

– Ты вставай, лебедушка, поднимайся, пора уже, на сто лет вперед выспалась.

Действительно, я прислушалась к себе и поняла, что чувствую себя хорошо, даже бодро. Откашлялась и уточнила:

– Буря ждет?
– Даже ветер можем устроить.

9

Это был Северный Ледовитый Океан в состоянии шторма. От радости, что у меня ничего не болит, я быстро переоделась и сразу прыгнула в кипящую пузырьками воду. Кричать в воде я не стала, только выпучила глаза и стала махаться руками и ногами, чтобы хоть немного согреться. Наконец уравновесилась и стала бороться с волной. Буря удалась, хорошо, что Вито ветер не наколдовал. А он стоял у бортика и смотрел, как я сначала барахталась в бурлящей воде, а потом плавала. Рядом с ним встала Фиса, взмахнула руками, но не успела ничего сказать, Вито сразу ее увел со словами:

– Рина не утонет.

Я согрелась от движения, мне уже было даже весело в кипящей от пузырьков воде, они бились об мое тело, но не могли остановить в движении.

Усталая, но очень довольная, я затребовала еды.

– Сейчас что, завтрак или обед?

– Обед.

– Неси.

– Предлагаю обед в столовой.

И опять веселый голубой взгляд, он, конечно, лишь предлагает, совсем не настаивает, но меня эта веселость удивляла и интриговала.

– Хорошо, можно и в столовой.

Вито радостно кивнул головой и вышел, а мы с Фисой стали выбирать мне наряд.

– Вот и хорошо, вот и молодец, яблонька наша, ты силу свою снова набрала, прав ирод оказался.

– В чем прав?

– Так он, уже с ним легче стало, угомонился он, как крови твоей получил, замер весь. А потом и говорит, что спасти только он и сможет, ты опять ни у кого силу не брала, только ему и доверила тело свое белое.

– Да о чем ты? Какое тело, почему ему?

– Ты всем белым телом своим у него энергию брала, прильнула к нему, руками ласковыми обняла. Поэтому скоро и силу вернула, только день да ночь и спала потом.

Я замерла на пороге гардеробной, да что это я творю, как только сознание теряю то сразу и целуюсь с ним, да еще и обнимаюсь всем своим телом! Ну, держись, ты еще меня не знаешь, муж благоверный, хоть ты и монстр, кровопийца и ирод, не таких видели, брак уже был, а брак он и есть брак, получается,

что один заменили другим. И я расхохоталась, ну вот, сама с ним целуюсь и обнимаюсь, а его же виноватым и сделала, пожалуй, все эмоции уже вернулись, хоть я ироду их и отдала. Конечно, в нем агрессия поднялась в усиленном виде, кто же в этих мыслях разобраться сможет, да буйстве эмоциональном, не повезло ему с объектом энергии, ой, не повезло.

Фиса встревожено посмотрела на меня, засомневалась, может, не стоило мне говорить о способе лечения, как-то уж больно странно я реагирую. Я только рукой махнула:

– Телом так телом.

Теперь наступила ее очередь удивляться, она широко распахнула глаза, но промолчала, только покачивала головой, пока я наряд выбирала. А я опять встала как вкопанная, это платье у меня уже было, или только появилось? Надо их как-то классифицировать, хоть по цвету, или веревочкам, поясками каким-нибудь. У меня никогда не было одежды в таком количестве, а исходя из того, что большую часть времени, проведенного в этом дворце, я или валялась в бессознательном состоянии, или обитала в халате, то естественно запомнить все богатство не смогла.

От того, что я выбрала, Фиса чуть не упала в обморок, руку к груди прижала, но оспаривать не осмелилась, жена, сама знаешь, в чем перед мужем выходить. А я подумала, сам купил, ну, сам не сам, но раз висит в гардеробе жены, значит, нравится. Эмоций у меня явно прибавилось, так как платье было такого желтого цвета, что в комнате светлее стало, когда я встала перед зеркалом. Мало того, оно еще было все в камешках цветных, не очень много, но они весело поблескивали по всему пространству разными цветными отблесками. Такая многоцветная желтая … слова не подобрать. В своей человеческой жизни я к такому платью даже подходить бы не стала, бежала от цвета, и тем более от камешков разноцветных, но во дворце, да еще ковровом, мне захотелось не только эмоционального буйства.

На этот раз Вито не был в курсе, глаза слегка округлились, но он их сразу опустил, не дело жену хозяина так рассматривать, и предложил руку, но я гордо отказалась, пойду пешком, заодно ковры пересчитаю. Но их количество совсем не изменилось, неужели о свадьбе, в смысле ритуале, ничего не сплели? Я даже остановилась практически у двери в столовую, а откуда я могу знать, все ли ковры на месте? Но ведь знаю, точно знаю и дорогу помню. Фиса сразу заволновалась:

– Ты чего, девонька?

– Вито, а … почему ничего не изменилось?

– Их перевезут в другое место.

– Все записи?

Я почему-то уже не смогла произнести слово ковер.

– Да.

Но Амира в столовой не было, вся моя готовность произвести фурор пропала зря, у меня даже настроение упало. Мы с Фисой удивленно посмотрели на Вито, и она решила, что раз в столовую позвал, то хозяин там будет, но он лишь пригласил нас за стол и ничего не изрек. Я хмыкнула, плечиком пожала и решила, нет и нет. Много ли нам надо, чтобы настроение поднялось и тут же упало, всего лишь возможность встречи, которая не состоялась. Вито стоял у стола, опустив голову, как страж, даже взгляд на нас не поднимал. Мы с Фисой опять переглянулись, и чего это он, только что так радовался, а сейчас превратился в статую.

Обед прошел в полной тишине, Фиса только покачивала головой, а я не нашла тему для обсуждения, в голове только вопросы роились, которые проявились по дороге в столовую. Купание в Ледовитом Океане подстегнуло мой мыслительный процесс, но думать было сложно, мозг отказался одновременно принимать пищу и распределять вопросы. Только мешанина странностей и вопросов.

Я уже пила сок, когда в столовую вошли Амир и такой же высокий мужчина лет сорока, темные волосы и пронзительные темные глаза. Амир был в черном костюме, отголосок которого отражался на лице, мрачный взгляд и строгое выражение.

– Добрый день, Рина. Познакомься, глава клана из Англии, лорд Бэверли.

– Рад встретиться с тобой, благородная Рина.

Вот уж чего я совсем не ожидала, так этого неожиданного знакомства с деловым партнером своего таинственного мужа. И сразу стала благородной.

– Добрый день, лорд Бэверли, рада Вас видеть в своем доме.

– Рина, я лорд по происхождению, но уже сотни лет я Роберт.

Я автоматически сказала «свой дом», но на Амира не смотрела в этот момент, поэтому реакцию знать не могла, но уже сказано, пусть будет так.

– Хорошо, Роберт, приятно познакомиться.

А вот это я уже лишнее сказала, выражение лица Амира можно было понять совершенно однозначно. Он хмуро обошел стол и встал рядом со мной.

– Рина, лорд Бэверли приглашает нас посетить его владение на юге Франции, у меня там дела, ты хотела бы поехать?

В состоянии шока я пребывала несколько секунд, Ледовитый Океан решил за меня, и я кивнула, одумалась и быстро ответила:

– Да, я с радостью принимаю приглашение лорда Бэверли.

Начиталась книжек, Кто же так в присутствии шейха разговаривает, вспомни гарем, опусти голову и тоненько мычи, мол, согласная, если муж разрешит, а туда же, радостно принимаю. Теперь в состоянии шока пребывал Амир, его спасла Фиса, ей все равно на лордов, она и слова-то такого, всего скорее, не знает:

– Езжай, миленькая, езжай, головку свою проветри.

Роберт улыбнулся, посмотрел на Амира и спросил:

– Амир, когда вас ожидать?

– Так скоренько и езжайте, чего уже откладывать.

Великолепная Фиса, она смотрела на Амира чистым ясным взором без тени сомнения, что ехать – так сразу, нечего в долгий ящик откладывать. И Амир решился:

– Мы прибудем через три дня.

Пешком пойдем, границы по лесам обходить будем. И чего это я так развеселилась? Платье желтое надела и сразу решила вылететь из гарема. Вспомни ритуал, огонь и воду, особенно тех, кто твою руку на голову клал в клятве. Роберт чуть склонил голову, на меня больше не смотрел, они перекинулись несколькими словами с Амиром на непонятном языке, и он попрощался:

– Рад был познакомиться, я жду тебя в гости, Рина.

У Фисы глаза стали как два блюдца, а я склонила голову в попытке не захихикать, веселье пузырьков слишком сильно бурлило во мне. За меня ответил Амир:

– Лорд Бэверли, мы прибудем в назначенное время. Рина, я вернусь поздно.

И они исчезли. У меня сложилось впечатление, какое-то смазанное видение, что Амир подхватил Роберта за локоть и унес с собой. Я какое-то время смотрела на Фису и пыталась не засмеяться, а она вообще ладошкой рот прикрыла. Только присутствие Вито сдерживало нас, чтобы не выразить каждой по-своему удивление поведением Амира. Что это было? Как будто это обычное явление, встретился муж с деловым партнером, договорился с ним о поездке, и заодно жену проветриться берет с собой. Не было морды с клыками и ужасной маской, страшного стремления к моей крови и агрессии, все уничтожающей на пути. Хоть бы слово до этого сказал, мол, спасибо дорогая за спасение, счастлив, что ты жива осталась.

А этот гость тоже фрукт, вроде как с Амиром договорился о деловой встрече, а как тот жену с собой решил брать, так сразу жду только тебя, скучать буду до встречи. Кстати, а где до свидания, благородная Рина? И кому это Амир сказал, что будет поздно? Гостю? Или Вито? То, что это никак не касается меня,

однозначно, а может подождать, выяснить, кому же слово было сказано, ага, а вдруг предупреждает о первой брачной ночи мужа и жены? Я растерянно посмотрела на Фису, и увидела на ее лице те же сомнения. Мы одновременно повернулись в сторону Вито, но он загодя опустил голову так, что лица не было видно совсем.

– Фиса, а ты со мной не поедешь?

– Нет, миленькая, ты за мужем теперь ниточка, куда он туда и ты.

Но уверенности в ее голосе не было, она так же растерянно смотрела на меня, не нравилась ей ситуация с поездкой.

– Витек, скажи мне, только в глаза смотри, знать я должна в точности, можно ироду верить? Не погубит нашу лебедушку?

– Не погубит.

Взгляд честный и совершенно чистый. Чтобы уже совсем развеять наши сомнения, он добавил:

– У Амира нет никаких признаков жажды и агрессии, его состояние проверили кольцом.

Я с трудом вспомнила, о каком кольце говорит Вито, а Фиса удовлетворенно кивнула: значит, можно верить.

– Тогда правильно ирод решил, вам надо вдвоем, дубу и березоньке, без остальных побыть, никто чтобы не мешал разумом говорить.

Насчет разума Фиса погорячилась, у меня с ним совсем плохо: ни о чем думать вообще не хочу, даже странности раскладывать, искать ответы на вопросы, а уж Амир только в себя пришел. Хотя, он у него, ум-то есть, всегда крепче моего был, раз шестьсот лет прожил, да и вождь целого народа, одна надежда на него. Вито как угадал мои мысли:

– У тебя будет возможность получить ответы на свои вопросы.

– А здесь нельзя?

– Амир завтра снова уедет и вернется перед вашим отъездом.

И опять чистый взгляд, отчет о расписании поездок своего хозяина на ближайшие дни. Это чтобы жена была в курсе.

Ночью я почувствовала Амира, очень странное состояние. Я спала и не спала, глаза были закрыты, но при этом я чувствовала его присутствие в комнате. Он медленно подошел к моей постели и невесомо коснулся руки, провел пальцем до плеча, замер, но не решился коснуться шеи, вернулся к локтю, там задумался, решился и сразу коснулся губ. Палец не был ледяным, но и не горячим, он просто жил, то есть ощущал меня, мою кожу. Я проснулась и распахнула глаза: никого не было.

Утром под ворчание Фисы я думала о наших странных отношениях с Амиром. Совершенно чужие люди, ничего общего, не говоря о крови и энергии, просто мужчина и женщина, и при

этом я сама его целую и обнимаю. Правда, в бессознательном состоянии. И нужно признаться самой себе, что я очень ждала его, хотела увидеть, может быть поговорить, правда, разговор мог и не получиться, слишком у нас мало опыта разговоров. Может быть, поэтому я так радостно согласилась на поездку, надеялась, что он будет рядом… и мне будет этого достаточно? Просто ощущать его присутствие, пусть даже молчаливое? Ответа на этот вопрос у меня не было, как и на многие другие.

В течение двух дней не было не только Амира, но и Вито с Алексом, не появлялась и Мари. Казалось, что на весь дворец были только мы с Фисой. Когда мы шли завтракать, совершенно не по времени, кстати, во всем дворце я не видела никаких часов, телевизоров и радио, вообще никакой развлекательной техники, в столовой всегда было накрыто в соответствии с тем, что на данный момент должно быть, завтрак, обед или ужин. Мы с Фисой по молчаливой договоренности решили никак не реагировать на полное отсутствие кого-либо и занимались своими делами, то есть я плавала, а Фиса контролировала, или я спала, а она стерегла меня, подремывая в кресле. Мы даже между собой мало разговаривали – она о чем-то очень серьезно думала, а я старалась ни о чем не думать. Черта проведена – надо суметь принять новую жизнь без вопросов. Или это просто очередной побег от реальности? Ничего не хочу понимать, как Фиса тогда сказала, стала такой, какого сама выбрала, значит, я и сейчас сама такого выбрала, о котором думать не хочу.

Вито появился утром третьего дня, как и обещал Амир.

– Доброе утро.

– Доброе, Витек, доброе.

– Вито, доброе утро, ты пришел позвать нас на завтрак?

Я спрашивала в абсолютной уверенности, что он сейчас скажет, поездка отменяется по независящим ни от кого обстоятельствам, и Амир опять уехал по делам.

– Все готово для поездки. После завтрака можно отправляться в путь.

– Ты едешь с нами?

– Нет, с вами поедет Алекс.

И тут возник вопрос, я ничего не приготовила из одежды для поездки, в своей уверенности, что никуда не поеду, я даже не задумалась об этом.

– Вито, а … как надолго мы едем?

– Амир не уточнил сроков поездки.

– Я ничего не …

– Тебе нет необходимости с собой что-то брать, вы будете жить в доме Амира рядом с поместьем лорда Бэверли. Для тебя

там все приготовлено.

– У Амира там есть свой дом?

– Его купили в связи с поездкой.

Фиса подозрительно молчала, опустив глаза, и я заволновалась:

– Фиса, ты же не уедешь?

– Не знаю, девонька.

– Вито, Амир в доме?

– Он ждет в столовой.

Я решительно пошла, даже не стала переодевать халат, Фиса подскочила за мной:

– Рина, лебедушка, яблонька, ты не сердись сразу, он муж твой, ему решать…

– Мне решать.

Я резко развернулась, и она едва успела остановиться, Вито даже придержал ее за плечо.

– Может, ты сама хочешь уехать домой?

Она опустила глаза, внутренняя борьба проявилась в крепко сжатых губах и взмахе руки:

– Рина, да я бы осталась, мне детки эти никак покоя не дают, я бы к ним съездила, еще раз посмотрела на них, может, я кому помогу. И ты у нас шутница, мало ли что придумаешь…

– Значит, остаешься.

Амир стоял в столовой у окна и смотрел куда-то вдаль, руки за спиной и сжатый кулак. Неужели опять началось? Эта мысль встревожено пронеслась в голове, но остановить себя я не успела:

– Доброе утро. Амир, можно Фисе устроить поездку в школу, где мы были с Мари? Пока мы будем ездить, она бы там …

– Доброе утро. Она может там жить в наше отсутствие.

Однако, быстрое решение, и вдруг я вспомнила, они же слышат лучше людей, Амир услышал наш разговор, у него было время принять решение. И мое заявление, что решать мне, он тоже слышал, и согласился. Но взгляд был строг, можно даже сказать, что мрачен и я неожиданно для себя рассердилась на него:

– Амир, ты не хочешь, чтобы я ехала с тобой?

– Почему ты так решила?

– А я тебя вижу, весь твой недовольный вид, не хочешь, чтобы я ехала – не поеду, буду с Фисой жить в школе.

Мне показалось, что он растерялся, даже головой повел, как будто не совсем понял, о чем я говорю. От этого зрелища я совсем повеселела, и уже с откровенной улыбкой добавила:

– Тебе меньше проблем будет.

Но, пожалуй, я была частью его какого-то его плана, потому

что он вскинул голову и произнес тоном генерала:

– Мы едем вместе. Вито.

Они оба исчезли, а я гордо посмотрела на Фису, вот так, будет, как я скажу, а она только сокрушенно головой покачала:

– Рина, ты так с мужем-то говорить поостерегись, ирод, он иначе человеческому думает, у него мысли свои, нам неведомые.

– А я его не боюсь, и не боялась никогда, раз жена, то будь добр веди себя как муж, объясни все, зачем едем, что делать там будем. И вообще, Мари только и говорит, отец все объяснит, все расскажет, а он ни слова еще толком не сказал, пакет кинул и все, понимай сама.

Я глубоко вздохнула и удивилась, чего это я так разбушевалась, так радовалась поездке, потом категорически не поверила в саму возможность такой поездки, а теперь даже заявила, что муж не так сказал, не так позвал. И вообще, посмотрел не так. Фиса тоже удивлялась, высоко бровки подняла, глаза распахнула и держалась за уголок платка.

– Ты девонька, смотри, в пути не сильно мужу докучай, вопросы сначала обдумай разумом, а потом уж спрашивай, кто его знает…

– Фиса, у моего бывшего никогда толком ничего не могла понять, что в его душе творится, как на войне с врагом, только и жди удара в спину, и с этим так же? Тогда зачем говорил, что спасти хочет? Зачем тебя привез? Заел бы, закусил, как пирожком, ничего, оправдался бы перед своей королевой: не успел ничего понять…

– Рина, остановись!

Фиса так громко крикнула, что я пригнулась над столом.

– Он слышит все…

– Вот пусть и слушает! Проходила я это все уже. Сама говоришь, что с каким жила, такой и стала, раз жива осталась, то пусть как к жене относится, а не как… девке из гарема!

– Да он, березонька моя…

– Я не береза! Я корявая Баба-Яга! В душе у меня ничего нет, Фиса. Что было… а была только обида да боль, скорежило меня, и сейчас нет у меня веры никому, понимаешь, никому, и тебе тоже, я вообще никому не верю! И ему не верю ни в чем, подумаешь, в живых оставил, так для себя же, чтоб дольше силу свою получать, а на меня ему наплевать. Будет, как куклу, таскать, королеве своей показывать. Мол, смотри: она у меня хорошо живет, как ты сказала, так и делаю! А сам только как с игрушкой – новая вот и интересно, а, может, уже и не интересно, только королеве уже обещал, деваться некуда! Да еще ее мужа боится, вдруг тот слово свое сдержит, да за кровь своей жены и

отмстит, сама говорила, что он-то ее любит, хоть и нелюдь.

Я говорила, а сама прислушивалась к себе: что это я, зачем говорю свои мысли, никогда так откровенно душу свою ни перед кем не открывала. И это не страх – я не боюсь Амира, его реакции на свой гневный выпад, а может наоборот, провоцирую на хоть какое-нибудь действие, хоть капельку информации, объясняющей его истинные намерения? А вот это, пожалуй, ближе к истине, это игра, мой мозг уже что-то просчитал, продумал какие-то ходы в борьбе с Амиром.

Фиса смотрела на меня, и ее лицо становилось все грустнее, а потом и слеза покатилось по щеке. Она утерла ее уголком платка и вздохнула:

– Ох, девонька, березка белая, много в тебе перемешалось за жизнь, только ту жизнь огонь уже сжег, да вода унесла. Теперь лишь ты сама можешь снова ее вернуть, да обидами укрыться, заново каменьями-то обложиться вокруг себя. А новая жизнь мимо тебя пройдет, не увидит тебя, с собой взять не сможет.

Мой гнев прошел, и я лишь мрачно смотрела на Фису, но ответить не успела – в столовую вошел Амир. Он опустился передо мной на колено:

– Рина, я обещаю ответить на все твои вопросы. Ты моя жена.

Его взгляд не был ясным, в нем проносились всполохи всех цветов: то яркая голубизна, то глухая чернота, то прозрачная серость, которая уничтожала даже зрачок. Я на мгновение замерла от неожиданности, и опять что-то решило за меня, моя рука потянулась к нему, и он подал мне свою ладонь.

– Я постараюсь быть честным с тобой и добиться твоего доверия.

Моя рука на секунду задержалась над его раскрытой ладонью, но потом все-таки сделала вид, что поверила и опустилась в нее. Мое внутреннее недоверие не ушло, оно спряталось где-то глубоко внутри души, но шаг навстречу был сделан.

Фиса обняла меня на дорожку и прошептала на ухо:

– Красавица, ты помни одно, он раз обещал, слово свое не нарушит. А уж от тебя самой будет зависеть, как ты слушать его будешь, да что услышишь, глазами как посмотришь, да захочешь увидеть.

– А я увижу?

– Увидишь, только смотри да слушай. Ты сразу каменьями-то не обкладывайся, подожди, оглянись вокруг да песню послушай.

– Песню?

– Он хоть и ирод, да поет тебе, ты постарайся девонька эту песню его услышать, хоть и разными звуками поете, да все одно,

песня эта только вам двоим и звучит.

Алекс вошел и радостно улыбнулся:

– Здравствуй, Рина, ты готова?

– Да.

На руки меня брать не стал, рядом пошел, но улыбка так и осталась на лице, и глаза веселые, тоже хочет из дворца на волю вырваться.

Если Амир хотел меня удивить, то у него получилось. Я встала на лестнице как вкопанная, даже хотела за спину Алекса спрятаться, но он не стал мне помогать, сразу отодвинулся. Машин было много, я, конечно, их не считала, но эскорт был внушительным, у каждой машины стояли высокие молодые, не знаю, всего скорее не люди, в черных костюмах, такие, как стояли тогда на лестнице. А может те, которые мне клялись во время ритуала? Тогда я их бояться не должна, они мне жизнь свою согласились отдать. И я смогла спуститься на одну ступеньку, удерживая себя, чтобы не схватиться за руку Алекса.

Амир стоял у ближайшей машины и не делал никаких попыток помочь мне, смотрел темными глазами, даже губы сжал. Он был одет в такой же черный костюм, как и все, ничего из одежды не выделяло его, но при этом сразу было понятно, что он вождь. Я посмотрела на него лишь мельком, но продолжала видеть его перед собой, когда пыталась не упасть на ступеньках. Значительная фигура и властный взгляд, за которым еще что-то, очень таинственное и непонятное, посадка головы, гордая, никому не подчиняющаяся. Вот оно, наконец, я уловила то, что его отличало: так держать голову может только вождь, как там у нашего великого вождя было написано, «непоротое» поколение. Эти мысли проносились в моей голове, а тело переступало по ступенькам высокой лестницы и пыталось не качнуться на подрагивающих ногах.

Когда я уж подходила к машине, Амир подал мне руку и помог сесть в кресло рядом с водителем, я удивленно посмотрела на него, но ничего не сказала. А когда увидела ремень безопасности, не выдержала:

– Ты меня этим закреплять будешь?

– Да.

На удивление широкий ремень не мешал сидеть, он не припечатал меня, а лишь мягко обнял собой, добавил внутренней уверенности. Ну да, если вспомнить, как он вел машину в прошлый раз, лучше пусть будет такой. И я поняла, почему он не подходил ко мне на лестнице, ему вспомнилась та наша поездка, после которой меня едва спасли. Вдруг опять что случится, и я сразу решила свою догадку уточнить, обещал же откровенность.

– Ты вспомнил нашу поездку к морю?

– Да.

И на этом подробности закончились, он рванул с места так, что я обрадовалась наличию такого широкого ремня. Если что случится, от меня хоть кусок останется. Амир понял, что погорячился и сбавил скорость, оглянулся на меня:

– Ты можешь не беспокоиться, у нас специальные машины, их практически невозможно разбить. Для тебя важно лишь пристегнуться ремнем безопасности.

– А тебе он не нужен?

– Нет.

Я посмотрела на идущую впереди машину и поразилась тому, как она реагировала на изменение скорости движения нашей: Амир чуть сбавил скорость, и она тоже поехала медленнее на те же самые чуть. Обернуться назад мне не позволил ремень, и Амир сразу спросил:

– Что ты хочешь увидеть?

– А если ты неожиданно остановишься, тот, кто едет за нами, успеет остановиться?

– Успеет.

И сразу показал: так резко остановился, что я бы вылетела в окно, если бы не спасительный ремень. Послышался визг тормозов, но в нашу машину никто не въехал. Странно, но и впереди идущая машина тоже очень резко остановилась. Когда я отдышалась, то сразу спросила:

– А как они так могут?

– Это их задача: не нарушать границу сопровождения нашей машины.

– А зачем?

– Они охраняют тебя.

– Меня?

– Ты объект охраны номер один.

– А тебя?

– Мне не требуется охрана.

– Но ты же сможешь меня защитить?

– Да. Но они должны быть готовы ко всему.

– А от кого защищать? У тебя есть враги?

– Не враги, те, которые могут напасть.

– А какая разница?

– Враг идет войной, у него есть цель, а эти только могут попытаться захватить тебя.

Я уже открыла рот, чтобы возразить, но увидела его лицо и проглотила вопрос. Оно стало таким жестким и мрачным, казалось, что он даже глаза закрыл от какой-то мысли. Мне

пришлось отвернуться к окну, чтобы спрятаться от этого лица, и я вздрогнула, когда услышала металлический голос.

– Рина, ты хочешь откровенности, но может получиться так, ты не захочешь меня знать или возненавидишь.

– Ты этого боишься?

Он молчал очень долго, только скорость движения увеличивал, еще немного, и мы полетим над дорогой, я уже не могла заставить себя посмотреть в окно, так быстро там проносились какие-то объекты, вернее смазанные картинки. Ответ прозвучал таким же голосом:

– Да, я этого боюсь.

И неожиданно сразу продолжил уже нормальным тоном:

– Я сотни лет был хитрым и жестоким главой большого клана, использовал все средства для достижения своих целей. И убивал всех, кто вставал на моем пути.

Он заехал на какую-то небольшую дорогу, окруженную со всех сторон гигантскими деревьями, растущими на склоне крутой горы, и остановился. А я удивлялась нотке сомнения в голосе, он говорил о себе, и в чем-то сомневался. И именно это сомнение заставило его остановиться. Амир отвернулся к окну и опять долго молчал, опустив руки на колени и сжав кулаки. Неожиданно кивнул головой и посмотрел на меня ясным голубым взглядом:

– За свою долгую жизнь я создавал самые невозможные ситуации, обходил врагов своей хитростью, способностью вычислить слабости и сомнения. Проиграл лишь один раз.

– Королеве.

– Да.

Он усмехнулся и опустил глаза.

– Она спасла Мари и дала мне тебя.

– Дала? Она знала, что именно я…

– Она сказала, что ты обязательно появишься, и заплатила за это частью своей жизни.

– Частью жизни? Я не понимаю…

– Она потеряла много своей жизненной энергии. Так было всегда, когда она обещала, так было с теми, кто благодаря ей встретил своих… жен.

Амир опустил голову и медленно расправил свои ладони и даже поводил ими по коленям. Не поднимая головы, глухо продолжил:

– Она пообещала мне, что я обязательно тебя встречу… я был врагом, пытался выкрасть ее… чтобы она вылечила Мари. Я шантажировал ее и напал… я ее не понимал… не мог осознать, что только ее доверие мне может помочь… помочь Мари…

Он замолчал и отвернулся к окну. Тяжело ему было признаваться в своем непонимании королевы, только зачем он это говорит мне? Зачем признается? И опять что-то поднялось во мне, что-то темное, какое-то стремление сделать ему больно, видимо слова Фисы не достигли моего сердца. Мелькнувшее воспоминание не успело меня остановить, я резко спросила:

– И теперь ты всегда и во всем оглядываешься на ее слова? Ты выполняешь ее приказ? Поэтому не убил меня?

Амир резко обернулся, и взгляд потемнел, но меня уже несло потоком непонятной мне самой обиды:

– На самом деле не я тебе нужна, ты добиваешься доверия королевы, раз она заплатила за меня не знаю уже кому, дала меня тебе, как ценный подарок, сказала: «Владей, она твоя!» Только меня никто не спросил, хочу ли я быть этим подарком!

Я не опустила глаза перед грозным черным взглядом, ждала реакции, всего чего угодно, даже удара, что он одним движением размажет меня по креслу. Таков был этот взгляд, и губы превратились в две едва заметные ниточки на фоне такого же белого лица. Неожиданная усмешка поразила меня больше, чем возможность распасться на капли крови.

– Ты права, я неправильно сказал.

И голос спокоен, никакого напряжения. Не ожидала я и того, что он решит взять меня за руку, не успела ее убрать, и Амир своими длинными пальцами жестко ее обхватил.

– Рина, я не умею говорить о себе правду. Королева – единственная женщина… единственная человеческая женщина, с которой я общался за многие годы.

Он опустил голову так низко, что я опять увидела эти непокорные пряди на макушке, странно, но именно они успокоили меня, темнота в душе исчезла, хотя обида и осталась. Видимо он почувствовал, что я успокоилась, поднял голову и посмотрел тем же черным взглядом.

– Я лишь недавно перешел на донорскую кровь. Твое сердце бьется у меня в голове, я слышу, как двигается кровь в твоем теле, я чувствую ее на любом расстоянии.

У меня получился только шепот:

– Донорскую…

– Для меня пищей были люди. Их жизни давали мне силу.

Он продолжал держать меня за руку, и его пальцы превратились в ледяной металл, который своим холодом запечатал мою ладонь. И этот холод постепенно поднялся по руке и заледенил все тело. Ирод, нелюдь. Я закрыла глаза, но все еще видела перед собой непокорные черные вихры.

10

И только сердце продолжало биться в моем леденеющем теле, оно продолжало перегонять кровь, не давая возможности льду совсем заполнить меня. Едва разомкнув губы, я прошептала:

– Я не королева, просто женщина.

Рука Амира ослабила свой захват, как будто он на самом деле только осознал, что я всего лишь слабая человеческая женщина, и стала теплеть. Наконец он убрал свою руку.

– Прости.

Не сразу мне удалось развести слипшиеся от жесткого ледяного рукопожатия пальцы, пришлось обхватить их рукой, чтобы они быстрее согрелись. Он повторил:

– Прости.

Разминая себе пальцы, я вдруг подумала, кто знает, может быть, он действительно не умеет говорить с женщинами. Сказала же Фиса, что он только и воевал, спасал Мари, а королева на самом деле ему помогла, раз он был готов умереть, лишь бы меня спасли. Да и темнота в душе насторожила, Амир не виноват, что я когда-то обиделась на того, кого выбрала сама. Права Фиса.

– Амир, я тоже не совсем… но я ничего не знаю о мире, в котором оказалась, все странно и непонятно.

Он облегченно вздохнул и едва коснулся моей руки уже теплыми пальцами.

– У нас долгий путь, я отвечу на все твои вопросы.

Совершенно мужская логика, вот все они одинаковые: сам так говорил, что я вскипела как чайник, а теперь предлагает задавать наводящие вопросы, будет долго мычать, чтобы было время сформулировать ответ так, как ему нужно и не сказать лишнего. Я решила не позволять себе дальше сомневаться в решимости Амира завоевать мое доверие и задала вопрос:

– Зачем ты едешь к Роберту?

Все так и вышло: Амир отвернулся, завел машину и поехал. Ну, и зачем обещать?

– На его территории разведка обнаружила детей с кровью моего народа.

– Ты хочешь их забрать себе?

– Да.

– А как, ведь у них есть родители?

– Это дом, где содержат детей, от которых родители отказались. Они больны и их изолировали.

– А чем больны?

– У людей эту болезнь называют синдромом

иммунодефицита.

– Спид?

– Да. Я должен решить, что с ними делать.

– Как что?

– Насколько велика вероятность, что они смогут заразить остальных, возможно ли их …

– И что? Что ты сделаешь, если они действительно заразны? Оставишь их здесь?

Он лишь посмотрел на меня темным взглядом, но ничего не ответил.

– Или что?

Темный взгляд стал еще темнее, и я отвернулась к окну, вот разговор и закончился, хотя дорога длинная, мне, пожалуй, уже говорить не хочется.

– Медицинская служба определила, что у всех детей практически нет шансов выжить. В них можно лишь поддержать жизнь на некоторое время. Я пока не знаю, как им помочь. Мари тоже там.

– А вдруг она заразится?

– Нет.

Я не стала уточнять, почему он так уверен, что Мари не заразится страшной болезнью, она вообще странная девушка, которой двенадцать лет. У меня давно появились вопросы об их отношениях, но я считала, что не в праве их задавать, как бы я не называлась в документах и ритуале. Фиктивная жена не может быть мачехой для дочери своего фиктивного мужа. Но сам Амир нарушил молчание:

– Мари унаследовала в полной мере способности нашего народа управлять энергией.

– А как называли твой народ?

– Хасы. Мы называли себя иначе.

И произнес красивое певучее слово, которое я никогда не смогу произнести. Неожиданно улыбнулся.

– Наши имена …

Но ничего произнести не успел, вдруг страшно побледнел, щеки и глаза стали проваливаться, через мгновение передо мной уже было не лицо, а череп, обтянутый серой пергаментной кожей. Припечатанная к креслу ремнем безопасности, я не смогла отпрянуть от него, лишь вздрогнула всем телом, и Амир резко отвернулся от меня. Хриплым голосом произнес:

– Прости.

– Что? Амир, скажи, что случилось?

Он резко остановил машину, я дернулась вперед, и он неожиданно обнял меня всем телом, практически вдавил в

кресло. Прошло несколько секунд нашего странного объятия, прежде чем Амир отодвинулся от меня и сел на свое место, а я смогла вздохнуть. Непонятным звуком он произнес:

– Их всех убили.

Я обомлела, губы свело, и получился едва слышный шепот:

– Детей? А Мари?

– Ты вернешься во дворец.

Но с места не двинулся, лицо постепенно вернуло свой облик, вернее ушли впадины на щеках и глазницах, кожа стала просто бледной, но взгляд приобрел страшный прищур и губы посинели от напряжения. А я покачала головой и заявила, четко произнося слова:

– Я поеду с тобой.

Взгляд не испугал меня, каким-то десятым чувством я поняла, что он не ко мне относится, к тем, кто это сделал, Амир просто удивился моим словам.

– У нас говорят, муж с женой в горе и в радости вместе. Только тогда они семья.

Я не знаю, понял ли он, что я имела в виду, что он знает о семье, что в принципе значит для него это слово, но продолжала смотреть в эти серые глаза без зрачка.

– Женщине не место …

– Ее место в гареме?

Момент истины, странно, но неожиданно промелькнуло это выражение, и я осознала значение своего вопроса. Кто я для тебя, что на самом деле означает новый ритуал, который ты сам придумал для оформления наших отношений, вот что стояло за ним. Очередная девушка, вернее непонятная тетка с необходимой для тебя энергией, или та, внимание и доверие которой ты добиваешься? По крайней мере, так утверждаешь. И Амир понял, взгляд изменился, напряжение не ушло, но промелькнула волна едва заметной голубизны, и последовал ответ:

– Зрелище не для твоих глаз.

– Переживу.

Он уже решил на самом деле, только предупредил, чтобы была готова, и мой ответ вызвал странную усмешку. Неужели сомневается в моей выдержке, хотя я и сама не очень понимаю, откуда такая храбрость во мне появилась. Машина взревела, и мы понеслись на невероятной скорости. Чтобы не видеть ее, я опустила глаза. Неожиданно в кабине потемнело, и я удивленно оглянулась вокруг: абсолютно черные окна по бокам, а лобовое стекло постепенно сереет.

– Рина, я все вижу, но тебе ездить на такой скорости непривычно, поэтому я затеню все окна в машине. Если хочешь,

можно включить свет.

– Не нужно, пусть будет так.

Через несколько минут я пожалела о сказанном, так как ехать в подрагивающей от скорости машине в полной темноте оказалось очень страшно. Амир, видимо, почувствовал мой страх и включил освещение.

– Наши машины специально оборудованы так, что в них невозможно перевернуться.

Спокойное лицо, лишь напряженный взгляд темных глаз. Я вздрогнула от его голоса, он смотрел на меня, а машина продолжала ехать на невероятной скорости.

– Они созданы из новейшего металла, разбить практически невозможно.

Он мягко улыбнулся.

– Эту машину сделали специально для тебя. Мари жива.

Я облегченно вздохнула и закрыла лицо руками. Он так долго ничего не говорил о ней, как будто ее судьба его не волновала, только дети.

– Рина, может, ты все-таки вернешься?

– Нет.

Я опустила руки и посмотрела в его напряженное лицо.

– Если ты действительно хочешь, чтобы я была настоящей твоей женой, не просто сгустком энергии, то тебе придется показать мне свою жизнь.

Помолчала, разглядывая плотно сжатые губы и сощуренный взгляд в черноту лобового стекла, и добавила:

– Твоя жизнь и есть ты.

Желваки прошли волной по щеке, и взгляд исчез под прищуром.

– Ты человек.

– Поэтому не смогу тебя понять?

Брошенный искоса взгляд подтвердил мои слова, и я снова мгновенно завелась. И куда делось мое извечное спокойствие, каменная маска невозмутимости, которая раздражала бывшего мужа похуже красной тряпки.

– Да, я человек, обычная женщина, ничем не примечательная, без всяких талантов и возможностей, да и ума не много, совсем чуть-чуть! Тебе не повезло, королева тебе не досталась, раньше увели! Шейх, султан, а случайно получил непонятную старую тетку! Зачем женился тогда? Мог Фису отправить домой, а меня посадить в клетку, подвал какой-нибудь! А что, приковал бы к стене, приходил иногда энергетически подпитаться, пока не высохла вся…

Вся в праведном гневе я даже руками взмахнула, пальцами

ударилась о потолок машины и зашипела от боли, поэтому не сразу расслышала тихий вздох.

– Что смеешься? В твоем гареме, небось, никто не смел даже слово сказать…

– Я не смеюсь.

Неожиданный яркий голубой взгляд и робкая улыбка на губах. Робкая? Странно я подумала после жесткого прищура гневного шейха, готового к убийству. Амир остановил машину и всем корпусом повернулся ко мне.

– Ты меня ревнуешь?

– Что?!

Но он не стал слушать меня, рванул с места и заговорил на непонятном языке четкими фразами генерала. А я отвернулась в темноту окна и, вздохнув несколько раз, задумалась. Все странно, сумасшествие как в кино, ужасы в теоретическом понимании, к счастью Амир еще никак мне не демонстрировал своих возможностей, о которых с придыханием говорила Фиса. То как они переносят меня по дому, как воздушный шарик, никакого напряжения в руках, будто и не замечают, что что-то держат в руках, одинаково у обоих, Амира и Вито. Ну, еще момент восстановления Алекса, тоже как картинки изменения их глаз. Вот и все физические странности, которые отличают их от людей. Реальна только боль, ужас передачи моей энергии Амиру.

Я посмотрела на него и удивилась преображению: никакого мрачного настроения, не радость конечно, все-таки дети его народа погибли, но совершенно восстановившееся лицо и даже усмешка на губах, больше похожая на улыбку.

Странный вопрос, я его ревную? Мне пришлось опустить голову и совсем отвернуться к окну, чтобы спрятать лицо, вспыхнувшее ярким пламенем. Ни одной мало-мальски разумной мысли не успело проявиться в голове, тело ответило сразу: ревную, еще как ревную. Причем ревную не просто так, а всем организмом, и не просто к женщине, к королеве. Которая своей жизнью платила за его жизнь, жизнь Мари и его народа. Да еще дыру в его сердце пробила, и теперь оно кровоточит. И я только в этот момент поняла слова Фисы, слишком много на него упало, все сразу: болезнь Мари, спасение, появляющийся в разных местах народ, собственное состояние потери чувствительности. И тут я на него свалилась. Ну да, жажда, агрессия, мой скверный характер. Права Фиса, во всем права, только мы вдвоем сможем помочь друг другу. Один момент, говорим мы на разных языках. И вдруг мое лицо вспыхнуло еще сильнее, совсем немного, и кожа потрескается от внутреннего жара всего тела.

Рука Амира была такой же горячей, он тронул мои пальцы и

тревожно спросил:

– Что с тобой?

Я только помотала головой и промычала нечленораздельный звук, мелькнувшая мысль стерла все в голове: один язык мы понимаем оба. Язык тела.

Амир остановил машину, отстегнул на мне ремень и мгновенно оказался в каком-то лесу.

– Тебе плохо?

Он прижимал меня к себе руками, и, казалось, что всем телом. Горячим мужским, очень сильным телом. И это ощущение никак не могло успокоить меня, я лишь мотала головой и продолжала мычать.

– Рина, что случилось? Возвращаемся.

– Нет.

Я всхлипнула и прошептала:

– Мне хорошо, это так, мысли разные.

– От мыслей ты …

– От них, со мной все хорошо, нигде ничего не болит. Я еду с тобой, сейчас немного успокоюсь и поедем.

Я зашевелилась в его руках, и он опустил меня на землю. Придерживая за плечи, Амир смотрел на меня со своей высоты беспокойным голубым взглядом. Не найдя в себе силы смотреть на него, я быстро опустила глаза.

– Ты не скажешь, о чем ты думала?

И что теперь? Я требую от него откровенности, скандалы устраиваю, а сама? Испуганный мозг быстро нашел выход:

– Я еще не все додумала… я потом… вернемся и скажу.

Для пущей убедительности я покивала головой и посмотрела на него почти уверенным взглядом. Он сейчас чувствует меня всем своим гигантским телом, глаза светятся, а руки стремятся меня обнять. Амир пытался сдерживать их, но они его не слушались, поглаживали меня по плечам и все ближе приближали к себе. И я испугалась этого движения, вздрогнула и пролепетала:

– Поехали, я уже пришла… в себя…

Амир кивнул, взгляд изменился мгновенно, голубизна исчезла, уступила место темной серости и странной безнадежности во взгляде. Он опустил руки, и я порывисто обняла его, зашептала лихорадочным шепотом:

– Амир, верь мне, я расскажу тебе о своих мыслях… они глупые, совсем женские…

Я уткнулась ему в грудь и замолчала, как стыдно, и что я делаю, откуда это во мне, детский сад ясельная группа. Кто же так с мужем разговаривает, да еще с таким, мудрым, стойким,

генералом, в конце концов. И вдруг услышала:

– Рина, ты настоящая женщина, я не умею с тобой разговаривать.

Да что же со мной происходит?! Я прижалась к нему всем телом, и Амир не удержал свои руки, обхватил меня, подхватил и поцеловал, жестко, до боли в губах и всем теле. Мой стон испугал его, и он сразу отпустил меня на подрагивающие ноги, а сам отскочил и прижался спиной к дереву. Я закрыла пылающее лицо руками, слезы ливнем хлынули из глаз, ноги подкосились, и я рухнула на землю. Жесткие руки подхватили меня в падении, и мы практически сразу оказались в машине.

– Алекс.

– За…чем… А…Алекс?

– Он отвезет тебя обратно.

– Нет, нет, Амир, я еду с тобой.

Я глубоко вздохнула, утерла ладошками лицо и заявила:

– Все хорошо, Алекс, мы едем вместе.

Почему Амир согласился? Всю оставшуюся дорогу я думала об этом. Он странно посмотрел на меня, потом резко что-то произнес, нажал кнопку, окна машины посветлели, тут же машина взревела, и навстречу мне понеслись деревья. Конечно, думать сразу я не могла, прошло достаточно много времени, прежде чем я совсем успокоилась. Руки подрагивали, а воздух проникал в легкие урывками, все тело мелко вздрагивало, и Амир несколько раз на меня оборачивался, я лишь изображала улыбку, немного кривоватую, но честную.

Всему виной эмоциональный всплеск. Сначала я возмутилась на Амира, потом ужаснулась убийству детей, переживала за Мари, и все, мой организм среагировал. Так я думала, а сама уже понимала, не мозг, это тело среагировало на всплеск эмоций. Что-то раньше мое тело не прижималось к мужу в состоянии волнения, а наоборот скукоживалось все, сжималось в комочек. И Амир почувствовал мое состояние, тоже среагировал телом. Предрекла сама, когда поняла, что есть лишь один язык, который мы понимаем оба. Но ведь мог и не соглашаться брать меня с собой, после поцелуя отправить обратно, чтобы по закону гарема ждала в комнате следующего поцелуя. Значит, слушал мое возмущение, мои слова, что хочу быть настоящей женой.

Все же Амир действительно пытается понять меня, может быть даже заслужить доверие, как сам говорит. А насколько мне самой нужно его доверие? И в чем он мне должен доверять, если я из дворца никуда не выхожу, вообще первый раз выезжаю? И вдруг всплыла картинка сощуренного взгляда, готового на убийство. Я даже замерла, чем вызвала очередной тревожный

взгляд Амира, улыбнулась ему и лихорадочно вздохнула. Вот что ему нужно: понимание его действий, поэтому он со мной и говорить не может, хотя и пытается, а я не слышу, пропускаю мимо его слова. Клан – это военизированное объединение, он воин, генерал. Так, генеральша, назвалась женой, соответствуй.

– Амир.

Я обратилась к нему и сразу замолчала, и что я ему скажу?

– Рина.

Решительно мотнув головой, я посмотрела на него и повторила свои слова:

– В горе и радости. Амир, что бы ни произошло, ты мой муж и я во всем на твоей стороне.

И что я говорю? На какой стороне?! Он ирод и убийца, кровью человеческой питается, кто знает, что он на самом деле придумал, сам говорил о себе, хитрый и жестокий. Все эти мысли проносились отдельно от меня, я их думала, а сама смотрела в ясную голубизну. Амир остановил машину очень спокойно, не резко, не сразу повернулся ко мне. И руки, они опять жили своей отдельной жизнью, спокойная поза, а они чуть подрагивали от волнения, длинные пальцы обхватили руль, но, казалось, что готовы были его раздавить. Он посмотрел на меня и глухо спросил:

– Почему ты решила мне сказать… эти слова?

– Ты сказал, что хочешь добиться моего доверия, я хочу, чтобы и ты верил мне.

Я не выдержала этого пронзительного взгляда, опустила глаза и уточнила:

– Только тебе придется мне все объяснять, ведь я не знаю законов вашего мира.

Это не я, не может быть, чтобы это я говорила, такое ощущение, что кто-то другой сидит сейчас в моем теле и говорит такие странные слова. Я не знаю этого мужчину, несколько раз видела, несколько раз говорила, и несколько раз с ним целовалась. Всю жизнь, не считая детства, я никому не верила, и никогда не пыталась добиться чьего бы то ни было доверия, просто существовала рядом, и вдруг такой казус: пытаюсь доказать ироду и кровопийце, который забрал практически всю мою жизнь, что верю ему во всем. В его страшной жизни убийцы? Амир как почувствовал мои мысли, закрыл глаза и сжал кулаки.

– Мне нельзя верить.

– Можно. Сам сказал, что только мы с тобой можем все изменить, значит, мы должны верить друг другу.

Как с желтым платьем. Надела – и сразу почувствовала свободу, выехала из дворца – и уже ставлю условия себе и своему

мужу. Что же это со мной делается? Может, Фиса чего наколдовала? Сказала же, что нам с Амиром надо разумами поговорить, а получилось, что начали с разговора телами. Стоп, а вот об этом мне думать нельзя, только разум. Все неправильно: Амир узнал, что детей убили, а я к нему с разборками пристала, еще говорю, что хочу быть настоящей женой.

– Прости, я не знаю, как себя вести, кто-то убил детей твоего народа, а я…

– У них было мало шансов выжить.

Заявила, будь готова ко всему, и к этому невозмутимому тону, он уже успел все обдумать и принять решение, пока ты внутренними разборками занималась. И приказания раздал на неизвестном языке. Я опять замерла. Значит, все, кто сидит в машинах сопровождения, тоже слышали весь наш разговор? Амир сразу спросил, когда я с ужасом посмотрела на него:

– Рина, что я не так сказал?

– Наш разговор… его все слышали?

Он только плечом повел, но когда я ладошкой закрыла рот, объяснил:

– Остальные слышат только мои приказы.

Его не волновало, что кто-то нас слушал, а может и наблюдал, как мы целовались. Амир еще несколько секунд смотрел на меня странным взглядом, но потом завел машину, и мы стремительно поехали. А я решила больше рта не открывать, наконец, осознала, что он торопится разобраться в ситуации с детьми, а из-за меня вынужден постоянно останавливаться.

Фиса права, нельзя постоянно думать о своих прошлых обидах, провела черту и забыла, выкинула из головы и сердца. Особенно если есть что туда положить, собирай новые мысли и чувства, какими бы странными они не казались в первый момент, а то жизнь пройдет мимо, или заложит новой каменной стеной. Вокруг столько всего таинственного и интересного, а я смотрела и не видела ничего, кроме своих старых обид и чувств, даже толком не рассмотрела своего мужа. Ведь смотреть можно разным взглядом, и в этом Фиса права, поэтому Амир не мог со мной разговаривать и показать себя, каков бы он ни был. И сразу появилась картинка страшного клыкастого монстра. Ну и что? Он не скрывал от меня свою сущность, как смог, так и говорил, даже предупредил, что ему верить нельзя, хотя мог с его опытом вечной борьбы со всеми просто влюбить меня в себя, богатого красавца. Правда, судьба ему времени на это не дала, даже если бы и попытался. Да и Фиса постаралась своими разговорами и отношением. Мари тогда призналась, что все очень быстро происходит, они не успевают контролировать процесс. И,

пожалуй, я меняюсь в своем поведении слишком быстро.

Амир тоже о чем-то думал, даже лоб морщил и иногда прикусывал губу, как бы останавливал себя в вопросе или каком-то признании. Удивительное лицо, все очень ярко, черные до синевы волосы подчеркнутые сединой на висках, невероятной голубизны глаза, прямой нос, ровные темные брови и чувственные губы, вкус которых я уже знаю. Крупное тело расслаблено устроилось в кресле, а руки едва касались руля, однако машина вздрагивала от скорости, а за окном стремительно проносились города. Интересно, а светофоры для него существуют? Мы ни разу даже не тормозили на перекрестках, заметить я их не успевала, но если бы горел красный свет, то должны были хотя бы уменьшить скорость, а мы останавливались только для разговора. А граница? Может у Амира мой заграничный паспорт, но визы нет, а вдруг уже все есть, приготовил же он за ночь и контракт, и свидетельство о браке со всеми печатями.

Пограничный пункт для него не существовал, или мы его как-то проехали мимо, просто Амир произнес:

– Мы на территории Франции.

Я только кивнула головой и не стала уточнять, куда пограничники делись. Задумавшись над этим вопросом, я осознала, что это совершенно другой мир, существующий параллельно нашему, человеческому. Они рядом с нами живут веками, а люди даже не догадываются о них, может, только такие, как Фиса, и знают, общаются с ними. Ну и те, которые в последний момент своей жизни видят их, или даже не успевают понять, кто же забирает у них жизнь вместе с кровью. Явно клан Амира не единственный, даже королева своя имеется. Хотя она же человек. Как простая человеческая женщина смогла стать их королевой? Не простая, раз сумела как-то отдавать свою энергию Амиру, и еще какому-то ближнему кругу, и мужу своему. Получается, что она также отдавала свою жизнь, как я, Амиру? И Алексу. Она первая, которая выжила после такой передачи энергии, потому что ее любил муж, боролся за нее. А я вторая? Но Вито тогда сказал, что я тоже почему-то первая, но я так и не поняла почему. И выходит, что выжила я из-за стремления Амира меня спасти? Настоящего, раз он мог останавливать поток моей энергии, сам что-то в себе перекрывал. И опять сама виновата в непонимании. Амир пытался мне рассказать о королеве, а я своей ревностью не дала ему такой возможности. Тем более, что он сам волновался, явно страдал при упоминании о ней. Потому что любит?

Я не хотела показывать Амиру, что заледенела от своей

мысли, организм отреагировал стремительно, руки превратились в две ледышки, а ног я уже не чувствовала совсем. Надо как-то самой попробовать договориться с телом, для начала понять, почему любая мысль об отношении Амира ко мне так на него действует. Боль, вот что управляет моим организмом, вернее память о ней. Он всегда присутствовал, когда мне становилось плохо, и когда его появление стало приносить облегчение, организм запомнил именно это, освобождение от боли, и не стал ассоциировать его с самим появлением боли. Выбрал самый позитивный ход, если Амир, то прекращение невыносимой боли. И при чем ревность? И королева? Еще немного, и я уже от холода думать не смогу, инеем покроюсь, и Амир это заметит. Так, быстро думаем, тело, ты знаешь что-то, что я не знаю, или не хочу знать, или… боюсь принять. Направление мысль оказалось правильным, ноги стали оживать и я смогла пошевелить пальцами.

– Что с тобой?

– Мысли.

– Не скажешь?

– Пока нет.

И как я могу ему что-то сказать, если даже губами шевелю с трудом. Мысли двигались в правильном направлении, но еще не было сделано выводов. Я тяжело вздохнула, и опять вызвала тревожный взгляд Амира, но, к счастью, он ничего не сказал, и я отвернулась к окну, хоть шея задвигалась. Надо признаться, иначе не оттаю до приезда. Мое тело выбрало Амира, как объект своего чувства. Ну да, когда сознание не вмешивается, то есть полностью отсутствует, я с ним целуюсь и прижимаюсь этим самым телом. Сумасшествие, раздвоение личности, тело в одну сторону, сознание в другую. Только вот тело управляет всем, вот уже и сознание начинает ему подчиняться, такую сцену ревности устроило, что Амир был в состоянии шока. Ага, и его тело тоже очень даже управляет его сознанием.

– Приехали. Рина, посиди в машине.

Амир вышел из машины, в ней что-то щелкнуло и двери зафиксировались, конечно, посижу, куда я теперь денусь.

Странное место: высокий забор практически закрывал здание, виднелась только крыша из красной черепицы. Амир подошел к группе мужчин, стоявших у высоких металлических ворот. Один из них обернулся, и я узнала Роберта. Он улыбнулся мне и поднял руку в приветствии, однако сразу ее опустил, явно Амир не понял его поведения по отношению к своей жене, судя по изменившемуся выражению лица Роберта. Они коротко посовещались, и Амир вернулся к машине.

– Рина, ты останешься в машине…

– Я пойду с тобой.

Организм обрадовался такому быстрому пониманию действительности и сразу наполнился силой и энергией.

– В своей человеческой жизни я многое видела не только по телевизору.

Интересно, и что я такое видела, но мой тон утверждал обратное совершенно спокойно, а взгляд был чист и уверен. Амир неожиданно улыбнулся, ярко сверкнул глазами и произнес несколько слов на своем неизвестном языке, а потом обратился ко мне:

– Хорошо, но обещай мне, что ты сразу скажешь, если тебе будет плохо.

– Конечно, скажу.

Что его так радует? Но подумать над этим вопросом я не успела, дверь с моей стороны открылась, и Алекс подал мне руку.

Я получила море удовольствия от выражения лиц этих гигантов, когда подошла к ним в сопровождении Амира и Алекса. Девица из гарема посмела выйти на белый свет, да еще и мужа по делам сопровождает. Но присмотревшись, поняла, что-то еще их удивило, не просто моя вылазка в сопровождении мужа. Они практически превратились в статуи удивления, только Роберт лишь покачал головой и странно посмотрел на Амира.

Их было пятеро, высоких и сильных, очень опасных, я чувствовала эту опасность, но она меня уже не пугала. Странным образом мои размышления в дороге привели к тому, что я совершенно уверилась в своей безопасности рядом с Амиром. Все в черных костюмах мафии, никакого оружия нигде не виднелось, хотя зачем им оно, они сами оружие. Они были похожи друг на друга строгими глазами и властными лицами, выделялся лишь Роберт, его темные глаза улыбались, хотя он и оглянулся на Амира. Я тоже посмотрела на него и поразилась, насколько он изменился. Даже не генерал, хотя все они были примерно одного роста, Амир вдруг показался мне выше всех, и во взгляде появился оттенок стали, которого вполне достаточно, чтобы понять, что никто не посмеет пойти против его воли. Ему ничего не нужно специально демонстрировать: ни силу свою, ни силу клана, – все видно в этом взгляде.

– Рина, познакомься, главы кланов Франции. Роберта ты знаешь, Алер, Жоэл, Этьен, Франк.

Каждый смог чуть преклонить голову при произнесении своего имени, но на большее пока были не способны. Я сразу спросила:

– А где Мари?

– Она в надежном месте.

Роберт был лаконичен, явно Амир знает, где она, мне достаточно знать, что с ней все хорошо. Тут же ворота бесшумно распахнулись, и Амир взял меня за руку:

– Ты помнишь свое обещание?

– Да.

Смотреть в эти стальные глаза я не смогла, сразу опустила голову. Амир погладил мою руку своей ладонью и первым вошел в ворота. Дом был практически разрушен, выбитые стекла в окнах и темные провалы входов. Даже в некоторых местах были видны внутренние помещения, так как отсутствовали части стен. Какая же должна быть сила, чтобы так сломать стену? Рассматривая дом, я поняла, что и раньше он не выглядел красиво, в некоторых местах стены были обшарпаны сами по себе, да и остатки оконных рам были серыми с облупившейся краской. Странное место для маленьких детей. И я увидела тела, вернее остатки тел, разорванные пополам, некоторые без рук и ног, все без головы, которые лежали вдоль стен в темных пятнах. Непроизвольно я прижалась к Амиру, а он обнял меня за плечи.

– Мы не бессмертны.

– Это…

– Охрана. Не входи в дом. Алекс.

– Я пойду с тобой.

И прижалась к нему, даже лицо спрятала на его груди, меня лихорадило, и в голове билась одна мысль: только рядом, только с ним. Амир погладил меня по плечам, потом отодвинул от себя и спросил, наклонившись и рассматривая лицо:

– Со мной?

– Да.

У меня получился только шепот, едва слышное придыхание. Он поднял голову и сказал длинную фразу, после которой Алекс подхватил меня на руки и пошел рядом с Амиром. Остальные только удивленно переглянулись.

Я сдерживала себя изо всех сил, чтобы не закричать, хваталась за лацканы пиджака Алекса и прятала глаза, уткнувшись ему в грудь, потом снова поднимала голову и смотрела на весь ужас. Все было в крови: стены, пол, постели, аппаратура. Куски тел валялись везде, нельзя было понять, кто есть кто: дети и взрослые, просто кусочки тел. Я уже не видела ничего, кроме кровавого тумана, заполнившего все помещения. Все исчезли, никого кроме Алекса, который прижимал меня к себе и постоянно спрашивал:

– Рина, как ты? Я вынесу тебя…

– Нет.

Моих сил хватало только на отрицательное мотание головой или шепот. Я сама не понимала, почему продолжаю оставаться в этом кошмаре, а Алекс видимо получил указание слушаться меня до тех пор, пока я не потеряю сознание. Он переходил из комнаты в комнату, и везде все было одинаково залито кровью. Я не сразу осознала, когда Амир появился передо мной, просто в кровавой пелене появилось темное пятно, и его голос четко произнес:

– Один жив.

Я встрепенулась и протянула к нему руки, закричала страшным голосом:

– Жив, он жив!

Невероятная боль пронзила все тело, она разрывала меня, билась в голове молотом и терзала мышцы. Блаженная темнота наступила внезапно, и все исчезло кровь, боль и ужас.

11

Руки гладили меня своими мягкими теплыми пальцами, касались лица, поглаживали по щеке ладонью, чуть тронули губы, едва ощутимо прошлись по шее. Тихий голос позвал:

– Рина, проснись, посмотри на меня.

Веки едва дрогнули, не смогли сразу открыться, и голос улыбнулся:

– Пора вставать, бассейн для тебя готов.

Яркие голубые глаза смотрели на меня и улыбались, хотя губы оставались спокойными, исчезли и руки, они куда-то спрятались, как будто их и не было. Амир.

– Но бури не будет, здесь нет такой установки.

И уже улыбка, настоящая радостная улыбка, сопровождающая свет глаз.

– Жив?

– Да, с ребенком все хорошо.

Мне пришлось закрыть глаза, так меня смутил этот свет, но голос продолжал требовать:

– Ты спишь уже давно, не хочешь посмотреть дом?

Не открывая глаз, я спросила:

– Как давно?

– Давно.

Ясно, арифметика осталась той же, хоть и дом другой. Осторожно приоткрыв глаза, я осмотрелась и поразилась количеству цветов в комнате.

– Ты любишь живые цветы.

Амир вскочил с колен и отошел от постели, чтобы я смогла рассмотреть всю комнату. Цветы были везде: на столиках в изящных высоких вазах, на подоконниках в широких металлических конструкциях, в широких напольных вазах. Розы, пионы, гладиолусы самых разнообразных оттенков, какие-то веточки с множеством маленьких белых бутонов без единого листочка, и еще всякие разные неизвестных мне видов. И только теперь я почувствовала аромат, наполнивший всю комнату, он плавал легким туманом, казался многослойным от разнообразия запахов. Я вздохнула полной грудью и потянулась всем телом, вскинув руки над собой, даже глаза закрыла от удовольствия, захотелось помахать ногами, но вовремя вспомнила, что Амир рядом. А на мне никакой одежды, совсем голая. Мгновенно спрятавшись под одеяло, я натянула его практически до глаз.

– Бассейн за этой дверью, за зеленой панелью гардеробная. Я зайду за тобой.

Мне показалось, или на самом деле в его голосе прозвучала веселая ирония? Именно веселая, такая смешинка легкая, мол, чего теперь стесняться? Мне так и не удалось на него посмотреть, пока я решалась поднять глаза, Амир вышел.

В столовую я шла вся разгневанная. А разгневалась на себя, поэтому виноват Амир. Я вовремя вспомнила, что все записывается на камеру, значит, как меня приводили в чувство, одевали-раздевали, он видел, поэтому в его глазах появилась эта смешинка-ирония. И естественно, как я выбиралась из постели, бежала до гардеробной, показала язык в зеркале, вся запуталась в купальнике, плавала и снова переодевалась, Амир тоже наблюдал. Он стоял у двери как страж, только улыбка не соответствовала серьезности поста. Надувшись, я прошла мимо него и пошла неизвестно куда, но через несколько шагов остановилась от удивления: на стенах висели картины, большие, почти во всю стену, маленькие пейзажи и портреты. Картинная галерея размером с зал Зимнего дворца, и гигантские хрустальные люстры, свисающие с потолка на золотых цепях сложной вязи. Я медленно шла, рассматривая картины, а Амир так и остался стоять у двери, не опуская с меня глаз.

Одна картина поразила меня, я подошла ближе и стала внимательно ее рассматривать. Они стояли рядом и смотрели друг на друга, красивая девушка со светлыми, какими-то искрящимися волосами, большими глазами цвета морской волны в ярком красном платье, и мужчина, воин в доспехах и мечом на боку. Мужчина протянул к ней левую руку, а она смущенно вскинула на него глаза и только едва подняла свою в каком-то сомнении. Амир, в доспехах стоял Амир. Тот же яркий голубой взгляд, тонкие черты лица и властное лицо, правая рука на рукояти меча. Молодой рыцарь со своей возлюбленной.

Девушка была прекрасна, платье только подчеркивало красоту изящного молодого тела. А ясный взгляд и смущенное выражение лица говорило о тонкой праведной душе. Именно праведной, чистой, не омраченной ничем, никакими грехами, прошлыми обидами и ошибками.

Мое тело ошиблось, позволило поселиться в себе глупой надежде, раз захотел спасти, то уже и чувства имеются. Ну да, конечно, вот откуда эта ирония в глазах, да, он только меня еще и чувствует, пока, поэтому ему нужно мое доверие, как же без него, вдруг перестану целоваться, перестану восстанавливать в нем чувства и эмоции. Он понимает теперь, королева объяснила, что только мое абсолютное доверие поможет ему в полной мере почувствовать жизнь. У него ведь ощущения тела пропадали, а ум и все остальные способности сохранялись. Подумаешь, агрессия

немного подпортила общую картину, маску монстра увидела, так сразу все и простила. И в поездку он меня ради этого с собой взял, встряхнуть мои эмоции, так легче у меня их забирать. Сам признавался, что создавал невероятные ситуации для достижения своих целей. А погибшие дети его совсем не волнуют, один же выжил, еще найдет, раз королева обещала.

– Этой картине много лет.

Амир оказался рядом и улыбался ослепительной улыбкой. Я лишь пожала плечами и пошла дальше. И опять Фиса права, они думают иначе, не как люди, у них свои понимания поступков, не имеющие к человеческим отношения.

Больше я не рассматривала картины, молча шла рядом с Амиром и поворачивала одновременно с ним в нужном направлении, кстати, ни разу не ошиблась. Он пытался посмотреть на меня, несколько раз наклонялся, но я прятала глаза, даже отворачивалась в сторону.

Столовая хоть и поразила меня своей изысканной красотой и роскошью, но я не показала вида, так же молча села за стол и опустила голову.

– Рина, что случилось?

– Сколько я пролежала без сознания?

– Несколько дней.

– Сколько?

И зачем мне это знать? Я смотрела на Амира, и горечь обиды сжигала меня изнутри. Всколыхнулось воспоминание, как я прижималась к нему и думала лишь о том, что только рядом с ним, только вместе. Он добился своего, я не только телом стремлюсь к нему, сознание уже подчинилось его гипнотическому воздействию. А ведь Фиса меня о такой их возможности предупреждала, вот к чему приводит попытка спрятаться от действительности.

Амир смотрел на меня и о чем-то думал, отвечать, видимо, не собирался. Взгляд темнел, а лицо мрачнело с каждой молчаливой минутой.

– Это моя невеста, Розали. Она не знала, кто я. Мне нужен был ее отец, сильный и богатый сеньор, только женитьба на его дочери могла решить одну проблему.

– Решил? Проблему?

– Решил.

Амир встал из-за стола и подошел ко мне, посмотрел с высоты и продолжил:

– Розали умерла раньше, чем мы поженились. Чума.

– Это ты?

– Нет, ее я не убивал. Я убил ее отца.

– Он был проблема?

– Нет.

– Зачем убил?

– Стал мешать.

– А в чем была проблема?

– Мне было нужно золото, которое привезли…

– Кто убил детей?

Я не дала ему возможности договорить, совершенно не важно, кто и почему ему мешал в достижении его планов, он рассказал, значит, был готов к разговору. И картину специально повесил, чтобы я обратила на нее внимание. Я обратила, но совсем не так, как бы ему хотелось. А вот о детях он говорить не хочет, как и о том, сколько же я спала, и почему так долго.

Амир отошел от меня, повернулся спиной и стал смотреть в большое окно, все состоящее из цветного витража с каким-то святым в центре, нимб светился очень ярко, освещая весь обеденный стол. Не оборачиваясь ко мне, спросил:

– Рина, зачем ты сказала эти слова?

– Какие?

Он процитировал:

– В горе и радости. Что бы ни произошло, я твой муж и ты во всем на моей стороне.

– Я тогда считала, что действительно могу доверять тебе.

– Тогда?

– Да.

Он так быстро оказался рядом со мной, что я вздрогнула и откинулась на спинку стула.

– Что произошло?

– Ничего. Ты добился своей цели.

– Какой?

– Все мои эмоции и вся энергия принадлежат тебе, я вся принадлежу тебе. Владей.

А сама опустила голову и сжала губы, не смогу сейчас его целовать, умру сразу, как только коснется. Но Амир и не пытался, постоял рядом и снова отошел к окну.

Девушка из гарема принесла на голове гигантский поднос, разложила блюда и мило улыбнулась. Вся посуда была из золота. И совершенно не к месту возник вопрос, а как она такой тяжеленный поднос, одного золота пуд, несла так легко и изящно на своей прекрасной головке? И сразу пришел ответ. Она не человек, весь гарем состоит из их девушек, нелюдей.

– Детей убили наемники по приказу человека.

Амир так ко мне и не обернулся, говорил четкими фразами, как приказ генерала:

– Мари приехала сюда под видом журналистки, пишущей о заболеваемости детей СПИДом, с ней были только три боевика. Их тела ты видела. Мари успела прикрыться энергией, и нападавшие ее не смогли обнаружить. Убить детей приказал владелец клиники по изучению генетических отклонений. Он давно знает о нашем мире, сотрудничал со многими главами кланов.

– Зачем ему убивать детей, которые и так могли не выжить?

Он резко повернулся ко мне и взглянул черными провалами глаз.

– Мари надеялась, что она сможет их спасти своей энергией. Он знал о ее способностях.

– Ему была нужна она?

– Да. О том, что я сам собираюсь приехать, он не знал. Боевики Роберта не успели на несколько минут, их хватило, чтобы убить всех.

– Их…тех… наемников…

– Они ушли.

Амир замолчал, желваки прошли волной, он даже руки за спину завел, знакомая поза, лишь через некоторое время продолжил:

– Наш мир меняется, проявляются новые возможности, и иногда эти возможности созданы людьми.

– Зачем? Просто эксперимент?

Но Амир лишь прищурил глаза и сжал губы. Молчание длилось долго, он смотрел на меня и думал очень тяжелую и неприятную мысль, от которой голова его все больше склонялась. Наконец он покачал головой и посмотрел на меня:

– Мальчика спасла ты.

– Я?

– Это обычный человеческий ребенок, в нем нет крови моего народа. Сын работницы этой клиники, она привела его на обследование.

– А …значит, он был здоров?

– У него редкое заболевание крови, именно от него погиб мой народ. Ты передала ему свою жизненную энергию и была без сознания три дня. Еще два дня ты спала. Сейчас ребенок совершенно здоров, никаких признаков заболевания.

Теперь я долго молчала, пытаясь осознать сказанное Амиром. Еды я так и не коснулась, лишь выпила стакан сока, в горле пересохло, и живительная влага облегчила состояние каменной статуи. Почему-то мне было очень важно знать судьбу этого неизвестного мне ребенка, я даже его не увидела тогда, лишь услышала слова Амира, что он жив, и во мне все перевернулось.

Теперь понятно, почему, мне суждено спасать не только Амира, весь его народ и мальчик связующее звено в этой цепи, Не будет болезни – народ восстановится в этом мире. В двух мирах.

Мозг что-то думал, что-то просчитывал, а тело просто радовалось, оно отдохнуло после выполненного долга, о котором знало, предвидело, поэтому я и не уходила, держалась до последнего, ждала появления объекта своего спасения. Значит, знала? Или Амир специально меня туда повез, в надежде, что если не получится у Мари, попробовать как с Алексом? Получилось.

– А кто спасал меня?

Фисы не было, значит, ее не привезли. Я подняла глаза на молчавшего Амира и все поняла, меня спас он. Мой мозг, продолжавший существовать отдельно от тела, все просчитал и выдал вердикт: я инструмент в твоих руках, выполню все предначертанное, спасу тебя и твой народ, владей. Вот вам правда Бабы-Ягы, говорит любовь, а на самом деле нужны колдовские способности. И поэтому нам надо быть вместе, так инструмент работает более эффективно.

Я потянулась налить себе сок, но Амир опередил меня, оказался рядом и взял кувшин.

– Ты ничего не ешь.

– Не хочу.

Сок лился в стакан тонкой желтой струйкой, вспениваясь на поверхности и образуя веселые пузырьки. Маленький кусочек солнца в золоте. Апельсин – это маленькое солнце, накопившее за лето всю энергию и радость. Странные мысли для механического инструмента, надо придумать для него точное название, определяющее функциональное назначение. Я подняла глаза на Амира и сразу пришло понимание: проводник, я тот самый проводник, который помогает Амиру восстановиться самому и воссоздать свой народ. Совпадение энергий, поэтому я и спаслась в процессе передачи ему своей энергии, не просто проводник, а проводник аккумулирующий, перерабатывающий и передающий. Как-то это в электричестве называется, но пусть будет проводник, просто и понятно. В общем, колдовство, о котором говорила мудрая Баба-Яга.

– Рина, о чем ты думаешь?

– Я буду тебе помогать во всем, поклялась и сдержу свое слово. У тебя все получится, шестьсот лет получалось и сейчас получится.

Он даже откинул голову от моего взгляда, как будто его ударили в лицо невидимым кулаком, и он этот удар не выдержал. Темные глаза превратились в серые провалы без зрачка, выход в

пустоту. Мой голос звучал в пространстве столовой металлическим звуком технического устройства, в котором нет ничего человеческого.

– Предначертанное исполнится, я проводник и понимаю свою функцию, все сделаю для того, чтобы воссоздать твой народ.

Я на мгновение опустила глаза, крепко сжала руки на коленях.

– Если тебе для этого нужно мое доверие, то можешь считать, что я тебе доверяю во всем…

– Не так!

– Так!

Я встала из-за стола и оперлась на него руками, во мне все кипело и клокотало, хочешь откровенности, так слушай, я не просто дурочка из гарема, я мудрая Баба-Яга, которая видит твои истинные намерения.

– Ты прав! Ты во всем абсолютно прав: возрождение целого народа стоит этой цены! Раз так получилось, что именно я должна помочь тебе в этом священном деле, то я все сделаю, отдам всю свою кровь, силы, не знаю, что еще понадобится!

– Ты! Мне нужна ты!

Мы кричали друг на друга, и эхо проносилось по столовой, мой голос не уступал ему, звучал чисто и звонко.

– Конечно, я тебе нужна, без меня тебе будет сложнее решить эту проблему! Я же не отказываюсь, используй по полной, я на все готова!

И вдруг мой организм воспротивился собственным словам и заледенел, мгновенно все тело покрылось инеем, и я замолчала. Тяжело опустившись на стул, смогла только прошептать:

– Амир, я все понимаю, верю тебе, и помогу во всех твоих делах.

Ну почему все так сложно? Ведь мы помогаем совершенно чужим людям, не задумываясь ни о чем, просто помогаем в каких-то мелочах, сделали и забыли. Почему я так возмутилась поведением Амира по отношению ко мне в таком деле, как возрождение целого народа, мне было непонятно самой. Ведь из-за этого он сам превратил себя в монстра, сотни лет спасал Мари, создал военизированное объединение, в котором все служат ему как вождю. И теперь делает все, чтобы как-то спасти проводник, который работает на дело его жизни, мог ведь просто использовать, а он честно пытается мне что-то объяснить.

Я лежала на своей постели и думала о своем скверном характере. Амир принес меня практически без сознания, долго сидел рядом со мной и держал за руку, делился своей энергией. И она сделала свое дело: я постепенно успокоилась и согрелась. На

меня он не смотрел, и ничего не говорил, лишь поглаживал мою руку своей ладонью. Уходя, наклонился над ней, но не поцеловал, я только почувствовала его горячее дыхание.

Цветы благоухали, поглядывали на меня своими разноцветными бутонами и удивлялись человеческой женщине, которая среди такой красоты умудрялась страдать. Я вспомнила столик, на котором были изображены прекрасные цветы из камня, удивительным образом казавшиеся живыми. Интересно, а что за камень был у Амира, странно, я думаю, он достаточно богат, чтобы иметь бриллианты, а использовал в ритуале этот белый камень, что-то это означает.

Я встала и прошлась по комнате, с удовольствием касалась лепестков, наклонялась над некоторыми букетами и вдыхала аромат, иногда тягучий, как нега, а иногда веселый, как легкий летний ветерок. Неожиданно мои пальцы задели камень, букет, стоявший в золотой вазе, оказался из каменных цветов. Ослепительные белые розы. Казалось, что роса только что спала с нежных лепестков, бархатистых и упругих. Они ничем внешне не отличались от тех, что стояли рядом в цветной вазе из стекла, алых до такой степени, что их яркая тень меняла цвет орхидей в соседнем букете.

Амир как эти цветы, я села на пол рядом с букетом и стала его рассматривать. Прекрасен, как цветок, внешне ничем не отличается, пока не коснешься и не поймешь, что это не живая ткань, а камень. Баба-Яга и Каменный Цветок, невообразимое доселе семейство. А Фиса еще о какой-то песне мне говорила, какие звуки могут издавать клюка и камень?

– Такие цветы создавал мой народ.

Я даже не вздрогнула от голоса Амира.

– Очень красиво.

– Но ты любишь живые. А это камень.

– Тогда, во время ритуала… у тебя был белый камень. Это какой-то знак?

– Да, камень вождя. Подобных ему природа уже не создает.

Он опустился рядом со мной, сложил руки на коленях, и низко опустил голову.

– Я как этот камень.

А что-то общее все-таки у нас есть, одинаковые образы появляются в голове. Интересно, а как он меня представляет? Неужели знает о нашей Бабе-Яге?

– А я как что? Как ты видишь меня?

– Ты Фисе сказала, что ты как Баба-Яга.

Надеюсь, Амир не видел выражения моего лица, потому что я сразу опустила голову и старалась не захихикать, даже губы

закусила.

– Я посмотрел в книгах различные образы этой вашей колдуньи.

Мне не удалось сдержаться, и я засмеялась.

– Похоже?

– Для меня ты не такая.

– Какая?

– Ты солнечный свет в небесах.

– Свет?

– Ты можешь согреть, можешь сжечь своим огнем, а можешь исчезнуть в темноте. Или погаснуть, исчерпав все свои силы.

Странное тепло охватило мое тело, как будто на меня действительно направили луч солнца и он согрел меня в ледяном одиночестве. Не сразу я смогла посмотреть на Амира, такое неожиданное сравнение повергло меня в шок. Свет, интересно, не луч, а именно свет. Но свет, это что-то совершенно бестелесное, нейтрино и еще что-то из физики, а тело тогда как? Почему оно так на камень реагирует? Пытается согреть? А этот камень, хочет ли он, чтобы его согревали?

Амир смотрел на меня голубым сиянием, в котором жила безнадежность. И руки совершенно безнадежно лежали на коленях, длинные пальцы повисли, казалось, что силы покинули их навсегда.

– Баба-Яга как образ ближе к действительности.

Он улыбнулся грустной улыбкой и покачал головой:

– Нет. Это сам свет нарисовал такую картинку. Спрятался от камня, чтобы тот своим холодом и темнотой его не погасил.

И что я на это могу ответить? Я лишь коснулась цветка пальцами, но он был слишком холодным, и я убрала руку.

– Он тебя не греет.

– Нет.

Отсутствие тепла в камне – явление нормальное, откуда оно в нем может быть? От света. Я замерла с протянутой к живой алой розе рукой, потом решительно достала одну из них – ни одного шипа, совершенно гладкий стебель – и вставила ее в букет каменных цветов. Полюбовалась ее ярким пятном среди белоснежных роз, и достала всю охапку. Мне пришлось подняться, и Амир подал руку, я оперлась на нее и заявила:

– А мы им поможем согреться.

Я вставляла алые розы среди белоснежных, и они постепенно приобрели красноватый оттенок, алых было больше по количеству, да и яркость цвета лепестков была уж очень насыщенной. Амир стоял рядом и, наклонив голову, внимательно наблюдал за моими движениями. А я брала в руки алую розу, и

какое-то время выглядывала место, куда ее нужно поместить, вставляла ее, брала новую. Когда все были разложены, я отошла на несколько шагов и полюбовалась своим творением: красота. Но чего-то не хватало в этом буйстве розового цвета, я почесала нос и стала рассматривать остальные букеты. Амир продолжал внимательно смотреть на меня. Вот оно, именно то, что нужно!

Амиру пришлось мне помогать, потому что желтые розы были странным образом вставлены в непонятную конструкцию на окне, самой мне не удалось достать даже одну. Он мне подавал их, а я вставляла в букет.

Мы стояли у двери и любовались тем, что у нас получилось. Вазу пришлось заменить, потому что, кроме желтых, я добавила еще синие цветы с множеством лепестков. Так странно было видеть Амира, который держал в руках гигантский букет, пока я освобождала от цветов кастрюлю, иначе ее назвать нельзя, такой она была широкой, которая на самом деле напольная ваза.

– Теперь они согреются.

Я убрала растрепавшиеся волосы с лица и гордо посмотрела на Амира, а он лишь покачал головой, но удивление вытеснило в глазах безнадежность.

– Ты так и не поела.

Он подхватил меня на руки и перенес в столовую. Стол был сервирован, и когда успел? Вроде никаких звуков не издавал. У меня поднялось настроение, и я с удовольствием поедала все, что было предложено. Амир сидел напротив, не мигая смотрел на меня и наливал сок в стакан, как только я его выпивала. Наевшись, я решила уточнить важный для себя вопрос:

– Как долго мы здесь будем оставаться?

– Ты хочешь вернуться?

– Просто спрашиваю.

– У меня дела еще на несколько дней.

– Ты будешь искать того человека?

– Я знаю, кто это.

Взгляд не изменился ни йоту, та же яркая голубизна и легкая улыбка на губах. Я задумалась, стоит ли дальше спрашивать, это дело вождя, и я к нему никакого отношения не имею.

– А Мари? Она вернулась домой?

– Нет, она пока в другом месте.

Мне осталось только двинуть плечом, она твоя дочь, только тебе решать, где ей находиться. Особенно, когда ее ищет враг. Почему я так подумала, враг? Потому что идет войной?

– Есть пещера в горах, там источник энергии, которая поддерживает силу народа. Мари доставили туда.

– Она все-таки пострадала?

– Не физически, Мари потеряла много энергии, ей нужно восстановиться.

Амир положил ладони на стол и опустил голову, через несколько секунд мрачной тишины, которая уже начала давить на меня, продолжил:

– Они будут искать тебя.

– Меня?

– Ты спасла меня и осталась жива. Уже поэтому тебя попытаются похитить.

– Они? Значит, он не один, этот человек?

– Наш мир стремительно меняется, и не всем эти изменения … Переход некоторых кланов на донорскую кровь разделил наш мир на две враждующие части. И в обеих сторонах есть люди.

– Как это? Люди не хотят… они что, ненормальные, больные на голову?

Амир вскинул на меня глаза, явно такого выражения не слышал, подумал несколько секунд и рассмеялся.

– Да, у них не совсем здоровая голова.

– Но что им это даст? Что могут выиграть люди, если вы … будете …

Амир не помогал мне выйти из положения, я не могла сказать «убивать людей», но не находила другого выражения высказать свою мысль, а он смотрел на меня и молчал. Ничего не выражающий взгляд давил на меня, и я опустила голову, как будто это я виновата в чем-то.

– Рина, в вашем мире тоже есть хищники.

Странный разговор, хищник разговаривает с жертвой о том, что и среди этих жертв есть хищники. Я с трудом подняла на него глаза.

– Но как… ведь они …мы… слабее вас физически? Неужели не боятся?

– У них есть созданная ими охрана. Они считают себя недосягаемыми.

– Это на самом деле так? Вы и не можете…

– Можем.

И опять стальной прищур в глазах, от которого поменялось все лицо.

– Но тебя это не должно волновать.

Амир одумался, с женщиной не говорят на такие темы, и резко поменял тему:

– Я хочу показать тебе подарок.

– Подарок?

– Надеюсь, он тебе понравится.

Мы шли по залам дворца, и я поражалась красоте картин и

украшений, собранных в небольших стеклянных шкафчиках.

– Вито сказал, что ты купил этот дворец для поездки. Кому он раньше принадлежал?

– Музею.

Я даже остановилась от удивления, Амир хмыкнул и объяснил:

– Владельцам музея тоже нужны деньги.

Мне представилась картинка, как Амир спрашивает у хозяина музея о возможности покупки дворца, интересное получилось зрелище. Вряд ли кто-нибудь из людей сможет ему отказать. Хотя, есть и такие, кто посмел напасть на его дочь. Я понимала, что он не будет мне рассказывать подробностей своих отношений с людьми, особенно разборки в связи с убийством детей и попытки похищения Мари. Но мысль о том, что среди людей есть те, кто против перехода таких как Амир на донорскую кровь не давала мне покоя. Склонив голову, я спросила:

– Амир…это сумасшедшие ученые?

– Не только, военные, богатые промышленники, те, кто хочет решать свои проблемы нашими руками.

Он говорил спокойным, ничего не выражающим тоном, и я осмелилась задать следующий вопрос:

– И ты с ними работал?

Я сказала это слово, прекрасно понимая, что за ним стоит, такой работой может быть только убийство.

– Да.

Мой мозг искал выход из положения, в которое я загнала себя сама, и не находил. Тело молчало, никак не реагировало на разговор, а вот мозг требовал каких-то действий, очередной этап раздвоения личности. Так и не придумав ничего, я просто пошла дальше, безделушки в шкафчиках меня сразу перестали интересовать. Амир молча шел рядом, лишь указывал мне, куда сворачивать.

Это оказался сад, настоящий тропический сад. Деревья и кусты росли в больших деревянных кадках, каким-то образом установленных в полу. Непонятно, как в этом гигантском зале сохранялась такая влажность и температура, я сразу почувствовала, как по спине потекли струйки пота. Несколько пальм главенствовали над всеми, они практически упирались в потолок и своими широкими листьями создавали сумрак, в котором росли удивительные кусты, некоторые из них даже были покрытии большими белыми цветами. Вокруг кадок были расставлены горшки поменьше, в которых росли невысокие кустики, полностью усеянные маленькими розовыми цветочками. Я проходила мимо жителей этого удивительного сада, некоторых

касалась пальцами и вдыхала теплый воздух, наполненный различными ароматами.

– Спасибо.

– Тебе понравилось?

– Да, здесь хорошо.

И засмеялась, утирая лоб:

– Только очень мокро.

– Все можно изменить.

В его руках появился пульт, он нажал несколько кнопок, сразу послышался легкий гул, и потянуло свежим воздухом. Но я была уже совсем мокрой и заявила:

– Мне нужно переодеться.

Амир окинул меня таким взглядом, что я сжалась, платье облепило меня всю и практически обернулось вокруг ног. Я не знаю, о чем он думал в этот момент, но глаза сразу стали той яркой голубизны, которая меня поражала, и губы чуть шевельнулись.

– Отсюда далеко до моей комнаты?

Я спросила первое, что пришло на ум, пытаясь отлепить тонкую ткань платья от коленок. Амир, не опуская с меня глаз, подошел к стене и открыл скрытую среди листвы маленькую дверцу, она выходила в бассейн. Тропический лес оказался рядом с моей комнатой. Я вопросительно взглянула в голубизну, и она ответила веселой иронией.

– Ты всегда можешь сюда прийти.

Он подал мне руку и повел в комнату, необходимости в этом не было, но ладонь была такой горячей, что я сразу опустила глаза и безропотно пошла за ним. Возле гардеробной, бассейн я практически пробежала, так быстро шел Амир, он резко остановился, поднял мое лицо ладонями и посмотрел в глаза темным тяжелым взглядом.

– Ты не должна мне верить. Мне верить нельзя.

Приблизил свое лицо к моему, и я решила, что последует поцелуй, но он вздохнул и практически исчез.

И что произошло, пока он шел десяток метров через бассейн? Куда делась веселая ирония? Почему опять нельзя верить? Потому, что я человек? И люди пытались похитить Мари? Количество вопросов возрастало, а ответов не было. Я плавала и плавала в стоячей воде бассейна, но вопросы продолжали рождаться в голове, хотя надежды на то, что хотя бы на один появится ответ, не было. Наконец я поняла, еще несколько метров и я утону, пришлось выбираться.

Лежание на постели и рассматривание созданного нами букета тоже ни к чему не привели. Многоцветье, на удивление, не

раздражало, хотя такой набор мне обычно не нравился, я всегда предпочитала чистый цвет, чаще всего белый или желтый. Судя по букетам, расставленным по комнате, Амир тоже не смешивал цвета. Почему я решила, что это он сам выбирал букеты? Может быть, просто дал приказ и больше об этом и не вспоминал? Нет, если появились каменные цветы, причем расположенные среди живых, ему была важна моя реакция на них. А получилось так, что мы … как я подумала, а правильно подумала, это мы вдвоем его создали. Только так, соединив камень и свет, в данном случае основные составляющие света, те цвета, которые его создают, можно будет найти дорогу друг к другу. Даже если верить нельзя, как он сам говорит, и как я сама о себе думаю. Одна моя знакомая говорила, что женщина должна быть мудрее, уже по тому, что она женщина. И Фиса сказала, что женщина всегда сильнее, красотой своей сильнее, и умом мужчинам нас никогда не догнать. Насчет красоты может, конечно, хотя мне с Амиром даже рядом стоять неудобно, особенно когда девушки из гарема где-то поблизости, и насчет ума тоже есть сомнения. Но выхода нет, придется брать ситуацию в свои руки. Кто-то должен во всем разобраться, особенно когда никто в ближайшем окружении ничего объяснять не собирается.

12

Амир не появлялся уже второй день. Как ушел, так и исчез, во всем дворце был только Алекс. Ему и досталась моя решимость во всем разобраться. Он наивно решил сопровождать меня в столовую на завтрак и сразу поплатился.

Удобно устроившись на мягком стуле и помешивая золотой ложечкой чай в красивой золотой чашке, я задала первый вопрос:

– А почему везде золото? Болезни никакой нет, ведь уже была попытка кормить меня из обычной посуды.

Алекс не ожидал от меня подвоха и честно объяснил:

– Оно наполнено энергией Мари, когда ты ешь, то вместе с едой получаешь ее энергию.

– А почему тогда только Амир может мне помочь, ну, когда… со мной все происходит?

Глаза мгновенно изменились, и Алекс слегка нахмурился, не смог сразу сформулировать ответ, или не получал приказа рассказывать об этой тайне. Но я смотрела на него и ждала ответа, пришлось говорить.

– Ты энергетически связана с Амиром. Только он может передать тебе свою в момент твоего энергетического выброса. Или остановить процесс. Энергия Мари только поддерживает тебя, хотя не всегда ты ее принимаешь.

– Ты это чувствуешь, как Вито?

– Да.

– Я любому из вас могу отдать свою энергию? Как тебе?

– К сожалению, мы этого не знаем.

– Почему к сожалению?

Быстрый короткий взгляд и он плотно замолчал.

– Алекс, но ведь на самом деле для вас это выход из положения, решение проблемы. Я ведь и ребенку помогла, избавила его от страшной болезни, значит, могу насытить своей энергией всех представителей…

– Не нужно никого насыщать. Рина, Амир делает все, чтобы спасти тебя…

– Я знаю.

Взгляд стал внимательным и задумчивым, темным, но не черным, он размышлял, пытался понять, что же я задумала. Если бы я еще сама понимала, всего лишь несколько догадок, да крик отчаяния Амира, вот и все.

– Ты давно служишь у Амира?

– Это не служба.

– А что? Договор о работе?

– Моя жизнь принадлежит ему. И тебе.

– Что такое принадлежит? Я не понимаю, и никто не хочет мне этого объяснить.

Алекс медленно встал из-за стола и подошел ко мне. Опустился на колено и повторил движения ритуала.

– Зачем? Алекс, я… не нужно мне никакой клятвы, ваши законы касаются только вас…я обычная женщина…

– Рина.

Я несколько испуганно подняла на него глаза и поразилась серьезности взгляда и выражения лица. Алекс встал на колени передо мной и склонил голову.

– Ты спасла меня, хотя ничего обо мне не знала, отдала свою энергию. Ты боялась меня, я чувствовал твой страх, но ни разу не …

– Алекс, если бы ты знал, о чем я тогда думала…

Покраснев от стыда, я закрылась руками. Он отвел мои руки и мягко улыбнулся.

– Я знал, что умираю, был готов отдать за тебя остаток своей жизни, а ты сама мне ее подарила. И теперь она принадлежит тебе.

– Алекс, не нужно так говорить, на самом деле все произошло случайно и я не имею к этому никого отношения.

Он продолжал улыбаться и взгляд никак не изменился.

– Но ты ни разу не вспомнила об этом …

– О чем вспоминать? Да я тогда … Алекс, давай не будем об этом вообще говорить, вспоминать даже не будем никогда, было и было. И клятва мне твоя не нужна. Кстати о клятве, вы клянетесь вождю когда? Когда в клан вступаете? Или как родились, так и повязаны навечно?

Я задавала первые попавшиеся на ум вопросы, лишь бы уйти от разговора о спасении Алекса, какой ужас, о чем я тогда думала, хорошо, что никто в этом мире мысли не читает. А вдруг читает? Ужас в моих глазах встревожил Алекса, и он взял меня за руку:

– Что случилось?

Честный взгляд у меня не получился, и я решилась спросить:

– У вас всякие возможности… я ведь ничего о вас не знаю… а мысли никто не читает?

Алекс неожиданно улыбнулся, и глаза посветлели, догадался, о чем я подумала:

– Такие возможности существуют, но среди нас таких нет.

– А … он… Амир самый среди вас… сильный…

– Я не знаю у него такой способности.

Очень дипломатичный ответ, он не знает, а как на самом

деле, неизвестно. Я даже головой помотала, нельзя об этом думать, иначе сойду с ума. И тут же трезвый мозг, который в этот раз оказался независимым от тела ввиду отсутствия раздражителя, выдал мысль, от которой я сразу успокоилась. Даже если Амир читает мои мысли, ему же хуже.

– Алекс, ты не ответил на мой вопрос.

– Клятва главе клана дается на ритуале посвящения, когда принимают в клан.

– И вы на самом деле готовы отдать за него жизнь?

– Да. И за тебя.

– Алекс, мы договорились об этом не говорить.

– Я лишь уточнил, кому принадлежит моя жизнь.

– Хорошо, пусть будет так. А в каком возрасте вы вступаете в клан?

– Посвящение может происходить в любом возрасте. Иногда это бывает в возрасте становления возможностей, около двадцати лет, иногда раньше. Бывает и так, что вступают в клан уже специалистом.

– По желанию?

– Если глава решает принять в свой клан.

Он так таинственно улыбнулся, что я решила уточнить:

– А ты как попал в клан Амира?

– Он нашел меня еще ребенком.

– И тебя сразу приняли в клан?

– Нет, я сначала прошел специальную подготовку … у людей это называется школа.

– Школа?

– Близко по назначению.

– И каким ты стал специалистом?

– У меня разные способности.

И так мило улыбнулся, что я поняла, разные, они разные и есть. То есть совсем не важно, какие. Он поднялся с колен, и я решила, что потом задам остальные вопросы, а то замолчит так же плотно, как умеет Вито.

До обеда я продумывала вопросы между рассматриванием новых букетов. Они появились за ночь, неизменным был только тот, который мы собирали вместе с Амиром, и у цветов не было никаких признаков увядания. Казалось, что они за ночь даже стали свежее, может, заменили живые цветы? Я решила не спать, чтобы посмотреть, кто же меняет букеты.

Алекс готовился к общению со мной, я это поняла по едва заметной усмешке, с которой он вошел и пригласил на обед.

– Как долго не будет Амира?

– Он не говорил о сроках отсутствия.

– А куда он поехал?

– По делам клана.

– А Мари…

– Она еще не вернулась.

– Ты был в пещере?

– Нет.

Я ковырялась в еде, и Алекс спросил:

– Ты не хочешь есть?

– Не нагуляла аппетит. А можно мне хоть окрестности посмотреть?

– Амир просил тебя не выходить из дворца.

– Просил? А если я прикажу? Ты же поклялся выполнять все мои… приказы.

– Я попытаюсь убедить тебя не выходить за пределы дворца.

– Пытайся.

– Ты можешь выйти, но будешь окружена таким количеством боевиков, что ничего не увидишь за их спинами, рост не позволит.

Я не сразу осмыслила то, что он сказал. Это что, тоже ирония? Алекс смотрел на меня с той же легкой улыбкой, за которой очень явственно проскальзывала усмешка. Добрая усмешка взрослого над непониманием младенца.

– Боевики – это охрана?

– Да.

– Ты тоже боевик?

– Да.

– И у всех возможности…

– Разные.

– Покажи мне что-нибудь, а то говорят о ваших возможностях, а я ничего не видела, только вашу скорость, да силу.

Алекс на секунду задумался, потом поднял ладонь на сантиметр от поверхности стола, и золотая тарелка с фруктами отъехала от меня на край и упала. Я нагнулась и долго рассматривала яблоки и апельсины, рассыпавшиеся по полу. Красивый пол, весь инкрустированный различными видами дерева, судя по цвету пластин паркета.

– Это как? Как ты это сделал?

– Энергия.

– Но ты даже не двинулся с места…

И сразу вспомнила слова Амира, что он может меня убить, не вставая с кресла.

– Ты так можешь убить?

– Да.

– И все боевики так могут?

– Да.

Вот откуда у меня каждый раз возникало чувство опасности, когда я их видела, я чувствовала эту энергию. Но с Амиром у меня не было этого ощущения опасности.

– А у Амира какие способности?

– Он сильнее нас всех.

И опять ясно, это все, что он скажет о способностях своего вождя. Но боевой настрой еще меня не покинул, и я озвучила вопрос, который не решалась задать Амиру.

– Донорская кровь чем-то отличается от … живого человека?

Алекс подготовился, ничего не изменилось в выражении лица, может, только ресницы чуть дрогнули.

– Человек с кровью отдает свою жизнь и энергию. Донорской крови нужно больше.

– Всю жизнь… убивать?

– Полное насыщение дает только убийство жертвы.

Я сжалась всем телом и низко опустила голову, чтобы не видеть ничего. Зачем задала этот вопрос, еще даже не начала понимать Амира, а уже опять ненавижу всех. Алекс не сказал ни слова, когда я встала и ушла к себе в комнату, шел рядом и молчал.

Пролежав до вечера без единой мысли, я только покачала головой, когда Алекс пришел пригласить меня в столовую.

– Рина…

– Оставь меня. Я хочу побыть одна.

Он постоял минуту, подошел к постели и встал на колени передо мной. Я закрыла лицо ладонями и простонала:

– Уходи, я прошу тебя, уходи.

– Тебя здесь никто не тронет.

– Я не боюсь.

– Не боишься.

– Амир сказал, что чувствует мою кровь, ты тоже чувствуешь?

– Да.

– Как?

– Движение по сосудам. Запах.

– Моя кровь пахнет?

– Мы чувствуем кровь за километры. Амир твою чувствует везде.

– И сейчас?

– Да.

– Вот ты перешел на донорскую кровь, что для тебя изменилось?

Я спрашивала, закрыв глаза ладонями, не могла смотреть на

Алекса. Это его сущность, он как тигр, родился таким, ведь тигр не виноват, что не может питаться листиками салата и бананами. И не его вина, что я оказалась тем ягненком, который для него пища.

– Я стал думать иначе. Когда смог думать.

– Как это?

– Во время перехода на донорскую кровь мы теряем рассудок, превращаемся в животное.

– Это больно?

– Мы не чувствуем боль.

Тут уже я не выдержала и открыла глаза.

– Совсем?

– Ощущения при ранении есть, но это не та боль, что чувствует человек. Мы чувствуем лишь степень повреждения организма.

– То есть ты сломаешь руку и не почувствуешь?

– Я знаю время ее восстановления.

Поднявшись с подушек, я удивленно посмотрела на него. Он опустил глаза и вздохнул.

– Хочешь, покажу?

– Хочу.

Алекс встал с колен, отошел к двери, снял пиджак и закатал рукав. Какая, однако, рука оказалась, с нее скульптуру можно лепить, какое тело скрыто за одеждой, можно представить по этим мышцам. Он быстро взглянул на меня и резко ударил другой рукой по локтевому суставу, рука сразу повисла, разломившись на две части. Я охнула и закрыла ладошкой рот, чтобы не закричать. Но произошло странное, через минуту он поднял поврежденную руку, как будто она не висела только что, как сломанная ветка, пошевелил пальцами. Когда он подошел ко мне и продемонстрировал совершенно здоровую руку, я непроизвольно отодвинулась от него и смогла лишь прошептать:

– Ты совсем ничего не почувствовал?

– Как треснула кость. Но сломать мне кости может только такой как я, и естественно тот, кто сильнее.

И сразу возникла картинка, разорванные части тел у стены.

– Значит те, кто… охрану…

– Они были сильнее.

И весь комментарий, Алекс поправил рукав, сходил за пиджаком, брошенным у двери.

– Ты будешь ужинать?

– Да.

Пока я ела, Алекс, устроившийся на диване недалеко от стола, странно смотрел на меня и опускал взгляд каждый раз,

когда я поднимала на него глаза.

– Ты о чем-то хочешь спросить меня?

– Да.

Он медленно встал, казалось, что он выигрывает время, чтобы сформулировать свой вопрос. Наливая мне сок в золотой стакан, он все же его задал:

– Рина, я видел все записи, ты перенесла столько боли, мне никогда не узнать, что это… каково это… умирая, я лишь начал ощущать слабость в своем теле. Ты ни разу не вспомнила, ни слова упрека. Почему?

– Не знаю. Алекс, я, правда, не знаю. На самом деле у меня не было никаких мыслей, что кто-то в этом может быть виноват. Произошло и произошло. Вот если бы Амир меня предупредил, что я у тебя буду жизнь забирать, и ты так будешь мучиться, то кто знает, может, я бы и извела его обвинениями. Поэтому ему повезло, что ничего не успел сказать.

Я рассмеялась и выпила весь стакан сока, какая вкуснота, я скоро буду как большой апельсин. Алекс тоже улыбнулся, как-то облегченно вздохнул. Чтобы уйти от этой темы, я попросила:

– Расскажи мне о себе.

А вот это оказался тот вопрос, который Алекс не ожидал. Глаза сразу изменились, потемнели, и он склонил голову. Я одумалась, увидев такую реакцию, вот зачем спросила, может ему тяжело вспоминать свою жизнь, кто знает, какой она была:

– Не хочешь – не рассказывай, мне просто интересно, можем поговорить о чем-нибудь другом.

– Я родился в семье богатого промышленного магната в Америке.

Он как бы решился на что-то в одно мгновение, лицо стало маской, только глаза блеснули холодным светом, от которого у меня занемели руки.

– Это было время, когда делали миллионы на нефти, золотодобыче и развитии дорог. Мой отец владел предприятиями и приисками, нашей семье принадлежали земли индейцев, на которых строили дороги. Когда по приказу отца сожгли несколько поселений индейцев для того, чтобы построить очередную дорогу, вождь одного из племен проклял его и послал своего воина. Он обратил меня.

Только чтобы разжать онемевшие от ужаса губы, я тихо спросила:

– Среди них такие тоже есть?

– Мы есть везде. Воин похитил меня и обратил, бросил на улице в другом городе.

– Сколько тебе было лет?

– Пять.

– Такой маленький?

– Голод крови быстро научил меня выживать. А потом я осознал свою силу. Через год меня нашел Амир и привез в свой клан.

Я смотрела на него и даже не пыталась представить, как выживал маленький мальчик из богатой семьи на улице города, которого в один момент превратили в монстра.

– Но твой отец… он же должен был тебя искать…

– Он меня нашел.

Алекс на мгновение опустил глаза, но ничего не изменилось в маске лица.

– Нашел… но почему…

– Такой, каким стал я, не может быть ему сыном.

– Не понимаю. Алекс, я не понимаю, ты же его сын, его кровь, какой бы ни был, маленький мальчик, да хоть какой! Вы ничем внешне не отличаетесь от людей, у тебя же не выросли рога на носу, да и с ними, какая разница, он же богатый человек, мог спрятать тебя, иногда показывать, что ты есть, но сам, как он мог!

От возмущения я махала руками, даже стукнула кулаком по столу.

– Именно такому, богатому и сильному можно было сделать все, спасти тебя, оберегать от всего на свете, он отец! А мать? Она что?

– Она умерла за год до моего похищения.

Алекс странно смотрел на меня, даже голову набок склонил, прислушивался к моему возмущению. А я ужасалась, собственный ребенок, маленький совсем, пять лет, это же не двадцать, когда уже своя жизнь идет, сам за себя отвечаешь.

– И все, он даже не пытался больше с тобой встретиться?

– Нет.

И опять никакого комментария, а я никак не могла успокоиться:

– Все равно не понимаю, собственная кровь, дите совсем, другое дело взрослый, тогда иди, отвечай за свои поступки. Тем более магнат!

Алекс произнес фамилию, которую я часто слышала по телевизору, когда говорили о крупнейших состояниях Америки.

– Ну и что! Подумаешь, фамилия!

– Я стал монстром.

– Но пять лет! Что ты тогда понимал, только выжить, пропал бы совсем.

– Не пропал.

И вдруг такая робкая улыбка тронула его губы, что я

замолчала, сколько же он за свою жизнь перенес. Думаю, и у Амира тоже не отеческий прием его ожидал, школа есть школа, она везде одинаковая, а уж у них однозначно не институт благородных девиц.

– А почему Амир тебя забрал с собой?

– Таких детей кланы ищут по всему миру.

– Но ведь можно самим готовить таких детей.

Сказала и ужаснулась своим словам, но Алекс правильно меня понял и объяснил разницу.

– Не все выживают при обращении. Если ребенок после обращения какое-то время живет в человеческом мире, возможностей проявляется больше, и они развиваются значительно быстрее, вирус действует иначе.

Он резко встал, и стало ясно, что разговор окончен, и так много разной информации выдал за сегодняшний день. Я только кивнула головой, пожалуй, слишком много на самом деле.

Наплававшись в бассейне, я долго смотрела в окно, но ничего не видела – кругом темно, ни одного огонька. А когда устала и легла в постель, мозг выдал трезвую мысль, кто знает, что на самом деле за окнами, видела же я постоянное лето, когда уже зима почти прошла, а здесь мне вообще барханы могут показать. Я прислушалась к себе и с удивлением поняла, что совсем не возмущаюсь таким поведением своего мужа. Амир меня охраняет, с какой болью в голосе он сказал, что меня постараются похитить.

Я даже поднялась на постели, в моей голове все настолько перепуталось за последнее время, что только разговор с Алексом прояснил некоторые моменты. Амир пытается мне объяснить, но я слышу только то, что понимаю телом. А сегодня услышал разум. Кстати, действительно, а почему Амир опять сказал, что верить ему нельзя? Он чего-то боится, но не моей реакции, чего-то в себе, а меня лишь предупреждает, что-то уже происходило с ним, ну да, королева. Амир сам признался, что общался только с ней, и именно с ней у него что-то произошло, и он теперь боится повторения той ситуации со мной. Что там говорил Алекс, что-то о превращении в неконтролируемое животное при переходе на донорскую кровь. А жажда? А агрессия? Дура! Какая же я дура! Он постоянно ожидает возвращения этого состояния, что снова возникнет эта жажда моей крови! Боится, что не сможет сдержаться и убьет меня, ведь он всегда чувствует мою кровь!

Вскочив с постели, я лихорадочно заходила по комнате. И Алекс пытается мне объяснить, а я слышу только то, что хочу слышать. Как права Фиса, очередной раз права, слушать и слышать. Амир спасает таких как Алекс, ищет по всему миру и делает из них воинов, кто знает, чем занимается сейчас. И

меняется, изо всех сил старается измениться. А ему, между прочим, шестьсот лет с хвостиком.

В комнату стремительно вошел Алекс и тревожно посмотрел мне в глаза:

– Рина, что случилось? Почему ты не спишь?

– Алекс, скажи, как вы… эту жажду переносите?

Он смотрел на меня со своей высоты и молчал. Губы сжались, кожа на лице побледнела и странно съежилась, руки спрятались за спину, как у Амира.

– Алекс, мне нужно это знать, я хочу понять, что с Амиром происходит, он чего-то боится, со мной боится. Вроде все нормально, а потом вдруг говорит, что ему верить нельзя. Почему, скажи мне? Это из-за королевы, что-то с ней было?

Алекс опустил голову и тихо произнес:

– Рина, процессы с тобой происходят не так, как было раньше. И у Амира тоже. Даже с королевой было иначе. Ты первая, единственная, кто так передавал энергию.

– Амир так себя ведет от непонимания?

– Никто не знает, что с вами может произойти. И жажда у Амира… отличается от обычной в таком случае.

– Так расскажи мне о ней!

– Тебе не с чем сравнить.

– Скажи так, чтобы поняла.

Я уселась на постель и грозно посмотрела на Алекса. Он подошел ко мне и встал на колени, хотел взять за руку, но остановился в движении, тогда я сама схватила его руку и заявила:

– Алекс, раз уж так получилось, что я что-то значу в этом процессе, раз я попала к вам и теперь живу рядом с вами, мне нужно во всем разобраться, чтобы не совершать ошибок. В то, что вы меня не съедите на обед, я уже поверила.

Он вздрогнул и хотел достать свою руку из моих ладоней, но я схватилась за нее и только сильнее сжала.

– Говори.

Что-то происходило с его лицом, оно побледнело так, что стали видны мелкие сосуды на лице, а глаза стали совершенно прозрачными, но он тряхнул головой и решился.

– Жажда крови – это голод, весь организм настроен на утоление этого голода, стремится добраться до крови. Обычный голод можно утолить кровью животного, донорской, этот ничем, только кровью предназначенной законом жертвы.

– Но Амир же получил…или не хватило…

– Раньше только убийство жертвы утоляло этот голод. История с королевой показала, что любовь может остановить этот

процесс, она уже не отдает свою энергию мужу…

– То есть кроме крови, она еще и просто энергию ему передавала?

– Да, уже получив ее кровь, Глеб забирал ее энергию, ее жизнь. Только когда он смог перебороть свою сущность хищника по отношению к ней, как жертве, полюбив ее, он смог остановить этот процесс. А королева его любила и сама предложила ему свою кровь и жизнь.

– Сама?

– Да. Ты тоже сама отдала свою кровь Амиру.

Но как-то совсем не по любви отдавала-то, даже не очень понимала, что делаю, эмоций совсем никаких…

– Алекс, ты все знаешь, получается, что я сначала отдала Амиру свою энергию с эмоциями, а только потом кровь?

– Да, по закону убивая жертву, хищник получает с кровью сразу все, и эмоции и энергию. Ты отдавала частями и неизвестно, что с тобой может произойти.

– Да было уже…

– Мы не знаем, тем более, что ты можешь передавать свою жизненную энергию не только Амиру.

– Если у меня все неправильно, не по закону, то и у Амира тоже?

– Да.

И мой организм сразу отреагировал на промелькнувшую мысль, которую я даже осознать не успела, мгновенно оледенела, как сквозь туман услышала крик Алекса:

– Рина!

Ледяной панцирь не давал возможности двинуться, давил на кожу, которая уже примерзла к нему так, что не оторвать. Холод проник внутрь тела, кровь практически не двигалась, застывала, превращалась в колючки, которые уже не помещались в сосудах, рвали их с невероятной болью. Осталась только мысль, она билась в голове и не давала возможности всему телу превратиться в кровавую ледяную статую. Звуки отдельных букв бились об лед, который трескался, расходился мелкими лучами и снова застывал, как только они уходили в сторону. И так раз за разом, звуки постепенно замолкали, их сил уже не хватало, и лед перестал трескаться, отвечал едва ощутимым сотрясением.

Огонь обжег невыносимым жаром сразу все тело, лед вспыхнул, загорелся ярким пламенем, сжег кожу и взорвал тело. Пустота.

Баба-Яга нервно ходила по избушке, стучала клюкой по полу и шипела:

– Ишь чего вздумал, расколдовывать собрался, слова ищешь,

тропинку топчешь, куда ведет, не знаешь, а идешь и идешь. Свет говоришь, а какой тебе свет, когда из тьмы сначала выйти надо, чтобы свет тебе показался, а ты сам тьма, тьма да камень. Не достичь тебе света, не будет он тебе светить никогда! Не допущу этого!

– Любовь – это свет.

Глаза были грустными, в них поселилась безнадежность, они говорили о любви, в которую не верили.

– Любовь говоришь, а ты знаешь, что это? Как любить-то больно, невыносимо, а ты боли не знаешь, вот когда почувствуешь боль, от которой умереть захочешь, вот тогда тебе она и явится, а пока ты даже лучика малого не достоин. Ты тьмой своей его сразу гасишь, даже если малая толика появится. А знать не можешь, каково этой толике образоваться, сколько свету надо муки принять, боли пережить, да сколько слез пролить. Крови да страдания столько забрал, а вернул что? Что взамен-то отдал? Тьму свою?

И как ударила клюкой об пол:

– Свет поверить тебе должен, не испугаться тьмы твоей, сам засветить от радости да счастья! Тогда и твоя тьма отступит!

Неожиданно Баба-Яга успокоилась, оперлась на клюку и хитро улыбнулась:

– Только помни, обмануть свет нельзя, ты свою премудрость оставь, раз любви хочешь. Говори, как умеешь, правду говори, да слушай сам.

Я проснулась как от толчка, сразу открыла глаза и увидела Амира. Он прошептал:

– Рина…

– А где…

– Кто?

И я все вспомнила, разговор с Алексом и сон с Бабой-Ягой. Прислушалась к своим ощущениям: вроде нигде не болит.

– Ты давно вернулся?

– Вчера. Ты о ком говорила, об Алексе?

И такой тон, что я вздрогнула, даже глаза сощурил нехорошо.

– Он где?

– На посту.

А сам аж побледнел, резко поднялся с колен и отошел к цветам, встал перед нашим букетом и руки в карманы спрятал. Я никак не могла понять, что случилось, с чего он вдруг так отреагировал на Алекса, почему таким тоном и таким взглядом. Надо его отвлечь, потом разберусь с таинственной бледностью.

– Что случилось?

– Ты опять отдавала мне энергию.

А сам голову наклонил, даже плечи округлились, скукожился всем своим гигантским телом. Мозг успел раньше вспомнить мысль, которая билась в ледяной ловушке тела, прежде чем организм успел что-то сотворить с собой.

– Я подумала о тебе, поэтому так получилось.

– Ты обо мне думала?

Он так стремительно оказался на коленях передо мной, что я вдавилась в подушку.

– Амир, ты меня пугаешь, не надо так быстро.

И о чем это я? Неужели это я говорю? Научилась кокетничать во сне? Баба-Яга научила? А голосок какой, даже Амир удивился, странно взглянул, и темнота из глаз исчезла. Я улыбнулась собственным мыслям и спросила:

– А умных жен, которые о своих мужьях неправильно думают, кормят?

– Ты неправильно думала? Что ты подумала?

– А в том, что умная, ты не сомневаешься?

– Нет.

Ответ честный, голубизна только ярче стала, и тревожность ушла, даже едва заметная улыбка проявилась. Я вздохнула и решилась озвучить свои мысли, доверие, так доверие, но Амир вдруг жестким тоном меня остановил:

– Молчи.

Я лишь удивленно подняла брови, только собралась признаваться, сам просил, и вдруг так.

– Не говори ничего, после своих мыслей ты много энергии потеряла, не надо, все может повториться.

Я сначала кивнула, сама испугавшись воспоминания о ледяном панцире, но потом решительно вздохнула и заявила:

– Амир, эта мысль на самом деле правильная, и ты рядом, ты же меня спас, правда?

– Рина…

– Возьми меня за руку и если что, сразу и спасешь.

Баба-Яга права, нельзя тьмы бояться, а раз муки свету предначертаны судьбой, ему надо научиться силы копить.

13

Амир не сразу решился коснуться моих рук, почему-то медлил, странно смотрел на меня, потом даже глаза закрыл.

– Ничего не случится, я уже подумала эту мысль, она правильная, энергию я тебе уже отдала, ты ее получил…

– Рина…

– Надо же проверить, ты рядом… я с тобой не боюсь.

Последние слова я говорила, уже протягивая ему свои руки, пальцы слегка дрожали. Не страх боли меня волновал, как-то о ней я даже не задумывалась, я удивлялась себе, своей решимости помочь Амиру в его борьбе с собой, со своей силой и своим звериным голодом. Он сначала осторожно коснулся кончиков пальцев, лишь потом мягко обнял мои руки своими ладонями.

– Вот видишь, ничего не происходит.

– Ты еще ничего не сказала.

– Но уже подумала.

Амир наклонился и коснулся губами моей руки, это не было поцелуем, ощущение кожи, которую он чувствует. Какие горячие губы, мягкие и нежные. Стоп, разум, твоя очередь, реакции тела допускать нельзя, кто его знает, до чего оно додумается.

– Я думала о тебе, как сложно тебе держаться. Мне помог Алекс, он немного о вас рассказал, и я теперь … Амир, я… расскажи мне о себе… ты ничего не говоришь, и я не понимаю сложностей … Ведь для меня слово агрессия, это драка фанатов после футбола, или пьяный какой-нибудь, я понимаю все как обычная женщина. А голод, это когда для похудения перестаешь есть сладкое, но настоящий голод я и не знала никогда, а ваш так совсем не представляю, только когда глаза Алекса увидела, поняла, как это страшно. Для тебя, когда я рядом, когда вся твоя сила… все твое тело хочет, требует….не знаю, как сказать… а ты вынужден меня еще и спасать.

Я говорила и не смотрела на него, но чувствовала его состояние по температуре ладоней, они то нагревались до состояния доменной печи, то леденели. И совершенно не ожидала жесткого тона после своего признания:

– Алекс не должен был тебе говорить.

– Почему?

Мой наивный взгляд и дрожащий голосок повергли его в шок, чего я тоже не ожидала после такого выговора своему боевику. Он замер. Глаза, ставшие непроницаемо черными, постепенно светлели, а маска разгневанного генерала уступила, даже боюсь подумать эту мысль, растерянности. Не сразу я поняла,

рассматривая изменения состояния лица Амира, что мой организм обиделся, а дрожащий голос, которого у меня никогда не было, он просто не мог так дрожать, как у маленькой девочки, это лишь один из признаков обиды. Затем последовали остальные. Я всхлипнула, закрыла лицо руками и прошептала:

– Никогда… я …надеялась… что…а ты…зачем…уходи.

– Рина…

– Уходи.

Амир попытался убрать мои руки с лица, но я только сильнее зажмурилась и стала сопротивляться его пальцам, даже головой замотала из стороны в сторону.

– Уйди…уходи…уходи…не трогай меня…не смей…

Какое-то время я еще всхлипывала, разум куда-то спрятался, боялся даже мыслью проявиться, потом глубоко вздохнула и осмелилась открыть глаза, Амира в комнате не было. Что это было? Неужели это я? Даже в детстве я свои обиды никому не показывала, тихонечко плакала, спрятавшись в темном уголке, или уходила из дома и наматывала километры, стараясь не попадаться на глаза прохожим. Это так свет проявляется? Или женщина просыпается? Настоящая женщина, которой важно свое состояние, как она на данный момент себя чувствует, не думает, как правильно себя вести, никого самой не обидеть, а сразу высказывает свою обиду. Организм оказался не таким уж и беззащитным, обиделся и все, перекрыл возможность разуму подключиться к процессу разговора, который бы подумал, что нельзя так себя вести, неприлично, надо объяснить все, чтобы Амир понял, догадался, что я… А что я? Ну вот и послушалась Бабы-Яги, решила темноту пожалеть, а она сразу и прикрыла весь свет, единственный лучик, на который я решилась.

Я прислушалась к себе, может, опять рухну в ледяной ужас, но ничего не происходило. Организм постепенно успокаивался и ничего не собирался отдавать. Мне даже показалось, что я покрылась корочкой, чтобы уже наверняка никому ничего не отдать.

В дверь постучали, и я уже хотела крикнуть, чтобы Амир уходил, но подумала и решила, а пусть входит, я еще какой-нибудь цирк устрою. Но вошла девушка из гарема, мило мне улыбнулась и установила поднос с едой прямо на постели, оказались такие ножки странные, но вполне устойчивые.

Закончив с едой, я уже хотела позвать девушку, чтобы она убрала поднос, просто лежать на постели с ним было неудобно, как вдруг вошел Амир. И я совершенно детским жестом закрыла глаза ладошками. Серьезно организм обиделся, даже видеть не хочет объект своих чувств. Но мозг уже пришел в себя от

удивления и решил вмешаться, пока еще что-нибудь не случилось.

– Зачем ты пришел? Поднос забрать? Бери.

Но ладошки не убрала, не хочу смотреть и не буду. И неожиданно развеселилась, то ли организм все-таки решил простить Амира, то ли мозг уже что-то придумал. Я почувствовала, как убрали поднос с постели, и голос Амира произнес несколько слов, потом наступила тишина. И кому он эти слова говорил? Сам себе? Я осторожно развела пальцы и увидела стоявшего рядом Амира, подноса в его руках не было, значит, его кто-то унес. И все, где та настоящая женщина со своей детской обидой, мозг проявился во всю свою умственную мощь. Опустив руки, я заговорила:

– Амир, извини, я больше не буду ничего говорить, и вообще ни с кем разговаривать не буду. Отвези меня обратно, посади в комнату с бассейном. Можешь даже Фису ко мне не подпускать, я ведь и с ней могу что-то не то обсудить, а потом тебе…

– Прости меня.

– Простить? Это ты о чем? Какое может быть прощение или не прощение? Какое я вообще имею право что-то обсуждать? У женщины никакого права нет, и быть не может.

– Может, ты…

– Амир, я женщина уже бывшая замужем, знаю, что чего стоит, ты можешь мне ничего не объяснять. Сейчас я твоя жена и знаю свое место.

Я говорила спокойным голосом, лишь иногда позволяла себе иронично поднять бровь, руки лежали поверх одеяла и ни разу не дрогнули. Вот и договорились мозг и организм, никакого раздвоения личности. На Амира я не смотрела, так и не подняла глаз, гарем так гарем.

– Рина…

– Амир.

– Помоги мне…

– В чем? Ты самый-самый, шестьсот лет всякого опыта, что для тебя источник энергии. Обещала, значит, исполню все, энергию буду отдавать. Кому скажешь, тому и буду.

– Мне нужна ты…

– Я? Зачем?

Пожав плечиком, я все же посмотрела на него, но не увидела, просто фигура на фоне цветов, сразу глаза опустила и продолжила:

– Баба-Яга правильно сказала, говоришь, что нужна я, а на самом деле только мои возможности и нужны, колдовство мое. Не переживай, будет тебе колдовство.

Амир сделал какое-то движение, и я сразу ответила на него:

– Не подходи.

Но мозг еще не все выдал, да и организм видимо с ним согласился в своей мести за обиду, потому что я сразу улыбнулась и скинула с себя одеяло.

– Прости, я забылась, бери мое тело, оно же тебе принадлежит.

Звук, который издал Амир, я не успела осознать, меня кто-то схватил на руки и тихий голос прошептал:

– Молчи.

Темнота была абсолютной, я даже дыхания Алекса не слышала, сразу поняла, что это он. Он стоял и прижимал меня к себе, казалось, что прикрыл своим большим телом от всего мира. Ну да, главное, что от мужа законного унес. Я прижималась к Алексу и думала о том, что натворила, кто знает, в каком состоянии сейчас Амир. И что он потом сделает с Алексом.

Мы стояли неизвестно где долго, мне уже казалось, что прошли часы. Я пыталась хоть немного пошевелить ногами, плотно зажатыми руками Алекса, но он прошептал:

– Не двигайся.

Наконец он расслабил руки и что-то сказал. Сразу зажегся свет, и я увидела, что мы окружены спинами боевиков. Алекс тревожно спросил:

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо…Алекс, а что… почему…

Он отвернулся от меня и опять что-то сказал, спины отошли от нас, потом просто исчезли. Кругом были металлические стены, какой-то технический подвал, только труб не хватает. Пока я оглядывалась, Алекс несколько раз вздохнул, как будто отдышался.

– Что… Амир… он где?

– Амир ушел.

– Он был здесь?

– Подходил к двери.

Мгновение и мы оказались в моей комнате. Я схватила Алекса за руку, когда он опустил меня на постель.

– Амир бы вас не тронул, правда?

Алекс странно посмотрел на меня, ничего не ответил. Но я его руки не отпускала, лихорадочно вздохнула:

– Алекс, скажи правду, что теперь будет?

– Тебя он не тронет.

– Конечно, не тронет, ему энергия нужна, а ты?

– Обо мне тебе думать не …

– Как это? Тебя он убивать будет, а я не думай!

– Это моя задача, охранять тебя.

– Вот и охраняй! Я приказываю тебе остаться в комнате! Всегда присутствовать при мне!

Алекс вздрогнул, глаза округлились, превратились в два прозрачных стеклышка, а рука стала невероятно горячей.

– Правильно, я же имею право тебе приказывать, вот и дождался настоящего приказа …этой, как это… жены … опять забыла, ах да, главы клана и вождя народов.

Я облегченно засмеялась, потрясла его руку, и затребовала:

– Приказываю, чтобы девушка из гарема принесла мне сок.

– Кто?

Алекс смог произнести вопрос, хотя и с трудом, голос еще не очень слушался, и получился больше хрип.

– А кто всю еду приносит, это же ваш гарем?

Он смог только головой покачать, не сразу ответил:

– У Амира нет гарема, это бойцы клана.

– Бойцы?

– Да.

Алекс длинно вздохнул и сказал несколько слов, медленно достал свою руку из моих ладоней и встал. Почти сразу появилась девушка и принесла на подносе золотой кувшин и высокий стакан, улыбнулась мне и отдала его Алексу. Я поблагодарила:

– Спасибо.

Девушка опять мне улыбнулась и вышла. Алекс налил в стакан оранжевый сок и подал его на подносе. Я выпила несколько стаканов, и выглядело это смешно, или мне от радости, что нашла выход из положения, все казалось веселым. Алекс наливал очередной стакан, я выпивала, ставила на поднос, он отходил от меня, наливал сок из кувшина, и снова подходил к моей постели с подносом.

– Спасибо, хватит.

Алекс установил поднос на маленьком столике и подошел ко мне, посмотрел на меня странным задумчивым взглядом. Я сразу замахала руками:

– Ничего не говори, я отдала приказ – выполняй. Вон там у цветов садись и охраняй жену вождя, ты все равно не спишь.

– Рина…

– Ничего не хочу слушать.

Я даже уши закрыла ладонями и закрыла глаза. Во мне опять заговорила настоящая женщина, капризная и своевольная. Подождав немного, я приоткрыла глаза и увидела, что Алекс действительно сидит у нашего с Амиром букета.

– Алекс, ну пожалуйста, мне так действительно будет

спокойнее.

– Твой приказ для меня закон.

Неожиданно ослепительно улыбнулся и сказал странную фразу:

– Ты во всем права, только так, иначе сложнее понять.

– Что понять?

– Ты права.

И опять задумчивый непонятный взгляд. Я решила: согласился – уже хорошо, ведь мог уйти, что бы я сделала с разницей в возможностях. Удобно устроившись, я действительно спокойно уснула.

Утром все было спокойно, проснувшись, я обнаружила Алекса в той же позе и с тем же задумчивым взглядом.

– Доброе утро.

– Доброе.

– Амир приходил.

Я вздрогнула, и Алекс сразу меня успокоил:

– Он ничего не сказал.

– Зато я ему многое могу сказать.

– Рина, постарайся его понять.

Мне ничего не оставалось сделать, только кивнуть головой: попытаюсь. Пока я плавала, Алекс ждал меня в комнате, внимательно посмотрел в глаза и выдал вердикт, что я чувствую себя хорошо.

– У меня все нормально, нигде не болит. Можешь проверить.

И протянула свою руку, он опять быстро взглянул мне в глаза темным взглядом, но руку взял.

– Ты берешь мою энергию.

– Вот видишь, все хорошо, теперь, если что, и ты сможешь меня спасать.

Но эта идея почему-то совсем Алексу не понравилась, он помрачнел и вздохнул. И я поняла, Амиру она тоже не понравится. Ну да, Алекс меня похитил у него из-под носа, всю ночь провел рядом в комнате, а теперь еще и спасать меня сможет. И все началось с того, что Алекс мне рассказал о них.

– Он сейчас на нас смотрит?

Алекс ничего не сказал, только слегка усмехнулся, значит смотрит. Я уже открыла рот, чтобы высказать свое возмущение, но вдруг осознала, это мне цирк и мелкие разборки между организмом и мозгом, прошлым и настоящим, а Алексу это может стоить жизни. Я вдруг вспомнила, как Амир говорил, что он может убить любого в своем клане. А того, кто пошел против его воли? Он четко сказал, что Алекс не должен был мне говорить о них, да, у такого как Амир все всегда определено в задаче, а я все

порушила. И Алекс сознательно пошел на нарушение приказа, такие, как он, просто так не ошибаются.

– Алекс, спасибо тебе, мне было спокойно от того что ты был рядом.

Он чуть сощурил глаза, догадался, что я это для Амира говорю.

– Проводи меня до столовой.

Я надеялась, что Амир уже ждет в столовой, хотя не имела никакого представления, о чем с ним буду говорить. На меня вдруг навалился страх, однажды уже было так, что Амир был готов убить Алекса за то, что тот продолжал брать у меня энергию в своей болезни. Тогда я высказалась однозначно, что умру, если он это сделает, но, честно говоря, не очень понимала своих действий. А сейчас надо как-то сделать так, чтобы Амир понял меня, понял как человека. Ведь цена этого понимания велика – жизнь Алекса.

Но Амира в столовой не было. Я растерянно посмотрела на Алекса, он только пожал плечами, вождь не предупреждает о своих действиях. Девушка тут же принесла завтрак, и я решила спокойно подкрепиться: надо быть готовой к разговору с мужем. Понимая, что Амир посмотрит запись моего завтрака, я решила не провоцировать его и молчала. Алекс о чем-то думал, даже брови нахмурил.

Я уже допивала сок, когда в столовую вошел Амир, Алекс сразу подскочил с дивана.

– Доброе утро.

– Доброе утро.

Мой голос изменил мне, и я поздоровалась хриплым, каким-то надтреснутым голосом. Амир сразу подошел ко мне:

– Как ты себя чувствуешь?

– Хорошо, это после сока так получилось.

Утерев губы неприличным детским жестом, я растерянно посмотрела в темные глаза Амира. И совсем не ожидала, что он протянет мне руку.

– Я хочу тебя познакомить кое с кем. Пойдем.

Он помог мне встать и, не обернувшись на Алекса, повел меня, так и оставив мою руку в своей ладони, она была теплой и мягкой. Я облегченно вздохнула, надеюсь, что разборка хотя бы отложена на время встречи с этим некто.

Мы долго шли по коридорам дворца, Амир спокойно шел рядом со мной, не пытаясь заговорить, и я была рада этому, оказалось, что учинить скандал легче, чем потом что-то объяснять. Особенно когда от тебя зависит чья-то жизнь.

Амир привел меня в странное помещение, небольшую по

размерам комнату, разделенную стеклянной стеной ровно наполовину. Никакой мебели, кроме двух стульев, один перед стеной, другой за ней. Стекло было настолько толстым, что даже я сразу её заметила. Амир усадил меня на стул и произнес короткое слово, сразу на той стороне открылась дверь и два боевика завели молодого мужчину и посадили его на стул, а сами встали рядом. Интересно, кто это может быть и зачем Амиру меня знакомить с кем-то через бронированное стекло. Рассматривая незнакомца, я поймала себя на мысли, что в этом лице, ничем особенно не отличавшемся физически, обычное лицо с мелкими чертами лица, мне что-то не нравится. Бегающий взгляд, вот что, мужчина чего-то очень боялся, вздрагивал постоянно, оглядывался на боевиков и суетливо поправлял на себе костюм. На нас с Амиром ни разу не посмотрел.

– Он нас не видит?

– Видит. Боится посмотреть на меня.

Амир встал рядом со мной и положил руку на плечо как на старых фотографиях, муж с женой.

– Рина, это доктор Шерер, Пьер Шерер. По его приказу убили детей в клинике.

Ничего во внешности этого мужчины не указывало на то, что он доктор, и особенно на то, что он может приказать убить маленьких детей. Обычный трусливый стандартный статистический мужчина. Такого не запомнишь даже если провести с ним какое-то время, на следующий день не узнаешь. Никакое лицо и трусливое тело. Я рассматривала это чудовище в человеческом облике и пыталась понять, в чем вина этих детей в своей маленькой страдающей жизни, чтобы ученый монстр так их убил. Разорвал руками других монстров, которых он сам создал.

– Тебе плохо?

– Нет. Можно мне у него спросить… узнать…

– Спрашивай.

Я встала и медленными маленькими шажками подошла к стеклу, Амир встал рядом. Шерер поднял на нас испуганный взгляд, как будто только увидел, и сразу прикрылся руками, закрылся, как от удара. Боевики развели руки и уложили их ему на колени, как нашкодившему ученику. Я не успела ничего сказать, Шерер быстро заговорил всхлипывающим голосом на французском, потом перешел на английский, снова на французский. Он говорил и говорил, иногда взмахивал руками, но боевики успевали эти руки поймать и вернуть на колени.

– Что он говорит?

– Рассказывает о своих научных достижениях.

– Научных?

– Я не должен его убивать, потому что он талантливый генетик.

Амир смотрел на Шерера спокойным взглядом, ни один мускул не дрогнул на лице, только руки оказались в карманах, впервые я увидела его в такой позе. Он держит себя, на самом деле может в любой момент разорвать его на кусочки, и Шерер это понимает.

– Спроси его, а дети, сколько среди них было будущих талантливых генетиков… нет, не так, есть ли у него самого дети…

– Двое сыновей. Он их обратил.

– Как… собственных детей?

– Это они были в клинике. Я их убил.

Я даже не вздрогнула, с ужасом посмотрела на монстра за стеклом, который все говорил и говорил о своей талантливости, откровенно плакал и умолял Амира не убивать его.

– Зачем он убил детей?

Амир произнес несколько слов на английском, совсем негромко, но Шерер его услышал, упал со стула на колени, но боевики подняли его и снова посадили на стул. И произошло преображение: Шерер вдруг успокоился, утер лицо и заговорил на английском уверенным голосом. Я оглянулась на Амира и увидела то же спокойное лицо, никаких эмоций, как будто он слушает делового партнера. В какой-то момент Шерер вдруг обратил внимание на меня, замолк на мгновение и опять заговорил быстро, почти проглатывая слова. Он даже попытался вскочить со стула, но боевики не позволили ему этого, жестко посадили обратно. Один из них странно взглянул на меня, и я поняла, Шерер говорил обо мне.

– Что он сказал?

– Предлагает объединить твои возможности с даром Мари.

– И что? Создать очередного монстра?

– Не монстра, удивительное создание с удивительными способностями.

И опять ничего не изменилось в лице вождя, только во взгляде появился прищур, стальной прищур убийства. Амир посмотрел на меня сверху и добавил:

– Тебя можно использовать самым различным способом, потому что ты осталась жива. В тебе есть силы, способные многое изменить в природе людей и Темных.

Впервые Амир произнес это слово, которое обозначает его сущность. И так же, как Фиса, он произнес его с заглавной буквы, но не торжественно, а с внутренней болью. Я смотрела в эти никакие глаза и пыталась понять, что он сейчас чувствует на

самом деле, что творится в его душе, какие страшные мысли ломают его, рвут на части его сердце.

– Ему для этого была нужна Мари? Эксперимент?

– Шереру заказали Мари.

– Заказали? Не понимаю.

Усмешка едва тронула губы, и он посмотрел на Шерера, задал вопрос на английском. Тот сразу сник и произнес фамилию, она оказалась мне знакомой, я даже схватила Амира за локоть:

– Неужели это…

– Да, его часто показывают в новостях. Ты хотела спросить о чем-то, спрашивай.

Но я лишь покачала головой и отвернулась от стекла – мне нечего спрашивать у этого… нечеловека. Амир произнес длинную фразу на неизвестном языке, и тут же прозвучал звериный крик ученого генетика. Он сразу прекратился, видимо боевики зажали ему рот.

Я смогла дойти только до стула, схватилась за спинку, но Амир подхватил меня на руки и вынес из комнаты. Всю дорогу до комнаты я прижималась к нему и хваталась за лацканы пиджака, вздрагивая всем телом от ужаса. Он шел медленно, лишь один раз спросил:

– Как ты?

– Не знаю.

В комнате Амир уложил меня на постель и собрался уходить.

– Не уходи. Почему он убил детей?

– Они не смогли обнаружить Мари, и Шерер приказал убить всех.

– Он там тоже был, в клинике?

– Да.

Амир стоял и смотрел на наш букет, руки в карманах и плечи сгорбленные, как будто спрятался от моих вопросов, от меня. Я даже села на постели, так мне захотелось подойти к нему и обнять, прижаться всем телом, выпрямить эту гордую спину.

– Я работал с ним много лет.

– С…Шерером?

– Некоторые свои открытия он пробовал на себе, на самом деле ему уже около ста лет. Он сотрудничал с моей медицинской службой по усовершенствованию возможностей боевиков.

– И он знал о Мари?

– Нет. О ней не знал никто. Только королева поняла, что … она почувствовала мою боль. И вылечила ее своей энергией, отдала часть своей жизни за нее.

Он стремительно оказался у постели и посмотрел на меня жестким тяжелым взглядом.

– Тебя будут искать и найдут.

– Найдут?

– Мы уезжаем.

– Подожди, а что будет с этим…Шерером?

Амир обернулся уже у двери и никаким голосом ответил:

– Из Шерера сделают мутанта без рук и ног. Его голова мне может понадобиться.

– Его могут выкрасть и тогда он…

– Не выкрадут.

О чем я говорю, если Амир смог его захватить при всякой там охране, то уж из своих рук не выпустит.

– Я всегда успею его убить.

Когда в комнату вошел Алекс, я смогла только криво ему улыбнуться и спросить:

– Амир ничего тебе не сказал?

– Мы уезжаем.

– Это я знаю, Алекс, я не об этом.

– Не волнуйся.

Оказалось, что встреча с Шерером забрала у меня все силы, и я практически не могла двигаться. Алекс посмотрел, как я встаю с постели и не выдержал:

– Рина, ты слаба.

– Я все могу.

В комнате из ничего проявился Амир и тревожно посмотрел мне в глаза, потом обернулся к Алексу и приказал:

– Помоги с энергией.

А сам исчез. Вот, значит, как, все посмотрел, оценил и решил оставить Алекса в живых, потому что тот может мне передавать свою энергию. Вождь.

Мне сразу стало лучше от энергии Алекса, видимо опять сработало единое стремление и мозга и тела, ведь его присутствие означает отсутствие слабости и боли, да и то, что Амир его пощадил, тоже добавило спокойствия. Когда я уже надела шубку, в комнату вошли четыре девушки, как их назвал Алекс, бойца. Он помог мне застегнул пуговицы и, подавая перчатки, сказал:

– Девушки должны коснуться твоей руки.

– Зачем?

– Ты поедешь в четырех машинах, они смогут изобразить тебя своей энергией.

Я не очень поняла, что он сказал, но руку подала, девушки едва коснулись моей руки и сразу исчезли.

– Алекс, я ничего не поняла. Как я поеду в четырех машинах?

– Каждая из девушек, зная твою энергию, изобразит тебя, они

даже наденут твою одежду, чтобы те, кто будет искать тебя, нашли их.

– Но их же могут…

– Рина, это их задача, охранять тебя.

– Но их могут убить!

– Могут. Поэтому мы улетим вертолетом, в котором, кроме меня, никого не будет.

– Алекс, я ничего не …

– Ты ничего не должна понимать в своей охране.

Голос Амира был строг, а взгляд тяжел. Он посмотрел на Алекса, и тот подхватил меня на руки.

– Рина, тебе придется молчать всю дорогу, чтобы тебя не услышали. Никто тебя не увидит, Алекс закроет своей энергией, но голос могут прослушать.

Он отвернулся и уже практически у двери вдруг остановился, постоял мгновение и снова вернулся к нам.

– Мы будем защищать девушек из гарема, чтобы никто не понял, что в машине не ты.

Я кивнула головой, и вся сжалась: такого Амира я еще не видела, казалось, что он уже в бою, ничего его не отвлекало от задачи. И мне сказал о защите девушек только для того, чтобы я не приставала с вопросами к Алексу и не мешала ему меня охранять.

Вертолет оказался в подвале, Алекс просто проявился рядом с ним, я только успела моргнуть глазами. Два боевика взяли меня на руки, занесли внутрь вертолета, усадили в мягкое кресло, закрепили множеством ремней и прикрыли странной прозрачной тканью, которая мягко обернулась вокруг меня. Алекс выглянул из кабины пилота и улыбнулся:

– Рина, я хороший пилот.

Моя кривая улыбка означала лишь то, что я плохой пассажир. Вопрос о том, как мы на вертолете будем вылетать из здания, я сразу проглотила. Тем более, что из-за странной ткани я видела все немного в тумане. А как я дышать буду? Но вздохнув несколько раз, поняла, ткань свободно пропускает воздух, никакого напряжения.

Вертолет произвел звук, и послышался шелест движения лопастей. Поехали. Вылетели мы в оконный проем, который увеличился до размеров всей стены. И сразу – солнце. Казалось, что мы летим прямо на него, так оно сверкало. Я зажмурилась и решила глаз не открывать.

Мы никогда не сможем понять друг друга. Вождь, воин, стратег, хитромудрый политик в жизни, абсолютный одиночка. Именно история с Алексом показала мне, что Амир никогда и

никому не доверял, и в человеческой жизни, всего скорее, тоже. Он, как говорят, по жизни такой, а жизни этой шестьсот лет. И я, которая ничего, кроме обид, в жизни не видела, сама не видела, только обиды и собирала, вместо того, чтобы обернуться вокруг и найти радость, увидеть саму жизнь. Я сама и есть Баба-Яга, та, которая не допускает малой толики возможности измениться, расколдовать себя, с одной стороны говорит, что давай, иди, расколдовывай, и тут же заявляет, что не позволит, тьмой угрожает. Ну да, она вроде к Амиру обращается, а на самом деле же мне говорит, что он должен сделать, чтобы меня расколдовать, а я? Я что должна сделать, чтобы расколдоваться? Даже не ради Амира – ради себя. Увидеть этот мир, в который судьба меня забросила, чтобы спасти тех, о которых я даже никогда не слышала, целый народ с вождем во главе. Пока я его не увижу, ничего у нас с Амиром не получится. Значит, для себя? Ну да, для себя, потому что Амир для меня. Я уже хотела хихикнуть над своей мыслью, но вовремя вспомнила, что мне нельзя издавать даже звука, и сжала губы: будем философствовать молча.

Сегодня я увидела Амира другого, даже не могу определить, какого, настоящего, наверное. У которого все продумано до мелочей, мельчайших мелочей, оттенков мелочей. Вплоть до того, что я могу подумать даже не в следующий момент, когда-нибудь. Вот о чем он говорил, вернее, пытался мне сказать, а еще пытался мне объяснить, что со мной он этот опыт не использует. Как та же Баба-Яга проговорилась, не понимает, но идет. Во вчерашнем скандале он даже попросил у меня помощи, а я не захотела услышать.

Я думала о чем угодно, размышляла о наших с Амиром отношениях, а в голове время от времени пробивалась мысль, которую я лихорадочно отталкивала, что происходит с теми девушками, как Амир их защищает, чтобы неизвестные мне враги не поняли, что в этих машинах меня нет. Ведь если он не будет их защищать как меня, эти враги сразу поймут все и будут искать меня, и догадаются, что я исчезла каким-то другим способом, вспомнят про вертолет, на котором никого кроме Алекса не было. Не успев додумать эту мысль, я замерла от другой, Амир не мог просто так оставить нас с Алексом в одиночестве, кто-то еще есть, кто-то, кто готов отдать жизнь за меня, как те девушки из гарема, на самом деле бойцы. После встречи с Шерером, который одним словом уничтожил целую клинику с детьми и врачами, я осознала реальную опасность для всех, кто меня окружает. Кровавая пелена, которая была перед моими глазами в клинике, опять застлала мне все вокруг, и я безмолвно крикнула своему организму, что нельзя мне сейчас терять сознание, никак нельзя:

Алексу с Амиром не до меня, они в бою. И организм понял, зрение восстановилось, я облегченно вздохнула, появилась надежда, что мы нормально долетим домой… куда? В ковровый дворец?

14

Организм нашел самый легкий способ избавиться от волнения – я уснула. Мне снился сон, в котором я сначала ничего не понимала, удивленно озиралась вокруг и пыталась разглядеть лица окружавших меня людей. Они все были высокими, очень сильными, но почему-то боялись меня, стоило мне на кого-то посмотреть, как тот сразу падал на колени и закрывал лицо. Среди них были и женщины, но они еще больше пугались моего взгляда: не просто падали на колени, практически ложились на пол и закрывали головы руками. Я что-то им говорила, но меня никто не слушал, мой голос тоже их пугал, мужчины замирали, а женщины прикрывали лица. Я не выдержала и схватила одну девушку за руку, она от ужаса закричала, и мне пришлось отпустить ее. Что это? Почему такой страх, что я такого совершила, почему меня все так боятся? И тут послышался голос Бабы-Яги:

– Ну что, Темная? Ты этого хотела? Узнала мир, в который пришла? И так будет всегда: где ты, там ужас, ненависть и страх, страх, только страх.

– Я не боюсь.

Она хрипло расхохоталась:

– Боятся тебя. Всегда будут бояться, никто не сможет перебороть этот страх, в тебе столько тьмы и силы, что она погубит любого, кто посмеет приблизиться к тебе. Ты погасишь любой свет, раздавишь все цветы, которые взрастут в лучах этого света, сломаешь их души.

Она довольно захохотала, и все пропало: ни людей, ни ее голоса, Пустота.

Я едва ощутила, как меня распеленали из ткани, словно сквозь туман слышала тревожный голос Вито, его слова тянулись странными звуками и мне были непонятны. Кто-то держал меня за руку и тоже что-то говорил, но и его я не понимала в этой тягучести, мои глаза едва открывались, веки были тяжелыми и не хотели подниматься. Спать, только спать.

Безмолвие окружало меня, ни единого звука не нарушало абсолютной тишины. Я видела всплески яркого света, который иногда проявлялся в глубине пространства, но не мог осветить серого тумана, который заполнил собой все. Этот свет был как всполохи дальней грозы, которая уже ушла, и лишь эти мгновенные проблески напоминают о буйстве огня, ветра и воды. Остался только серый безмолвный туман бессилия.

– Я не дам тебе сгинуть, ишь что придумала, опять за мысли

свои спрятаться решила, дураку одному жизнь свою подарила, на блюдечке приподнесла, да всю жизнь с ним покалечила, свет свой погасила ясный, а теперь из-за другого порешала лучик единственный погасить! Только он тебя и держит на белом свете, а ты сама собралась эту ниточку разорвать! Витек, а ну зови сюда Лешу-то, лечить заразу будем, пороть дурочку эту надо, только пороть, нету на нее сладу никакого!

Неугомонная Фиса ворочала мое бессильное тело, мяла его своими маленькими железными пальчиками, но боли не ощущалась, я чувствовала лишь силу ее давления кожей, мышцы никак не реагировали. Темные не чувствуют боли, только степень повреждения.

– Да что же с тобой миленькая моя, красавица ты наша, куда душа твоя убежала, за какие горы спряталась, голос мой услышь, девонька, слова мои да боль нашу за тебя. Поговори со мной, хоть слово скажи, глазки свои ясные открой, пальчиком добрым, мизинцем ласковым пошевели, нету нам без тебя жизни, она вся сразу и пропадет, исчезнет мир без тебя. Ласточка моя святокрылая, ты одно услышь, целый мир с душами в бездну без тебя рухнет, темнотой покроется небо, да солнце погаснет, нету его без тебя, света твоего жизни нет в этом мире. Только капелька надежды и появилась, маленькая дождинка радости, что есть свет миру этому, черноте полной да страданию вечному…

И вдруг рыдание и всхлип прервали речь Фисы. Она плакала горько и надрывно, как бабы в деревнях оплакивали своих детей, с криком души безнадежной, что жизнь с этой минуты для нее уже закончилась. Фиса плакала и плакала, еще что-то кричала о безнадежности для мира, а я никак не могла понять в своем сумраке, какой мир, почему он без меня погибнет. И вдруг тихий шепот пробился сквозь крик:

– Рина, только ты, свет и радость, мечта и боль, единственное счастье в жизни, каждое мгновение счастье, мысль о тебе – уже сияние в темноте, вернись ко мне. Молю тебя, вернись.

Что-то значили эти слова? Сумрак затревожился, заволновался сгустками, и стали проявляться просветы, освещаемые отдельными лучами.

– Она берет энергию!

– Рина! Молю, мне нет жизни без тебя, вернись, вернись к нам! Ты нужна всем, мне нужна, ты единственный свет!

И проявилась боль, разорвала сумрак ярким светом, вспышками солнца, обжигающими все тело.

Фиса укутала меня еще в одно одеяло, а сверху на голову накинула красивый плед. Я не то что двинуться – оглянуться не могла. А еще назвала прогулкой.

– Я как та гора, недвижима в вечности.

– Молчи, хоть и весна по-ихнему, а ветерок, он такой, дунет и простуда сразу.

– Алекс все вылечит.

– Ой-ой, придумала себе развлечение, как что сразу этот с руками, а сама уже ничего и не хочешь сделать, ручками своими потрудиться.

– Да я с вами уже и двигаться перестала, этими самыми ручками даже ложку ко рту не даете…

– Молчи, слова тебе никто не давал!

Вот так мы с Фисой и разговаривали, только я не Вито, терпения во мне нет, я сразу высказывала свое возмущение, а она радовалась и начинала заново меня раздражать. И, как догадываюсь, получала от этого массу удовольствия.

Весна в горах – явление непередаваемое никакими словами. Солнце светило прозрачным светом, казалось, что воздух подрагивал от лучей, а горы отвечали своим сиянием снежных шапок. Я щурилась и вдыхала ароматы тающего снега, нарождающихся листьев, влажной пробуждающейся от зимнего сна земли, и еще массы запахов, которых я определить не могла. Амброзия. И пение птиц, весело резвящихся на ветках деревьев, окружавших наш домик. Вот одна села рядом со мной и засвистела свой романс о вечной любви. Тут же прилетела другая и запела танго, покачивая своей яркой головкой в такт отдельным переливам. Они соревновались друг с другом в красоте звучания, а Фиса щурилась на солнце и тихонечко подпевала им обеим.

– Спой что-нибудь.

Она иногда пела мне странные песни древних времен, в которых я мало что понимала, но полюбила их звучание, многократную повторяемость строк в разной тональности.

– А ты, милочка, сама спой.

– Я не пою.

– Так попробуй.

– Нельзя оскорблять такую красоту.

– А горы все простят, они вечные, им твое пение только в диковинку будет.

Я попыталась на нее посмотреть, но из-за пледа на голове ничего не увидела и лишь хмыкнула.

– Порадуй камень-то, он небось уже сто лет только птиц и слушает.

– Тебя слушает.

– Дак надоела уже, ему наши песни в странность, ты вона их и слушаешь, потому что деваться некуда.

– Ты не права, мне нравится, как ты поешь, интересно.

– Теперь сама покажи, кода еще такой случай будет, что никого в округе нет, ори, сколько хочешь.

– Боевики кругом.

– А им что, твой ор получше приказов ирода в любом раскладе.

Мы с ней не обсуждали подробностей моего физического и умственного бессилия в тумане. Я еще долго была в полубессознательном состоянии, хотя и принимала энергию Алекса и Вито. Полностью пришла в себя в этом маленьком домике в горах, среди высоких деревьев и немереного количества боевиков, прятавшихся среди камней.

Постоянно с нами были только Вито и Алекс. Амир так и не появлялся. Несколько раз приезжала Мари и тоже лечила меня, но ей нельзя было долго находиться вместе со мной, так как ее тоже искали враги. Мы обе радовались совместным разговорам, и я удивлялась, как мне хорошо с этой девушкой. Я не спрашивала ее о пещере, где она восстанавливалась после истории с клиникой, а она промолчала. Ее прятали далеко в пустыне за этими горами, хотя она и возмущалась таким решением Амира, все заявляла, что сама может себя защитить. На что Фиса глубокомысленно парировала, что отец лучше ее понимает в военном деле, да и за дочь беспокоится:

– Ты, девонька, гордыню-то свою поумерь, отец твой вона сколько лет в боях, ему сейчас не до девки премудрой, ты и знать не можешь, чем он там занимается, как врагов бьет, ему еще и тебя от девичьей глупости спасать некогда.

Меня удивляло, что Фиса в разговорах с Мари всегда называла Амира отцом, ни разу не сказала свое, данное неизвестно когда, определение ирода. И Мари замолкала, прижималась к ней, слушала очередную песню или сказку. Ко мне она тоже любила присесть и взять за руку, говорила, что энергию проверяет, только потом я поняла, что она ведь нормальной жизни с тетками и матерью уже и не помнит, что и было, то шестьсот лет безмолвия пещеры все стерло. Мы с Фисой стали для нее кем-то из нормальной детской жизни, когда не нужно быть сильной и мудрой, а можно вот так прижаться к теплому бочку и ни о чем не думать.

Фиса вздохнула и тихо заговорила:

– Ты, Рина, тьму на себя натянула, шкуру эту черную да мохнатую, звериную душу в себя приняла, да почувствовала, каково в этой шкуре-то боль терпеть. Страх, не изведанный никем, осознала, ужас темный души больной, ирод болен уже тобой, только излечения не знает, и мало времени у него, страх перед светом в его душе живет, ломает его каждую минуточку. А

ты, девонька, ласточка, крылья свои должна распустить, свою душу вернуть, не сумеешь, так темнота тебя осилит, найдет лазейку, как душу твою себе забрать.

Она замолчала, а я вновь ощутила сумрак в душе, серый туман, который сразу пахнул на меня холодом. Едва разомкнув губы, спросила:

– И как мне … что …

– Ты думаешь, я зазря песни-то пела, они ведь для души твоей малая толика силы, чтобы смогла она в тебе хоть на время задержаться, ниточке твоей помощь, которой ты за жизнь держишься.

– Фиса, я не знаю…

– Ты о нем плохо не думай, это я его к тебе не допускаю, потому как, а вдруг твоя темнота с ним встретится, да и не сможешь ты душу удержать, ему бы со своей справиться, а если и в тебе проснется? Силы в тебе, которые выжить помогли, да тьма вечная они ведь тогда тебя разорвут, спасти никто не сможет, и ему не удастся. Даже если ради тебя на погибель пойдет. Согласный он уже, давно согласный, да только не спасет это тебя, не спасет. Только сама, девонька, свои силы поднять тебе надо, женские, крылья развернуть.

– Ему погибель?

– Погибель, ласточка, погибель. Нету ему без тебя жизни, если что с тобой случится, его боль его же и погубит. Сам он готов, хотел уже… да ты вовремя его услышала, не простил он себе, что его темноту на себя взяла, душу свою его темнотой да ужасом заполнила.

Вот, оказывается, к чему привели мои мысли о мире, в который я попала. Захотела узнать мир, пожалуйста, чувствуй их, осознавай их жизнь. Существуй в той темноте, которая в душах властвует. И я запела хриплым голосом, почти без мелодии, первое, что вспомнила:

В городском саду играет духовой оркестр.
На скамейке, где сидишь ты, нет свободных мест.
От того ль, что пахнет липа иль роса блестит,
Мне от глаз твоих красивых взор не отвести.

Прошел чуть не полмира я – с такой, как ты, не встретился.
И думать не додумался, что встречу я тебя.

Верь, такой, как ты, на свете нет наверняка,
Чтоб навеки покорила сердце моряка.

Слезы потекли сразу тоненькими ручейками. Вся замотанная одеялами и пледом, я не могла их утирать, и скоро все лицо стало мокрым и горело внутренним огнем отчаяния. Немедленно появился Вито и сел передо мной прямо на землю, достал мои руки, и горячий поток энергии полился вместе с песней. Я всхлипывала, дрожала всем телом, но продолжала петь, хотя слова уже не получались, лишь заунывное перебирание звуков.

– Ты еще спой, ласточка, яблонька моя, спой, сразу надо, пусть слеза твою душу умоет.

– Не…могу…

– Можешь, ты все можешь. Я тебе помогу.

И Вито запел красивым голосом что-то на итальянском, какую-то знакомую мелодию, я когда-то слышала ее, и она мне понравилась.

– Вито, это песня солдата? Там что-то про подружек…

– Да. «Скажите, девушки, подружке вашей…»

Он перевел начало, и я улыбнулась, надо же, оказалось, помню, хотя и слышала всего один раз.

– Вот и молодец, Витек, вы вдвоем петь будете.

– Нет-нет, я совсем не умею, а у него так красиво получается, мне при нем даже рот открывать нельзя.

– Так ты, разумница, пойми, это лечение для тебя, заместо лекарства будет. А то могу чего заварить с маслицем.

Я поняла, что угрозу Фиса исполнит и заставит пить огненное варево в качестве воспитательного средства. Вздохнув несколько раз и затребовав Вито уйти, чтобы не так стыдно было, я спела еще две детские песенки. Слезы появлялись сразу, они текли по щекам, и я утирала их краем пледа. В душе рвалась боль, жгла тоска, невероятная тоска, несмотря на веселые слова о теплом лете и вагончике, который качается. Удивительное состояние: во мне одновременно боролись тоска с болью, и какая-то светлая радость, она только едва проявлялась, задавленная тяжелыми камнями тоски и алыми всполохами боли, но уже волновала, заставляла на что-то надеяться.

Не зря говорят, что песня лечит, я поняла это по состоянию своего организма уже через несколько дней таких песенных процедур. Алекс принес мне распечатки текстов различных песен, из которых я помнила иногда всего несколько слов, и мы усаживались с Фисой в небольшой беседке у домика и пели. Я понимала, что все слышат мое завывание, но деваться некуда, Фиса решительно поставила передо мной стакан с огненной масляной жидкостью для более полного понимания значимости

момента.

– Выбирай, огнем мы тебе душу лечить будем, али песней.

Я пела, а слезы лились и лились, потоки слез, горные реки, заполняющие собой океан. Лишь на третий день река превратилась в ручеек, а на пятый в отдельные капельки теплого летнего дождя. Фиса запретила Вито напевать мне мелодию песен, заставляла саму вспоминать и с каждым днем все строже требовала петь в соответствии с настоящей мелодией, а не так, как получалось у меня.

– Ты ласточка не ври тут, горам стыд свой не показывай, они ведь все понимают, как ты их обмануть-то хочешь. Заново, с первого словечка.

Утерев слезы, я начинала петь песню с первого куплета, иногда сердилась на очередное замечание Фисы, а она демонстративно пододвигала ко мне стакан с альтернативным лечением – приходилось покоряться.

Мое тело, которое едва двигалось, поддерживаемое лишь энергией Алекса, постепенно наливалось силой. Я уже сама понемногу стала ходить вокруг домика, трогала молодую листву, которая буйно росла на ветках различных деревьев, нюхала цветы, Алекс сразу доставал мне его каждый раз, как только замечал, что я на нем остановила свой взгляд. Они с Вито по очереди провожали меня, а Фиса как обычно руководила, посиживая на скамеечке, которую переносила по мере моего передвижения вокруг домика.

Однажды утром, когда я встала сама раньше обычного времени, она мне заявила:

– Сегодня горам подарки понесем.

– Какие подарки?

– А за приют, за солнце, да за весну.

Вито удивленно приподнял брови: не знал о таких планах Фисы, а Алекс уточнил:

– Фиса, зачем в горы?

– Я же говорю, надо горным духам благодарность сказать за добро да за ласку. Ты хлебца кружок приготовь да молочка налей в посудину, Рина и отнесет.

– Я?

– А кто же еще, ты у нас силу ихнюю забирала, для тебя старались. Да за стоноту твою, ор твой тоже извинения попросить надобно.

Она категорически запретила Алексу и Вито мне помогать, заявила, что если они меня хоть коснутся, то духи обидятся на меня и силу снова заберут. Они переглянулись, кто его знает, а вдруг так и есть, ее словам перечить опасно.

Выйдя на улицу, Фиса походила вокруг домика, долго смотрела на горы и указала куда-то пальцем:

– Ты вон тот уступчик видишь?

Я не видела никакого уступчика, кругом скалы да щебень, высокие деревья и колючие кусты. Скептически взглянув на меня, ведь потеряюсь, ищи потом, дала приказ уже Вито:

– Витек, ты-то хоть видишь?

– Вижу.

– Туда нашей лебедушке и надо дойти. Ты всяко ее пойдешь охранять, так не дай в сторону уйти. Только не помогай, заново лезть придется.

Торжественно вручив аккуратно свернутый в чистое полотенце хлеб и кувшин с молоком, она подтолкнула меня в сторону горы:

– Иди, птица святокрылая, иди за силой своей. Только одно скажу, как сможешь, так и будет.

Могла я с трудом, хотя на ноги мне надели мягкие сапожки и облачили в наряд горных красавиц, платье ниже колен из толстой шерстяной ткани с геометрическими узорами, так Фиса наказала, мол, удобнее по горам ходить. Идти было неудобно: камни повсюду, щебень так и сыпался из-под ног, деревья стояли в самых неудачных местах, внизу ствола ветки не росли, и ухватиться было не за что, а кусты обросли длинными колючками. Я вся взмокла, кувшин оттянул руку, полотенце с хлебом постоянно за что-то цеплялось, ноги скользили и царапались о камни. Иногда голос Вито меня поправлял:

– Возьми левее.

Я вообще не имела никакого представления, что это был за уступчик и где он находится. Вскоре мне не стало хватать воздуха, хотя я понимала, что вряд ли поднялась высоко, движения замедлились и, наконец, я упала и скатилась на несколько метров вниз. Рядом сразу появился Вито и еще двое боевиков.

– Рина, ты не ушиблась?

– Кажется, нет.

Удивительно, но полотенце с хлебом и кувшин я из рук не отпустила, даже молоко не разлилось. Разобравшись с руками и ногами, ничего не сломано и двигается, я вздохнула:

– Надо идти.

– Ты будешь подниматься?

– Конечно, если не поднимусь, то Фиса заставит каждый день лазить. Превращусь в горную козочку.

Улыбнулись даже боевики, а Вито так откровенно рассмеялся, характер Фисы он познал достаточно.

– А ты пой, так легче будет.

– Ну да, мне уже и так перед ними прощения просить, перед духами, совсем разобидятся за мое завывание.

И вдруг один из боевиков опустил глаза и решился высказаться:

– Ты хорошо поешь.

– Фиса тебя не слышит, она бы сказала, что такое хорошо в моем исполнении. Надолго бы голос сам потерял.

Он тоже рассмеялся, наслушался уже за время моего лечения всего от главного лекаря. Я с трудом поднялась, отряхнулась и подобрала дары духам.

– Ладно, слушайте, все равно извиняться, одной песней меньше, одной больше.

Я уже потеряла счет своим падениям, чем выше я поднималась, тем легче сыпался щебень и мелкие камешки. Но назло Фисе и всему миру вставала, даже уже не отряхивалась и с песней шла снова вверх. Только удивлялась, что молоко из кувшина не выливалось, да и сам кувшин не разбивался, хотя пару раз я умудрилась ударить его о камень. Вито продолжал направлять меня: пойди направо, возьми налево. Казалось, что сил уже нет, ноги едва передвигаются, руки с трудом удерживают молоко и хлеб, пот застилает глаза. Песня тоже плохо получалась, я начала всхлипывать, но не позволила себе заплакать, еще чего, нечего боевикам слушать, как жена вождя рыдает от усталости, всего-то по горам прогулялась.

Площадка появилась передо мной неожиданно: абсолютно ровная поверхность в несколько метров, а дальше скала, поднимающаяся высоко вверх. В центре площадки стоял Амир. Я стала падать сразу, как только увидела его, и он успел меня подхватить, так со мной на руках и сел на землю.

Мы сидели на площадке. Он на земле – я на его коленях, а в моих руках дары духам гор… Немного отдышавшись и утерев лицо его платком, я спросила:

– Как ты сюда попал? Это из-за тебя меня Фиса отправила горы покорять?

Почему-то я на самом деле не удивилась его присутствию. Когда слезы перестали выливаться из меня потоком, где-то очень глубоко в душе появилась надежда, что Амир скоро появится.

– Я прилетел, когда ты уже ушла в свой горный поход. Фиса запретила помогать, и я решил дождаться тебя здесь.

– Мне еще духам гор надо подарки передать.

Он обнимал меня, и мне было приятны прикосновения его рук., можно было это удовольствие списать на мою усталость после горного похода, но я знала, что не только в этом причина, я

его ждала.

Амир был в своем привычном одеянии, все черное, и я спросила:

– Почему вы всегда ходите в черном? Потому что Темные?

– Да.

– Ну, тогда мне тоже придется…

– Нет. Ты не Темная.

И сразу руки напряглись, стали жесткими, как руки статуи.

– Я не об этом, я знаю, что не Темная.

– Знаешь?

– Да. Вымыла уже все.

– Ты много плакала.

– Видел?

– Ты красиво поешь.

Я хрипло расхохоталась и взмахнула руками, от чего чуть не уронила кувшин, Амир его поймал и снова установил на мои колени. Насмеявшись, я попыталась встать, он сразу вскочил со мной на руках и поставил меня на ноги.

– И куда дары духам положить?

Мы стали озираться, и Амир обнаружил небольшую нишу, которая была высечена в скале. Я бы ее никак не достала со своим ростом, даже бы не заметила. Фиса знала, что Амир прилетит? Или сама и организовала нашу встречу?

Ниша была таких размеров, что туда как раз помещался кувшин и сверток с хлебом. Амир не стал брать в руки дары духам, подхватил меня за талию и приподнял, чтобы я смогла положить их туда. Когда он меня опустил на землю, я вздохнула и произнесла:

– Духи, приношу вам дар за вашу помощь в моем исцелении. И прошу меня простить за те звуки, которые издавала.

Амир сразу спросил:

– О чем ты?

– Фиса говорит, что мне надо извиниться за мое пение.

А вот последние события Амир точно не видел, он удивленно приподнял брови, хмыкнул и покачал головой, ох уж эта Фиса, и заявил:

– Мне понравилось, как ты поешь.

Я скептически взглянула на него и опять вздохнула, а глаза голубые – не обманывает. Амир смотрел на меня странным взглядом, очень внимательным и напряженным, даже рассматривал, чего-то от меня ждал. А я лишь спросила:

– Ты мне поможешь добраться обратно?

– Закрой глаза.

Смазанное движение и шелест листьев, вот зачем не

послушалась, самой же хуже, меня слегка затошнило от скорости движения, ничего не увидела, только сама себя напугала.

Мы предстали перед Фисой, и она сразу стала возмущаться:

– И где вас ветром носило? Рине купаться время, а ты ее там держал в горах, разговоры разговаривал, потом все, потом. А теперь неси купаться, водица смоет все, что смыть пора, неси красавицу.

В домике было всего четыре маленькие комнатки, столовая, как кухня в обычном панельном доме, стол и три стула, ванная. Вито и Алекс с трудом помещались в комнатках, в кухоньку вообще старались не заходить, но еда каким-то образом там появлялась. Единственное место, где они еще могли присутствовать и не раздвигать стены, так это ванна, но путь им туда был заказан. В ванну Амир и перенесся практически мгновенно, поставил меня на ноги и долго не убирал рук с моих плеч. О чем он думал, так внимательно рассматривая меня? Даже не буду представлять свой вид после похода в горы, платок на голову я не надела и догадываюсь, как мои волосы изобразили волю, особенно после стольких падений. У меня хватило сил только на вопрос:

– Ты не уедешь?

– Нет.

И сразу исчез. Умытая, причесанная и очень голодная я предстала перед всей компанией, которая непонятным образом поместилась в беседке. Фиса сразу заохала, и Вито завернул меня в одеяло, накинуть на себя плед я не позволила:

– Я же так никого не вижу, как в чадре сижу!

Амир сидел напротив меня и продолжал смотреть тем же непонятным взглядом, очень внимательным, но, к счастью, светлым и голубым.

Когда мы с Фисой поели в полной тишине и Вито убрал посуду, Амир посмотрел на Алекса и тот поставил на стол ноутбук. Показывали новости, и Алекс коротко перевел:

– Известный тебе человек пропал.

На экране появилась фотография, и я узнала его, тот самый, чью фамилию назвал доктор Шерер. Я посмотрела на Амира, и он кивнул, его работа. Новости прервались, и на экране появился сам мужчина, прикрепленный ремнями к креслу, рядом с ним стоял Амир и говорил на английском спокойным ничего не выражающим тоном. Таким же тоном Амир пояснил:

– Я объяснил ему, в чем он был не прав.

На экране Амир замолчал и отошел в тень, а кресло преобразовалось в стол, большой хирургический стол, тут же к нему подошли люди в белых халатах. Экран погас, когда мужчина

закричал.

– И что ты с ним сотворил? Неужели прощение гаду ползучему, неужели так и оставил его, только мутантом несчастным сделал?

Фиса была в курсе событий, вся вскипела как вулкан, даже кулачком взмахнула. Амир взглянул на нее и усмехнулся:

– Его обратили.

– Зачем? Он теперь вашу немереную силу …

– Он не получит крови.

Алекс нажал кнопку, и на экране появилась клетка, внутри которой бился о прутья зверь в человеческом обличье: разинутый рот и выпученные глаза, вместо одежды – лохмотья. В нескольких метрах от клетки на стойках висели пакеты с кровью. Страшная участь монстра, который считал себя человеком. Когда экран погас, я шепотом спросила:

– Он умрет без…пищи…

– Через несколько месяцев. Если не загрызет себя сам.

Фиса длинно вздохнула и выдала то, о чем я подумала:

– Сам себе судьбу избрал, куда шел, туда дорожка-то и привела.

Амир опять странно посмотрел на меня, опустил глаза, произнес тем же никаким тоном:

– Эту запись получили еще несколько заинтересованных лиц.

– Правильно, чтобы мысли ни у кого не было, ишь надумали, Машеньку им захотелось, девочка-то ангел, сущий ангел, а они ее небось в такую клетку бы и посадили, да кровушку выкачивали проводками. Ты ее от себя далеко не отпускай, малая она еще, хоть и всяко умеет, голова-то еще совсем дитячья, ей бы мамку какую, да чтобы понимала, да лаской обогрела.

Я смотрела на Амира, видела, как он бледнел с каждым словом Фисы, глаз не поднимал, а сама думала о том, что Фиса права: Мари еще совсем ребенок, который вынужден существовать в страшном мире, и не просто существовать, играть очень важную роль, уготованную ей рождением. Появилась неожиданная мысль: а допустит ли Амир в своем неверии хоть какую-то близость Мари со мной, доверит ли единственное родное в этом мире существо неизвестной женщине, которая стала мачехой. Задумавшись о странностях своих отношений с Мари, я вздрогнула от вопроса Амира:

– Рина, ты готова ехать со мной?

Фиса ответила за меня:

– Готова-готова, здорова почти, раз до горки поднялась, то можно и в путь.

Но Амир ждал ответа от меня, даже на спинку стула

откинулся, как бы отдалился, глаза прикрыл, как удара ждал.

– Да, я могу ехать.

И чтобы спрятаться от этого взгляда, сразу спросила:

– А как ты сюда добрался? На машине?

– Вертолетом.

На мой наивный растерянный взгляд, я как-то не заметила нигде, во дворе никакого вертолета не было, и площадки тоже нет, сразу склон и скалы, усмехнулся:

– Он уже улетел. Мы полетим самолетом.

Самолетом, так самолетом. Я кивнула, посмотрела на Вито, и увидела едва заметную улыбку и хитрый взгляд, сразу поняла, что-то не так и опять взглянула на Амира.

– Ты же не боишься высоты.

– Какой…самолетной?

– Самолетной.

Теперь уже мы с Фисой переглянулись, и та сразу заявила:

– Не дам лебедушку…

– Тебя отвезут на машине.

Резко встал и что-то сказал, сразу все трое исчезли.

– Рина…

– Я глаза закрою. Он уже с горы спустился…быстро.

– Так самолет же…

– Сама сказала, что только я и могу. Силы какие-то, вот и попробую.

А сама сидела в полной растерянности, как теперь себя вести с мужем? А темнота, о которой так страшно говорила Фиса? Вдруг она в самолете проснется? Песни петь? Если только ими темноту пугать. Я решилась и спросила:

– А эта темнота, которая во мне, что теперь будет?

– Ничего девонька, лучше тебе, ты пой, девонька, пой, от вас двоих все зависит, теперь даже я ничего уже не могу сделать. Раз решился к тебе приехать, меня не послушал, да с собой берет, значит, верит тебе, да и с собой разобрался.

Она горестно покачала головой.

– Времени у вас нет, ни минуточки лишней, торопиться надо, искать дороженьки, чтобы к себе прийти, да понять, без этого никак.

А сама тяжело вздохнула, подошла ко мне и обняла за плечи:

– Ты верь ему, твоя вера поможет, сила его ломает, только твоя вера и спасет от погибели, без тебя сгинет, да и мы тоже.

– Фиса, я помню, ты тогда говорила, что весь мир рухнет без меня, почему? Как мир от меня может зависеть?

Она села рядом со мной и взяла за руки, строго посмотрела в глаза:

– А как же, все от тебя теперь, от того, как ты себя с темнотой-то поведешь. Амир воин не последний, за ним империя, куда он туда и все, ежели душа его проснется, то весь мир возрадуется, коли силища эта на защиту людей встанет, он пока на перекрестке стоит, куда ты, туда и он.

– А как это в жизни…

– От каждой минуточки, каждого слова, взгляда твоего все зависит, расцветет душа его, все и сложится.

Неожиданно она поцеловала мне руки, я вздрогнула и возмутилась:

– Фиса, что ты делаешь!

А она быстро заговорила:

– Ты вспомни, девонька, что сама-то видела, школу эту, не будет ее без ирода, всех погубят, Машеньку в темницу посадят, да остальных, кого споймать смогут, на кусочки порежут, сама в больнице той была, страх этот на себе перенесла. А скольких сделают слугами своими эти, Амир вот одного остановил, да другим показал, чтоб неповадно было, а если его не будет, сгинет он от боли своей без тебя? А если совсем во тьму от горя кинется, с его-то колдовством да силой? Зернышка людского не останется.

Я успела только испуганно поднять на нее глаза, как вошел Амир, все слышал, и жесткая усмешка выдала его состояние.

– Боишься за лебедушку?

И тон таков, будто сейчас же на ее глазах порвет меня на кусочки.

– Боюсь, ой как боюсь, только деваться нам всем некуда, нет той пещеры для нас, чтобы спрятаться.

И Фиса ответила таким же, встала во весь свой маленький рост и грозно на него смотрела.

– Ты мне-то нутро свое не показывай, знаю вас, может получше, чем сам понимаешь, поэтому и отпускаю с тобой надежду да мечту твою.

И сказала ту же фразу, что говорила мне перед походом к горным духам:

– Как сможешь, так и будет.

Она произнесла ее торжественно, как заклинание, словно запечатала словами путь. Амир страшно побледнел, но ничего не сказал, только на мгновение глаза опустил. Чтобы никто не успел еще слово сказать и этим усложнить прощание, я вскочила и потребовала:

– Летим. Амир, я готова. Фиса, я тебя ждать буду.

Вот так, раз от меня мир зависит, то уж будьте добры соответствовать задаче сами, разборки совсем ни к чему. Больше я сказать ничего не успела, сразу оказалась на улице. Амир

держал меня на руках и стоял в центре двора, рядом встал Вито.

– Закрой глаза.

Я послушно прикрыла глаза, для полной уверенности, чтобы уж точно ничего не увидеть, закрыла лицо руками. И вдруг тихий шепот, никакого грозного тона, почти просьба:

– Ничего не бойся.

– С тобой не боюсь.

В салон самолета мы просто вошли, ну, мне так показалось, я вдруг услышала легкий гул, и Амир посадил меня в мягкое кресло.

15

Это был штабной самолет, кругом стояла, висела, как-то закреплена на стенах разнообразная техника. Я долго озиралась вокруг, рассматривая ее, и спросила:

– Ты отсюда всем руководишь?

– Это самый защищенный самолет, в него можно бить ракетой.

Ну, да, только на нем такую ценность, как я, и возить.

– Скоро будет готов другой.

– Этот уже устарел?

– Самолет для тебя.

Для меня? Я чуть не расхохоталась, и куда я на нем летать буду? Амир понял мой вопрос и пересел ближе ко мне на откидной стульчик, легко обойдя стол, весь заставленный странным аппаратом с проводками. Я только сейчас осознала, что сижу в кресле, которое всего скорее его, раз перед ним такой стол.

– Мы полетим в Испанию…конечно, если ты захочешь.

– Хочу, я никогда не была в Испании. Я вообще нигде не была, только в Стамбуле…несколько дней.

Он опустил глаза, напоминание о тех днях почему-то расстроило его, и я сразу заговорила:

– В Испании у тебя есть дом?

– У тебя.

Ах да, мое приданое, я совсем забыла. Моя улыбка обрадовала его, и он сказал уже другим тоном:

– Твой дом готов к встрече с тобой.

– Он меня ждет?

– Ждет.

– А Мари полетит с нами?

– Ты бы этого хотела?

– Да. Если она сама захочет.

– Хорошо.

– А где она?

– Занимается своей школой.

Неугомонная, как Фиса, сразу побежала выяснять, что с ее питомцами произошло, пока ее не было. Дочь своего отца.

Амир смотрел на меня и думал какую-то мысль, которая тревожила его, я глубоко вздохнула и решилась:

– Говори, что ты хотел у меня спросить.

Он на мгновение опустил глаза, но тоже решился, поднял темный взгляд:

– Рина, я прошу… если у тебя возникнет хоть капля сомнения…

– В чем?

– Во мне…если ты почувствуешь страх передо мной…

И я засмеялась неожиданным для меня самой тихим смехом:

– Это тебе надо меня бояться, потому что я теперь наполнена силой горных духов, а если песни петь буду, то сам от меня сбежишь. Фиса сказала, что в них сила, в купе с моим исполнением грозная до невозможности. То есть никто не выдерживает.

Амир смог только взглянуть на меня и сразу опустил глаза.

– Я скажу, если мне будет…страшно рядом с тобой…я скажу. Ты не решай за меня, женщина – существо непредсказуемое: сейчас думает одно, через минуту другое.

И это говорю я?! Та, которая никогда ничего не делала, не подумав триста раз? Которая держала свои эмоции в железном кулаке и никогда не позволяла им выплеснуться хоть капелькой? Только уже с Амиром однажды каприз выдала, и то сама удивилась. Значит, есть надежда, пусть считает, что я на самом деле такая. И я разошлась от собственных мыслей.

– Ты побольше мелких предметов приготовь, я ими кидаться буду. Если перестану, забьюсь в угол, тогда и спрашивай, может, на самом деле испугалась, но сразу не верь, вдруг я не о тебе в углу думаю, окажется, что туфли жмут, а ты не понимаешь моего страдания.

Ум великого воина не смог осознать мою тронную речь. Амир сначала побледнел, потом опустил глаза, снова посмотрел на меня, теперь уже удивленно.

– У тебя жмет обувь?

– Нет, но может получиться так, что я… так решу.

Мне понравилось вводить Амира в состояние непонимания, он действительно не понял, что я сказала. И я решила усилить эффект.

– Ты стратег, все продумываешь и идешь к цели, а я…я могу отвлечься, увижу что-нибудь, и уже отвлеклась, красивую штучку какую-нибудь, или мысль придет в голову, и я уже ее думаю. У женщины с мыслями совсем сложно, она ведь даже может сразу несколько мыслей думать, правда, а когда несколько сразу, то они могут перепутаться, и уже не знаешь, какая есть та, которую думала первой, а какую второй.

И вдруг последовал неожиданный вопрос:

– Это обман?

Стратег, сама определила, но я смогла сразу ответить на этот вопрос, оказалось, что очень важный:

– Все определяется поступками, если за словом следует поступок, значит не обман.

Я сделала вид, что совсем не придала значения его вопросу и сразу спросила:

– А из самолета мы также выходить будем на ходу?

– Нет.

Амир резко встал и ушел в кабину пилота. Вот так, жена, теперь каждый момент он будет рассматривать с точки зрения возможного обмана, и требовать от меня подтверждения поступками. Скажем откровенно, я его еще ни разу не обманула, все что обещала, выполняла.

Я отвернулась к окну, чтобы Амир не заметил, как я волнуюсь. Вот в чем наша задача, вот что означает найти тропиночку друг к другу, поверить можно только тогда, когда понимаешь. И не только я должна поверить Амиру, но и он должен меня понять, мне поверить. И никакая ложь в этом не поможет, только настоящее, иначе ничего не получится, мы на самом деле оба погибнем. Энергия объединяется чувствами, эмоциями, а их словами не обмануть. Вот почему мое тело его чувствует, оно контролер действительного отношения. Позволил себе Амир недоверие словами, и все, сразу сработало. Значит и у него так же. Это не раздвоение личности, это закон нас так проверяет, его моей болью, хотя почему только его, и меня тоже. Нас обоих проверяют на вшивость самым жестоким образом, сумеем ли мы понять друг друга в состоянии полного недоверия и жуткой боли. Цена слишком велика, целый мир. Мир, в котором и для меня появились те, кто стал мне дорог, не только Фиса и Мари, Алекс и Вито, мутанты в школе, даже те боевики, которые охраняли нас в горах, и девушки-бойцы из гарема.

– Мы подлетаем.

Как долго Амир смотрел на меня, пока я думала свои умные мысли и смотрела в синюю даль? И что он думал о моих мыслях, верил ли? Мне не удалось изобразить легкомысленную улыбку, я, так же как и он, смотрела в его темные глаза с явным сомнением.

– Ты обещала сказать.

– Скажу.

А вот вам и первая реакция на слова об обмане. Что ж, и моя очередь наступила.

– Как девушки? Никто не пострадал?

– Нет.

Правда, глаза стали ясными, ни тени в ответе, обещал защитить и защитил. Амир улыбнулся неожиданной, почти ласковой улыбкой, казалось, что ждал от меня этого вопроса.

Мы приземлились на военном аэродроме, кругом стояли

истребители. Я на мгновение встала на выходе, но потом решительно пошла по ступенькам, уже хорошо, что не вышли прямо в воздухе.

И все же интересно, как на военный аэродром пустили столько машин сопровождения с явными бойцами, которые боевики. От них же на версту опасностью веет, им даже оружие не надо иметь, а к ним никто даже не подошел. А может, потому и не подошел? Амир открыл передо мной дверцу сиденья рядом с водителем, тщательно закрепил ремень безопасности и что-то резко сказал. В лицо я взглянула лишь раз, больше не смогла, таким я его тоже не знаю. Кто ж к нему подойти осмелится с таким выражением грозного генерала. Удивительно, как он меняется в зависимости от ситуации.

Мы ехали вдоль невысоких холмов, я рассматривала их, а сама думала о том, как я быстро привыкла к присутствию Амира в своей жизни. Ведь на самом деле мы мало были вместе, больше разговоров о нем, чем настоящего общения. Вот и пользуйся, пытайся его понять, не только со своей колокольни, но и с точки зрения, то есть видения, Фисы, Мари, да тех же боевиков. Как Фиса о нем сказала, что все рухнет, если не будет его с его силой и воинским умением, накопленным за сотни лет. Я не думаю, что этот из телевизора не был защищен, не пошел бы против Амира, явно знал о нем и его возможностях. А проиграл, сам таким стал, появилась возможность оценить состояние, да и другие тоже вряд ли обрадуются, получив информацию. Амир просчитывает все на многие годы вперед, особенно теперь, когда у него есть Мари, живая и здоровая, его народ… и я. Почему же Фиса сказала, что все от меня зависит, если у него столько разных поводов жить? Устал жить один? Да с его возможностями, богатством и красотой весь мир у его ног, любая человеческая женщина… и опять я пытаюсь увильнуть от ответственности. Закон повязал нас, именно нас двоих, энергию получил, жива осталась, продолжайте эксперимент, учитесь понимать друг друга как два представителя чужеродных рас. Вот это я подумала! Но получается именно так, поэтому и миры, именно миры, человеческий и иродов.

Мы ехали вдоль моря, и я отвлеклась от столь необычных для меня мыслей. Я никогда особенно не тосковала по морю, нравилось смотреть по телевизору, но чтобы мечтать изо дня в день, нет, стремления к нему у меня не было. А к чему было? Да ни к чему, подумаю, хорошо бы, но и все, на этом стремление и заканчивалось, ничего не делала для достижения хоть какой-то маленькой цели. Но сейчас я любовалась буйством волн, и во мне все замирало от восхищения. И в тот страшный день я восторгалась… ну да, эмоции тогда захлестывали – и вот

результат. Я обеспокоенно прислушалась к организму, но он растекся по креслу и никак не показывал своего волнения. Спасибо вам, духи гор.

Дорога резко повернула внутрь леса, как только мы подъехали к небольшому лесному массиву. Широко открытые высокие чугунные ворота ограды мы проехали на той же скорости, я лишь мельком заметила объемные бутоны, собранные в букет по центру одной из створок. Попыталась вспомнить, были ли они в ковровом дворце, но так и не вспомнила.

Это не тот дом, крыльцо другое, и этажей два, а в том было больше, по крайней мере, мне так казалось. Амир остановил машину, не доезжая до крыльца.

– Твой новый дом.

– Мой?

– Да.

– А ты? Ты будешь жить в другом месте?

– Не знаю.

– Почему?

– Ты обещала сказать…

– Скажу!

Амир не обернулся на меня, положил руки на руль и смотрел перед собой. А я вскипела как чайник, я тут рассуждаю, как нам пути друг к другу найти, а этот великий военачальник уже решил от меня сбежать! И еще спрашивает, боюсь ли я его!

– И что? Будешь за мной наблюдать в камеры и определять, доверяю я тебе или нет? Можно ли мне доверять? Или уже испугался, что я тебе по вечерам песни буду петь? Так не надейся, не буду! Никогда не буду!

Я стала лихорадочно расстегивать ремень, но пальцы не слушались, двигались неправильно, а в голове появилась ехидная мыслишка, и куда ты собралась, лебедушка?

– Ты хочешь, чтобы я был в одном доме с тобой?

– Интересно! То говорят, спасай мир, а потом заявляют, мол, стыдно с тобой…

Машина рванула так, что я откинулась на спинку сиденья, и вынуждена была замолчать.

Нас никто не встречал, казалось, в доме никого нет. Помогая мне выйти из машины, Амир произнес слово, и двери дома открылись. Красный кирпич и яркая белая отделка камнем, геометрический узор обвивал весь дом, мне сразу захотелось посмотреть, а что с другой стороны. Высокие окна, небольшие остроконечные башенки, фигуры животных, устроившиеся на выступах в самых различных местах и широкая лестница из этого же белоснежного камня. На каждой ступеньке едва заметной

серой полосой был нарисован этот же узор. Высокие двери из какого-то красного дерева, створки которых состояли из странным образом наложенных друг на друга пластин, тоже казались частью общего рисунка, защищающего этот великолепный дом. Это рисунок со стола! Те же линии, те же углы, это он, поэтому я подумала защищают!

– На столе тот же рисунок?

– Да.

Амир не мешал мне рассматривать дом, стоял рядом и поддерживал за локоть. Что-то его тревожило, только ли мое настроение? Я замерла и сжала кулаки, мое общение со столом – вот что волнует Амира. Хотя потом я больше никак на него не реагировала, а это целый дом, в котором я буду жить. Правильно подумала, я буду в нем жить, он мне нравится.

– Пошли.

Я первой ступила на лестницу, но Амир подхватил меня на руки и прошептал:

– Не испугалась.

Он медленно поднимался, перешагивал со ступеньки на ступеньку, а я очередной раз думала о том, что забываю об опасностях, даже тех, которые пережила, не говоря уже о тех, которых не знаю или не понимаю, а он каждую минуту защищает меня от них. Не зря именно такой дом, что-то это означает, что-то о его народе, в возрождении которого я тоже имею какое-то значение.

Это шатер, настоящий шатер, все потолки, хоть и очень высокие, были, как в соборе, куполами, непонятным образом освещались, казалось, что они сами светятся яркой голубизной неба. На стенах светлые гобелены, на которых едва проступают вышивки невероятных, совершенно сказочных птиц, вдоль стен стоят обитые такой же тканью невысокие скамеечки, пуфики и столики. Ни одной картины, только букеты цветов, помещенных в изящные золотые вазы, закрепленные на стенах, подойдя к одному из них, я коснулась пальцем лепестка алой розы и поняла: это камень, цветок был из камня. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы собраться с мыслями и обернуться:

– Очень красиво, удивительно, как хасы умели создавать красоту. Амир, прости, я не смогу произнести настоящее название твоего народа.

Он был бледен как полотно, а глаза темнели с каждой минутой.

– Ты помнишь…

– Конечно, все очень красиво, как шатер, вы жили в шатрах?

– Нет. Шатер был только у вождя.

Я кивнула и пошла дальше. Амир никак не направлял меня, шел рядом и наблюдал за мной. Мне стало жарко, и я сняла пальто, он взял его из моих рук, положил на пуфик, и пока я рассматривала инкрустированный столик из камня, пальто непонятным образом исчезло. Как там, в сказке об Аленьком цветочке, надо привыкнуть к таким неожиданностям и не разбрасываться одеждой, может совсем исчезнуть. Перейдя в очередной зал, я остановилась на пороге, все стены украшало оружие: серебряные и золотые сабли, щиты, пики и еще что-то, что мой женский ум определить не смог. В центре стоял стол, старый знакомый, с которым я уже разговаривала. Вокруг него стояли стулья, спинки которых были украшены изображением какой-то хищной птицы, и трон вождя, выделявшийся размерами и золотой птицей. Настоящий тронный зал, олицетворение войны и власти, власти единоличной и непререкаемой. Обойдя стол, я мельком взглянула на Амира и пошла дальше, женщине здесь не место.

И опять остановилась на пороге. Удивительный дом, полный контрастов. Будуар, легкомысленный и яркий, с диванчиками в золотую полоску, на которых в большом количестве лежали подушки и подушечки. Изящные столики на золоченых ножках, зеркала на стенах. Много живых цветов, расставленных повсюду в высоких красивых вазах. Гарем. Я прикрыла рот ладошкой, чтобы не рассмеяться и подняла глаза на Амира, он улыбался! Глаза светились смешинкой и легкой иронией, твое место, женщина.

Посмотрев в окно, только чтобы не видеть этой иронии, я увидела море.

– Море!

Амир кивнул и открыл дверь, задрапированную шторой:

– Твоя спальня.

Спальня была чуть меньше тронного зала, и я опять встала на пороге. После будуара мне казалось, что я уже ничему не удивлюсь, но стена вокруг, именно вокруг, полукруглая и совершенно прозрачная, поразила меня. Постояв в изумлении несколько секунд, я маленькими шажками подошла к ней и положила руки на стекло: кругом было море, яркое, сверкающее миллионами бликов, несущее мне навстречу свои волны. Где-то в небесной голубизне сверкало солнце и ласково касалось моего лица. Я бы стояла и стояла, но Амир спросил:

– Ужинать будешь?

Я кивнула головой, но не двинулась с места, он взял меня за руку, отвел от стены, и я увидела постель. Гигантский альков, в котором может поместиться весь гарем. Может, Амир перепутал, хотел гарем сюда перевезти, и кровать не успели поменять?

Запнувшись от удивления, я подняла на него глаза и поразилась яркой голубизне, сверкавшей как алмазы. Может это его постель, а я где-то в другом месте буду спать? Но он, же, не спит. Голубизна сверкнула смешинкой, и Амир подхватил меня на руки.

– Четыре пуховых матраса – тебе должно понравиться.

Он уложил меня в центре площади моей постели и отошел. Любуется? Я подвигалась, точно четыре, очень мягко, можно горошину класть. И подушек штук десять, пожалуй, я права, для гарема все было приготовлено. Мне пришлось долго возиться, чтобы слезть с этой постели, Амир не стал помогать, так и стоял. Голубизна сверкала, и губы странно шевелились, словно он что-то говорил про себя. Когда я все-таки смогла встать с постели, рука указала мне на панель:

– Твоя гардеробная. А следующая дверь ведет в бассейн.

Естественно, я пошла смотреть бассейн. Посередине пляжа сверкало голубое озеро, бурлящее как горный поток. Когда я смогла ступить на пляж, то не сразу поняла, что это ковер такой, внешне ничем от песка не отличается. И вид на море во всю стену, и потолок тоже прозрачный, в него еще светили лучи заходящего солнца. Я сразу скинула туфли и прошлась по ковру босиком, Амир решил остановить меня, вдруг сразу брошусь в воду:

– Ты хотела поужинать. Правая панель.

Кивнув, я естественно коснулась левой панели, и передо мной открылся потайной ход. Каменные ступеньки и вспыхнувшие факела не испугали меня, я восхищенно вздохнула, и услышала над ухом пояснение Амира:

– Выход в море.

– Можно сразу… из спальни…

– Вода еще холодная. Дверью на выходе управляю я.

Я кисло взглянула на него и вздохнула, температуру воды в море он будет определять по правилам своей арифметики. Безропотно я закрыла дверцу и коснулась указанной правой панели, понятно, раздевалка для сборной по плаванию. Чтобы я уже никуда не свернула, Амир подхватил меня на руки и вынес в спальню.

– А туфли?

Их было много, всяких разных на косых полочках, одежды тоже. Амир усадил меня на пуфик и вопросительно посмотрел в ожидании указаний. Растерявшись от такого изобилия, я куда-то махнула рукой, и мне подали мягкие кожаные тапочки с украшением в виде цветка. Расхохотавшись, я подала ногу, надевай сам, вдруг и тапочки жать будут.

Что-то у него связано с женскими ножками, какая-то история, и она бередит его душу. Амир страшно побледнел, глаза почернели мгновенно, а руки окаменели, он замер с тапочками в руках и меня не видел. Королева. Только она имеет для него такое значение. Я выскочила из гардеробной, руки дрожали и на глазах появились слезы, настроение мгновенно рухнуло в черную бездну. Спрятаться было негде, только в постели, что я и сделала, улеглась на краешке, забралась под одеяло и закрыла голову подушкой.

Попытки Амира снять с меня подушку я решительно пресекала, хваталась за нее обеими руками, ему бы пришлось ее поднимать вместе со мной. И организм отреагировал на жестокую обиду, я заледенела, теперь даже если бы и хотела, то отпустить подушку уже не могла. Коснувшись моих рук, он почувствовал холод, сразу скинул одеяло, лег рядом и обнял меня вместе с подушкой, прижатой к лицу, горячий поток энергии жаром полыхнул по всему телу. Согревшись, я с трудом разжала пальцы, и Амир убрал подушку.

– Прости.

– Уходи.

– Ты должна знать.

– Не хочу ничего знать, уходи.

Но он лишь сильнее прижал меня к себе и заговорил:

– Королева приняла на себя болезнь Мари, при которой кровь не сворачивается, у королевы кровоточили ноги. Несколько дней она теряла свою кровь, прежде чем я смог ей помочь.

– Почему?

– Глеб мне не доверял.

– Муж?

– Да. Я был враг. И она страдала из-за меня.

Вот что он вспомнил, моя вытянутая нога ассоциировалась у него с ножкой королевы.

– Ты вылечила своей энергией мальчика с подобной болезнью.

– И что?

– Я понял, что и у тебя может такое произойти. Завтра Вито тебя обследует.

Он помолчал, отпустил меня и приподнял платье, скажем так, значительно выше колен, провел рукой, но тела не коснулся, а я кожей почувствовала горячий поток энергии от его ладоней.

– Ран нет.

Амир аккуратно поправил платье, но рядом не лег, резко встал:

– Тебе пора ужинать.

– Прошло время, болезнь уже должна была проявиться.

– Ты потеряла много жизненной энергии, надо еще раз проверить. Опасность остается всегда, тем более, что ты много времени провела с Мари.

Это называется много?! Да всего несколько встреч! Я возмущенно запыхтела и стала выбираться с кровати. Амир опять не стал помогать, так и стоял, даже руки в карманы спрятал. Феодал, вот сейчас придумает повод и не возьмет Мари в Испанию, мои владения смотреть. Когда я встала на ноги, он подал мне тапочки, пришлось сесть. Он перепутал мои ноги с ножками королевы, воспоминание еще оставалось в нем, так нежно касаться можно только королевской ноги, чтобы не оскорбить своими руками. Еще немного и я снова оледенею.

Оказалось, что в столовую можно выйти прямо из будуара, нет необходимости прерывать заседание штаба, чтобы пройти на ужин или обед. Приподняв очередную драпировку, Амир открыл красивую, всю в маленьких золотых украшениях дверь, и я опять замерла.

Над всем главенствовало золото, не то, которое сверкает и хвастается собой, а золото силы и власти, и что-то общее было у этой столовой с тронным залом. Внешне это выглядело как ресторан с одним большим столом и несколькими диванами вдоль стен. Золотом был украшен даже стол, волнистые линии переходили друг в друга и расходились по краям тонкими волосками, мягко оттеняя цвет дерева. Спинки и подлокотники стульев, больше похожих на кресла, были обвиты тонкими изящными золотыми нитями, как бы закрепляющими обивку. Диваны, широкие, с высокой спинкой, выделялись небольшими фигурными вставками золотых пластин, неглубоко уходящих в светлую кожу. На стенах висели золотые геометрические фигуры, напоминающие рисунки на столе. Но они не сверкали, а лишь подчеркивали солнечный цвет гобелена. Купол потолка был весь заполнен маленькими золотыми шариками, которые весело качались на золотых нитях и сверкали в лучах заката.

Я стояла рядом со столом и разглядывала потолок, так интересно, шарики продолжали качаться, как будто там гулял ветер.

– Система кондиционирования.

Вот так все просто, а до этого объяснения казалось чудом. Вошла девушка, одетая в белую тунику и занесла большой поднос с едой. Амир отодвинул стул, и я торжественно уселась за стол, сам сел на диван и сложил руки на коленях, так и просидел, рассматривая меня странным взглядом. Первый ужин в доме.

Когда я выпила сок и сложила приборы в блюдо, опять

появилась девушка, и я ее спросила:

– Спасибо. Как тебя зовут?

Она посмотрела на Амира, он разрешающе кивнул головой, и только тогда она назвала свое имя:

– Яна.

– Ты откуда?

– Из Польши.

– Рина, приятно познакомиться.

Яна улыбнулась, удивленно взглянула на меня, собрала посуду и вышла. Я с удовольствием наблюдала, как грациозно она несет поднос на голове.

– Она боец.

Амир смотрел на меня тем же взглядом, но тон изменился, в голосе поблескивал металл.

– А чем отличается боец от боевика?

– Возможностями и силой.

Я подумала и решила, что боевик сильнее, раз Вито и Алекс боевики.

– Она для тебя боец, а для меня Яна.

Надо сразу расставлять точки, определять границы, если вовремя не сделать этого, то начнутся пограничные конфликты. Эту фразу я слышала в телевизоре и запомнила навсегда. Мы с Амиром не совсем поняли друг друга лишь в гардеробной и столовой, совсем неплохо для первого дня.

– Она всегда боец.

Взгляд Амира помрачнел, но я решила не отступать, иначе вся моя жизнь ограничится будуаром.

– Яна рядом со мной, а я человек и у меня свои взаимоотношения с теми, кто меня окружает. Боец это…это профессия, а в жизни она просто девушка Яна.

Амир хотел что-то сказать, но остановил себя и повторил:

– Она всегда боец.

– Значит, хороший профессионал. Только не говори, что я должна ее бояться.

– Тебе не нужно ее бояться.

А сам помрачнел еще больше, но говорить ничего не стал, поднялся с дивана и подошел ко мне. Он странно смотрел на меня и мысли стали грустными, лицо изменилось, наконец взгляд посветлел, и голубизна победила тяжелую мрачность.

– Ты права. Пусть будет Яна.

Амир произнес несколько слов, и в столовой появилась Яна. Амир положил мне руку на плечо.

– Ответственность по моему приказу и закону.

Яна побледнела, мгновенно опустилась на колено и склонила

голову. Я забеспокоилась, но он слегка сжал мое плечо ладонью и продолжил:

– В мое отсутствие равнозначно Вито и Алекс.

Она удивленно подняла на него глаза, но снова опустила голову, что-то очень ее удивило, равнозначность приказов Вито и Алекса? С его приказами? Надо уточнить, вдруг от моего каприза Яна пострадает.

– Что это значит? Амир, объясни мне.

Девушка еще ниже опустила голову и вся сжалась.

– Амир!

– Яна с этого дня отвечает за тебя и твое здоровье. Ты сама захотела приблизить ее, создать круг.

– Круг? Какой круг?

– Ближний круг, в него теперь входят Вито, Алекс и Яна. Они отвечают за тебя.

– Это как та клятва?

– Яна не может давать клятвы, она лишь боец.

Что-то было за этими словами, что-то очень страшное. Клятва! Он ее убьет, если со мной что-то случится – вот что означают его слова! Он и Вито с Алексом может убить, тех по клятве, а Яну просто за что-нибудь! Вот что означает ответственность за меня! Вито и Алекс тоже теперь могут ее убить, раз равнозначно! Я испуганно подняла на него глаза, и он понял мои мысли.

– Я могу убить любого члена клана. Яна.

Она подошла к нам, встала передо мной на колени, опустила голову и четко произнесла:

– Закон.

– Яна, прости, я не знала, ты совсем за меня не должна отвечать, мало ли что я могу сотворить…

Амир произнес слово и Яна исчезла. Я закрыла лицо руками и тяжело вздохнула, какой ужас, пусть лучше была безмолвной тенью, чем вот так, отвечать за меня и мои глупости. Меня Амир не тронет, пока я ему нужна, а ее убьет за мельчайшее недоразумение.

– У меня никогда не было ближнего круга.

Почему Амир это сказал? Я удивленно подняла на него глаза, оправдывается, он передо мной оправдывается, что никогда и никому не доверял. А я пришла и затребовала этот ближний круг. Правда, неизвестно еще, чем все закончится для тех, кого я в этот круг созвала, судя по словам и взгляду, ответственность возложил, и контроль такой учинит, что всем достанется. Ну что ж, созвала, так теперь сама тоже за них отвечай.

– Меня у тебя тоже не было.

Я сама чуть со стула не упала от собственных слов. Вот что значит защищать других, еще немного и королевой назовусь, мол, без этой, как ее, свиты жить в твоем доме не могу. А почему его? Это и мой дом, а в нем я могу устанавливать свои законы. У меня будет этот самый ближний круг.

Амир смотрел на меня темными глазами, и думы у него были тяжелыми, я не понимала этого взгляда и смутилась, зачем так сказала, можно подумать, он стал счастливым от моего появления.

– Рина, ты хозяйка в этом доме.

И опять я сказала то, что удивило меня саму:

– А ты кто? Гость?

Сразу представила тронный зал с мечами, пожалуй, одним из них мне и снесут голову однажды. И куда меня несет!

– Будешь приходящим мужем? Зачем тогда ритуал придумал? Оставил бы гарем…

Договорить я не смогла, Амир подхватил меня на руки, и мы оказались в спальне. Оп практически выбросил меня из своих рук на постель, встал темной фигурой и через мгновение исчез.

Зачем я это все сотворила? Я лежала недвижимо без единой мысли, только этот вопрос носился в голове. Прошло много времени, прежде чем я смогла думать. Это не могу быть я, никогда у меня не получалось настоящее кокетство, а уж такая провокация, высший класс, неведома мне в принципе. Я практически затребовала от Амира, чтобы он стал мне не фиктивным, а настоящим мужем. Раз такую постель организовал, то будь добр…Стоп. Вряд ли такое мое поведение добавит нам взаимопонимания. Заявилась непонятно кто, требования сразу устанавливает, круг организует, которого никогда у мужа не было, а потом вообще …

– Рина, как ты себя чувствуешь?

– Ты кто?

– Яна.

В темноте стояла тоненькая фигурка.

– Яна, я не знаю, как включить свет. Найди, пожалуйста, кнопку.

Свет включился, и я зажмурилась, почти сразу яркость пропала, Яна его отрегулировала на сумрак. Кнопка оказалась практически у двери. Она подошла к постели и показала на красивую золотую фигурку лебедя у изголовья:

– Этим тоже можно включить освещение, надо коснуться его головы и держать руку до нужной яркости.

Она коснулась изящной головки лебедя, и сумрак посветлел.

– Спасибо. Со мной все нормально.

– Можно мне коснуться твоей руки?
– Можно.
Я протянула ей руку, и она едва ее тронула своими пальцами.
– Теперь я буду знать твою энергию.
– Тебя Амир послал?
– Он уехал. Я пришла сама.
Интересная у меня получается первая ночь в своем доме.

16

Накупавшись в бурлящем озере, я прямо в халате села на пол у гигантского окна во всю стену и стала смотреть на море. Солнце радостно приветствовало меня своими теплыми лучами, мягко касалось лица и обещало радость. Я вздохнула и нажала на золотого львенка, которого вчера даже не заметила, сразу послышался шипящий звук волн, устало ложащихся где-то далеко внизу. Утром Яна показала мне много интересных способов управлять комнатой, я, конечно, все не запомнила, но этот львенок меня порадовал. Если ему нажать на голову, то слышны звуки моря за стеной, если нажать на правую переднюю лапу, то можно закрыть всю стену жалюзи. Я попробовала, и жалюзи беззвучно опустились за мгновение, как платок накинули, или плед. А если нажать на левую переднюю лапу, то свет будет проникать не весь, а такими теплыми лучами, как сейчас.

Только в бассейне ничего изменить нельзя. Есть только одна кнопка, включение и выключение. Температура такая, скорость бурления воды и количество пузырьков в соответствии. Амир навсегда исключил возможность моего утопления, когда я решилась нырнуть поглубже, то со дна поднялась сеть, которая меня достала на поверхность и сразу появилась встревоженная Яна. Как он тогда сказал, очень спокойно, между прочим, и усмехнулся, конечно, так больше не буду, возможность исключена в принципе.

Шестьсот лет боевого стажа и я, это даже не вопрос кто кого, ответ один, альтернативы быть просто не может. И о чем Фиса думает, как я смогу что-то в нем изменить? Кстати, про ближний круг, а чего, собственно говоря, я добилась? Добавила к Алексу и Вито еще и Яну, которая теперь за меня своей жизнью отвечает. Сам сбежал очередной раз, приедет, учинит разнос всем, мол, это не так, остальное тоже, хоть бы не поубивал всех.

– Рина, доброе утро.

В дверях стоял Вито.

– Доброе утро.

– Ты еще не завтракала.

– Не хочу.

– Мне нужно тебя обследовать.

– Не хочу.

Он постоял минуту у двери, потом неожиданно сел рядом со мной. Я вздохнула, вспомнила, о чем только что думала, и извинилась:

– Прости, пойдем обследоваться.

– Рина, можно тебе кое-что рассказать?

– Говори.

– Мари осталась жива, когда погиб весь народ хасов, и только теперь мы выяснили, что мать Мари была из народа, жившего на севере. И ты с севера.

Я только пожала плечами, шестьсот лет прошло, все в этом мире перемешалось.

– В тебе нет генетических повреждений, нет следов вируса, и ты имеешь тот же ген, что и Мари.

– Как это? Вито, я не поняла, у нас же разница… ну, не в возрасте, а вообще в шестьсот лет.

– Ты имеешь генетическую связь с матерью Мари. Вы из одной местности, где-то очень близко. Твои далекие предки были родственниками матери Мари.

Зачем-то я взмахнула рукой, длинно выдохнула, только после этого смогла посмотреть на Вито.

– А… то есть… получается…

– Ты ей родственница. У вас близкая кровь.

Я стала лихорадочно пытаться встать, Вито сразу вскочил и помог мне подняться. Только чтобы что-то сказать, я спросила:

– А как вы узнали?

– Валери, искусствовед, она нашла и перевела записи о народе хасов, там есть информация об Амире…

Он вдруг замялся и опустил глаза, а я продолжила:

– И о женщинах из его гарема. Говори.

– Последней родилась Мари у женщины с севера.

– А как ее звали, эту женщину?

– Заряна.

Точно, славянское имя, от слова заря, свет, яркий утренний свет, первые лучи солнца. Я походила по комнате, глубоко опустив руки в карманы халата.

– А как она попала к Амиру?

– Он купил ее на торгу…рабов.

Рабыня, значит, пришел, увидел и купил. Не так, почувствовал половину голубого шара жизни.

– Ты сказал, что последней, а потом дети не рождались?

– Нет, у Амира больше не было детей.

– А до того, до Мари, были дети?

– Мальчик умер от болезни.

Сына Амир потерял, осталась только девочка, единственная из всего народа, дочь женщины, которая несла в себе свет утренней зари.

– А что с ней случилось? Умерла от болезни?

– Нет, она умерла раньше.

Вито опустил глаза, а потом совсем отвернулся к окну.

– Вито, говори.

– Ее убили, когда она пыталась бежать.

Заряна его не любила, родила ребенка и все равно пыталась бежать от него. От вождя, сильного и богатого, красивого и молодого.

– Амир?

Вито продолжал смотреть на море, и я поняла, хоть он и не произнес никакого звука, Заряну убил Амир.

– Но ведь шар…она была его половиной, почему пыталась бежать?

– Шар энергия…в нем нет чувств.

Я тяжело опустилась на пол, он тут же сел рядом. Ах, Фиса, Фиса, что ты натворила, как сможешь, так и будет, да как смочь-то, тут что ни день, то удивление и ужас. Мари, девочка, как тебе помочь, как стать для тебя родной, хоть немного рядом с тобой побыть, чтобы ты кровь родную почувствовала. Как же в тебе все намешано: и Заряна со своим непокорством, на смерть пошла, только чтобы от нелюбимого уйти, и Амир, в котором столько всего, что и не перечислить. И я тетка непонятная, родственница та еще, одни проблемы кругом. Опять твоего отца довела, бежать пришлось.

– Значит, я действительно могу помочь народу?

– Надо понять, что в твоей крови может сопротивляться болезни. И почему твоя энергия спасла мальчика.

– Можно всем влить моей крови, это проще…

– Никому твою кровь переливать не будут.

– Ну, тогда мою энергию можно использовать…

– Рина, ничего у тебя не будут использовать. Мы лишь попытаемся понять, чтобы защитить тебя от возможного заражения.

Правильно подумала, в восстановлении народа хасов я тоже имею значение, поэтому и стол со мной разговаривал, что-то пытался сказать, да я не поняла.

– Пойдем, надо меня разобрать на детали…

– Я не буду разбирать тебя на детали. И кровь брать тоже не буду.

– А как ты узнаешь, больна ли я?

Де жа вю, с чего началось, тем и закончилось. Вито и исследование, вопрос больна ли я, только ковров не хватает. Он улыбнулся мягкой улыбкой:

– Узнаю.

Так я и пошла, в халате и тапочках на это самое обследование, хоть сама что-нибудь о себе узнаю, единственной и

неповторимой. Сколько интересного в моем будуаре, за ночь я забыла о нем, и когда Вито приоткрыл какую-то дверцу, оказалось, что через нее можно сразу попасть в медицинскую лабораторию. Получается, будуар – центр дома? Или все-таки тронный зал? Я спросила Вито, пока он навешивал на меня проводки:

– Вито, можно мне будет потом по дому походить, а то я запуталась совсем, ты мне покажешь?

– Покажу.

– Центр всего дома – тронный зал?

Он удивленно взглянул на меня, еще пару проводков прикрепил к голове, только потом ответил:

– Из каждой комнаты есть несколько выходов, зал оружия не в центре.

– Камеры…

– Везде.

Ясно, все всегда знаем, чем жена занимается. И все остальные тоже. Я посмотрела на потолок, но не заметила никакой камеры. Ну и ладно, и смотри, раз сам подойти боишься. Что-то я расхрабрилась, не действуют ли на меня знаки древнего народа, начертанные по всему периметру дома? И как, зачем им меня так менять?

Пока я сидела в медицинском кресле, а Вито что-то смотрел на экране, мне пришла странная мысль, может это энергия народа хасов хочет, чтобы Амир изменился, возродился вместе с народом? Ведь что-то же хотел мне сказать стол, показывая картинки, а раз я связана с Мари кровью, пусть дальней, одним маленьким геном, но все же… О чем я думаю? Опять сумасшествие, помрачнение ума, как эта энергия, электричество, как в этих проводках, может думать и тем более выбирать среди человеческих женщин кого-то для древнего вождя, да еще ставшего иродом.

– Как картинка? Есть что-то интересное?

– Есть.

– Карантин?

– Нет необходимости, ты не больна, и никогда этой болезнью не заболеешь.

– Совсем?

– Совсем. У тебя есть…

И произнес слово, которое я не то чтобы понять, повторить не смогу. Вито улыбнулся на мой непонимающий взгляд:

– У тебя иммунитет.

– И я могу своей кровью…

– Нет, твою кровь никто не будет использовать.

– Вито, а как ты понял, что у меня иммунитет, это слово я знаю, если…

– У меня есть образцы твоей крови.

Да, тогда он несколько раз брал у меня кровь. И возник вопрос, который я сначала задала, а потом смутилась.

– А как ты чувствовал себя, когда брал у меня кровь? Прости, мне не следовало…

– Я давно перешел на донорскую кровь.

– Давно…а Амир сказал…

– Часть клана по его приказу перешла на донорскую кровь раньше.

– А он сам?

– Недавно.

Пожалуй, я зря у него спрашиваю об Амире, совсем забываю, что все записывается. И решилась задать другой вопрос:

– А со мной… ты как себя чувствуешь?

– Сейчас уже совершенно спокойно. Твоя кровь меня не волнует.

– Сейчас?

Вито отвечал на мои вопросы, и ничего не менялось в спокойном доброжелательном взгляде. И только после этого глаза потемнели, и он опустил голову.

– Почему сейчас?

– Твоя боль… во мне все перевернулось… у меня никогда не было таких …переживаний… никаких переживаний. Я никогда ни о ком так не думал… а ты ни разу даже не вспомнила…

И опять я задала вопрос раньше, чем успела подумать:

– А королева?

Вито улыбнулся так, что где-то внутри меня образовался маленький ледяной вихрь.

– Она удивительная… королева. Рина…она королева в королевстве, которое создала сама.

У меня сразу пересохло в горле, и я хриплым голосом спросила:

– Она действительно ничего не боится?

Он странно на меня взглянул и коснулся руки кончиками пальцев, почти как Амир иногда касался, когда чувствовал мою кожу.

– Боится…но делает.

– Как сможешь, так и будет.

– Да.

А я что могу? Мои сомнения явно проявились на лице, потому что Вито опустился передо мной на корточки и решился взять за руку.

– Рина, ты все можешь. Ты уже столько всего сделала: Амира спасла, Мари, Алекса, нас всех.

Опять улыбнулся мягкой улыбкой:

– Мальчика.

– Вито, на самом деле все случайно получалось, никого спасать я не собиралась, все как-то само собой выходило, я даже подумать не успевала.

Вздохнула и призналась:

– И сейчас тоже думать не успеваю. Вот зачем вчера Яну, Вито, скажи, что мне теперь делать?

– Комнаты во дворце смотреть.

Он встал и подал руку, мне ничего не оставалось, как подать свою, если Вито не захотел отвечать, то спрашивать дальше бесполезно.

Прямо из лаборатории мы вышли в какой-то странный коридор без окон, и когда Вито включил свет, выяснилось, что все стены увешаны коврами, теми, которыми я любовалась во время своего карантина.

– Их привезли сюда…

Он нажал другую кнопку, и освещение поменялось, появились блики, как будто загорелись факелы, и цвет ковров изменился, он стал багрово-красным, узор потемнел, и у меня появилось ощущение, что он задвигался. Я лихорадочно вздохнула, и Вито сразу подхватил меня на руки:

– Что с тобой?

– Они…они… говорят со мной…

В себя я пришла уже в будуаре, Вито уложил меня на диван и держал за руку. Перед глазами с бешеной скоростью неслись картинки, но я опять не могла понять, что вижу, мозг не успевал фиксировать, и от этого мелькания у меня все заболело, тело пыталось их догнать и не успевало.

– Яна!

Теперь они уже вдвоем пытались успокоить меня в этом сумасшедшем действии, я иногда видела их лица, иногда мои руки на мгновение останавливались, но картинки снова побеждали своей яркостью и стремительностью. Грозный рык и резкий удар образовали в голове вихрь, и я потеряла сознание.

Амир носил меня на руках, ходил из комнаты в комнату, а я лишь фиксировала передвижение, слабость рухнула на меня, как только я пришла в себя на постели. Он обнимал меня всем телом, даже голову прижал к своей груди, но я успела лишь тихо позвать его по имени и больше говорить не могла.

Неожиданно перед нами возник Вито и что-то сказал Амиру, тот даже не остановился в движении, Вито отошел, но продолжал

говорить. От звука, который издал Амир, я вздрогнула, едва шевеля губами, прошептала:

– Не…не… угайся…

– Что?

– Рина говорит, не ругайся. Нужно попробовать, слабость наступила после воздействия коридора памяти. Они могут… должны вернуть ей силы.

Я смогла поднять глаза на Вито и ужаснулась: он был бледен, глаза ввалились, но сверкали решимостью.

– …ошли…мир…

– Рина…

– …еси… неси …еня…уда…усть…оворят…

Я едва говорила, Амир склонился ко мне и почти касался губами моего лица, наконец, тихо произнес:

– Хорошо.

Картинки опять стали проноситься с невероятной скоростью, и мое тело забилось в конвульсиях, но длилось это не долго, я вдруг успокоилась и почувствовала руки Амира, горячие от потока энергии. И сознание снова покинуло меня.

Почему меня спасти может только Амир? Я иногда принимаю энергию от Вито и Алекса, иногда от Яны, но спасти может только он. Мое состояние было уже стабильным, так сказал Алекс, то есть двигаюсь, хоть и с трудом, разговариваю, хоть некоторым и хочется, чтобы я помолчала. Все-таки ковры как-то влияют на меня, хотя я так и не помню картинок, которые чуть не убили, ни одного изображения – только мелькание.

Амир несколько дней постоянно находился рядом со мной. Никого, кроме Яны, ко мне не допускал, и я начала переживать за Вито, тем более, что сам со мной практически не разговаривал, молча стоял у окна и смотрел на море. Когда в голове совсем просветлело, я спросила:

– А где Вито?

– В доме.

– С ним все хорошо?

– Почему ты спрашиваешь?

– Он ни разу ко мне не зашел. Ты запретил?

Амир резко повернулся ко мне и мрачно спросил:

– Зачем он тебе?

– Просто спросила…Амир, он хоть со мной разговаривает, а ты все время молчишь…

Он ничего не ответил, и опять отвернулся к морю.

Я отгоняла воспоминания о горячих объятиях и страстном шепоте, когда принимала его энергию в коридоре памяти. С ним там тоже что-то происходило, ковры и на него воздействовали.

– Вито мог тебя погубить.

– Он же не знал, что так получится, что ковры со мной заговорят как стол.

– Тебе незачем ходить по всему дворцу.

– Почему? Я должна всегда сидеть в своей комнате? Никуда вообще не выходить?

– Только со мной.

– Гарем, да? Поэтому Заряна от тебя убежала? Ты ее никуда не выпускал?

Амир оказался рядом со мной так внезапно, что я вдавилась в подушки, его мрачный взгляд сверкал, а губы были сжаты в тонкую ниточку. Странным голосом почти прошипел:

– Вито нарушил…

– Если ты мне ничего о себе не говоришь, как я узнаю тебя? Вито прав, что рассказал мне, я …

– Ты хочешь знать? Что тебе рассказать? Каким я был вождем? Как погиб весь народ, а я не смог его спасти?

– В этом ты не виноват, болезнь…

– Я вождь, должен был найти способ… а я…

Амир опять отвернулся и отошел к морю. Лишь через некоторое время глухим голосом продолжил:

– Убил единственного человека, который мог спасти всех.

Он молчал, а во мне боролись два чувства: гнев за убийство несчастной Заряны, вина которой состояла лишь в том, что свобода для нее оказалась важнее золотой клетки, и неожиданное сострадание, ведь Амир корил себя за гибель народа сотни лет. Он был вождем и жил по тем законам, которые его воспитывали с младенчества. И сейчас вина многократно усугубилась от знания, что народ можно было спасти, если бы он тогда хоть как-то обратил внимание на Заряну, попытался остановить ее, а не убивать. Если бы она осталась жива, то в конце концов он бы выяснил, кто может помочь в лечении болезни, и этим спас всех. Вот он, жестокий урок жизни для него: нелюбовь вождя погубила целый народ. И даже потом, в стремлении спасти Мари он оставался жестоким главой клана и, убивая людей сотни лет, не понимал, что убивает тех, кто может помочь ей. Понимает ли сейчас значимость человеческой жизни? Урок не прошел зря, меня он теперь бережет как зеницу ока, но понимает ли, что основой отношений всегда является свобода?

– Амир, ты любил Заряну?

– Я не знал любви.

– А твои родители? Они любили друг друга?

Он не ожидал такого вопроса и удивленно обернулся, посмотрел мрачным взглядом:

– Мы не говорили …о любви. Я не знал своей матери.

– Как это не знал?

– Сына вождя в возрасте двух лет забирали в мужскую половину. Я никогда не видел своей матери.

И что он мог знать о любви? Мальчик, которого с младенчества готовили как вождя, как воина и только, а женщина была лишь аппаратом для получения удовольствия и производства наследников. Я растерянно прошептала:

– Вы вообще не знали любви?

– Я не знал.

Он опять отвернулся от меня и спрятал руки в карманах, склонил голову и опустил плечи, великий вождь народа, никогда не знавший любви, никакой, никогда. А я, что я знаю о любви? Можно ли назвать любовью отношение родителей ко мне, при том, что они особо меня не обижали, это я сама обижалась. Они жили привычной для себя жизнью, в которой был ребенок, получившийся для них случайно и связавший их друг с другом на всю жизнь. Про мужа вспоминать даже не буду, любви в семейной жизни не было изначально, лишь попытка что-то изменить, какая-то надежда, которая не сбылась. На ум пришли слова песни, слушая которую мне всегда хотелось плакать, но слезы так ни разу и не появились: «вот и встретились два одиночества, развели у дороги костер, а костру разгораться не хочется, вот и весь разговор». Слез не было и сейчас, только тоска заполонила душу, тяжелая тоска безнадежности. Но мой организм, странным образом запрограммированный неизвестными силами, с этой тоской мириться не захотел. Я почувствовала оледенение и лишь успела позвать Амира:

– Амир, я…

Он не сразу обернулся ко мне, и я успела окоченеть до состояния сосульки, когда он рванулся и подхватил меня на руки, завернул всем телом и горячий поток энергии всколыхнул мою кровь.

Мы лежали на постели, и Амир обнимал меня всем телом, как завернул в себя. Я уже согрелась, но он даже не пошевелился, когда я попыталась освободиться из его рук.

– Мне уже хорошо. Отпусти меня.

И опять никакого ответа, руки только плотнее прижали меня к себе. Не знаю, сколько длилось это объятие, я пригрелась и уснула.

Наши тела понимают все, а вот разум, мой в частности, отягощенный всякими разными прошлыми опытами, а может просто глупостями, понимать ничего не хочет. Я так и проснулась, обернутая телом Амира, практически лежала на нем,

голова примостилась на его груди, а рука обнимала. Я поводила глазами, ужаснулась своему поведению, вернее поведению своего тела, и громко заявила:

– Отпусти меня.

Улыбку я почувствовала тоже телом, попыталась сползти с него, а он только сильнее прижал к себе.

– Отпусти.

– Мне можно.

И в голосе улыбка, такая легкая смешинка-ирония. Мое тело еще блаженствовало и не успело воздействовать на мозг, за это и поплатилось.

– Можно, ты же хозяин гарема. Я должна быть счастлива, что мой владелец меня посетил, осчастливил, так сказать.

Амир тоже не сразу понял, что я сказала, его мозг еще был не готов реагировать. Но руки постепенно стали каменеть, и скоро я оказалась зажата металлическими обручами, еще немного, и мои ребра треснут, а шея свернется. Я молча терпела, только глаза закрыла в ожидании треска собственных костей. Он вскочил так стремительно, что я обернулась вокруг себя как детский волчок. Когда я уравновесилась на постели, то была уверена, что Амир исчез, но он стоял у постели и смотрел на меня черными глазами, руки за спиной. И опять мозг высказался раньше, чем тело осознало действительность:

– Тебе нужно взять у меня побольше крови, а еще привести сюда всех, чтобы я поделилась своей энергией с ними, пока жива. Вито, надо позвать его с колбочками. А энергию вы не умеете консервировать? Может, кто из боевиков умеет? Алекс еще не научился?

Я говорила и смотрела на него гневным взглядом, можно говоришь, так бери всю, с кровью, энергией и телом. Владей. Я демонстративно пошевелила головой и потерла шею в месте захвата, а ведь синяк будет, вот и след от посещения хозяином своего гарема.

Продолжение следует.